

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

БАТАРИАНСКИЙ
ДЖИХАД

Кевин Дж. Андерсон
Брайан Герберт
Дюна. Батлерианский джихад
Серия «Легенды Дюны», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142979

*Дюна: Батлерианский джихад: [фантастический роман] / Брайан Герберт, Кевин Андерсон: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-118934-1*

Аннотация

За десять тысячелетий до событий, разворачивающихся в «Дюне», задолго до рождения и воцарения Муад'Диба двадцать отчаянных умов захватили власть в Старой Империи, воспользовавшись зависимостью людей от технологий и наделив машины могучим интеллектом. Так началось многовековое господство мыслящих роботов под руководством жестокого всемирного разума Омниуса.

Несмотря на непрекращающуюся кровопролитную борьбу, остались те, кто продолжает сопротивляться. В рядах униженного, но не сломленного человечества зреет восстание, которое выльется в непримиримый Батлерианский джихад – Великий переворот, изменивший ход истории Арракиса и всей Вселенной.

Герберт Брайан, Андерсон Кевин

Батлерианский джихад

Фантастический роман

Brian Herbert, Kevin J. Anderson

Brian Herbert, Kevin J. Anderson

DUNE: The Butlerian jihad

© Herbert Properties LLC, 2002

© Перевод. А. Анваер, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Принцесса Ирулан пишет:

Каждый приверженный истине ученик должен понять, что история не имеет начала. Независимо от того, какую точку отсчета мы принимаем за начало, до нее уже существовали более ранние герои и более ранние трагедии.

Для того чтобы понять Муад'Диба или суть происходящего сейчас джихада, последовавшего за свержением моего отца, императора Шаддама IV, надо понять, против чего мы сражаемся. Следовательно, надо заглянуть на десять тысяч лет назад, за десять тысячелетий до воцарения Пауля Атрейдеса.

Именно там видим мы основание империи, именно тогда,

из пепла битвы при Коррине, восстал император, объединивший искалеченные остатки человечества. Нам надо изучить самые древние рукописи, обратиться к мифам зарождения Дюны, во времена Великого Переворота, известного под именем Батлерианского джихада.

Ужасная война против мыслящих машин стала зарождением нашей политико-торговой вселенной. А теперь слушайте внимательно: я поведаю вам историю о том, как свободлюбивые люди восстали против господства роботов, компьютеров и кимеков. Присмотритесь и поймите, откуда взялась смертельная вражда между Домом Атрейдесов и Домом Харконненов, яростная вражда, которая продолжается по сей день. Проследите корни возникновения Общины Сестер Бене Гессерит, Космической Гильдии и ее навигаторов, школы оружейных мастеров Гиназа, появления врачей школы Сук и ментатов. Станьте свидетелями жизни скитальцев-дзенсунни, которые бежали в пустынный мир Арракиса, чтобы стать самыми доблестными нашими воинами – фрименами.

Именно эти события привели к рождению и жизни Муад'Диба.

Задолго до явления Муад'Диба, в последние дни Старой Империи, человечество утратило тягу к жизни. Земная цивилизация распространилась к дальним звездам, но стала застойной. Утратив былую дерзость и притязания, большинство людей доверили выполнение всех самых обыденных за-

дач машинам. Постепенно люди перестали думать, мечтать, да, собственно говоря, и жить.

Тогда из дальней системы Талим явился человек, ясновидящий, принявший имя Тлалок, по имени древнего бога дождя. Он говорил, обращаясь к вялой, расслабленной толпе, пытаясь оживить в ней человеческий дух, но мало преуспел на этом поприще. Но нашлись люди, услышавшие Тлалока. Эти новые мыслители сошлись на тайную встречу, чтобы обсудить, как изменить лицо империи, если удастся сбросить глупых и недалеких правителей. Отбросив имена, данные им при рождении, они приняли новые – имена древних богов и героев. Самым выдающимся из новых мыслителей стал военачальник Агамемнон и его возлюбленная Юнона, гений тактики. Эти двое разыскали программиста Барбароссу, который разработал схему превращения вездесущих услужливых машин империи в неумолимых и бесстрашных агрессоров, придав их разуму – мозгу А1 – некоторые человеческие черты – например, стремление к завоеваниям. Потом к повстанцам присоединились еще несколько человек. Двадцать могучих умов образовали ядро революционного движения, захватившего власть в Старой Империи.

Одержав победу, они назвали себя титанами, по имени самых древних греческих богов. Ведомые ясновидящим Тлалокком, эти двадцать человек разделили между собой власть над людьми и планетами, силой распространяя свои эдикты и указы с помощью агрессивных думающих машин Барба-

россы. Так завоевали они большую часть известной Галактики.

Нашлись, однако, люди, оборонявшиеся на окраинах Старой Империи от этого натиска. Эти люди образовали конфедерацию – Лигу Благородных – и начали сражаться с двадцатью титанами. После многих кровавых битв Благородные сумели отстоять свою свободу. Они остановили наступление титанов и отбросили их.

Тлалок поклялся обуздать этих противников, но, пробыв у власти менее чем десять лет, ясновидящий вождь погиб от нелепой случайности. Командующий Агамемнон занял место вождя, но смерть друга и учителя послужила мрачным напоминанием о бренности самих титанов.

Желая править в течение столетий, Агамемнон и его возлюбленная Юнона решились на рискованный шаг. Им удалили головной мозг, поместили его в специальную емкость, которую можно было вмонтировать в механические тела. Один за другим – чувствуя приближение призрака старости и уязвимости – остальные титаны тоже превратили себя в кимеков – машины с человеческим разумом.

Эпоха титанов продолжалась целое столетие. Узурпаторы кимеки правили своими планетами, используя для поддержания жесткого порядка все более сложные компьютеры и роботы. Но настал судьбоносный день. Склонный к гедонизму титан Ксеркс, желая больше времени посвящать удоволь-

ствиям, открыл свой мозг вездесущей сети разума А1.

Восприимчивая компьютерная сеть отреагировала мгновенно и захватила власть над всей планетой. За планетой Ксеркса жертвой машинного разума пали и другие миры. Власть компьютеров распространялась по Вселенной со скоростью особо опасной инфекции. Всемирный разум захватил неограниченную власть над Галактикой. Приняв имя Омниуса, вселенский разум овладел всеми планетами титанов, прежде чем они смогли предупредить друг друга о грозившей опасности.

Омниус принялся устанавливать во Вселенной свое в высшей степени упорядоченное правление. Униженные кимеки на себе испытали тяжесть его невыносимого гнета. Бывшие некогда хозяевами Вселенной, Агамемнон и его товарищи поневоле оказались рабами всемирного разума.

Ко времени Батлерианского джихада Омниус и его мыслящие машины уже тысячу лет железной хваткой держали свой Синхронизированный Мир.

Но на окраинах сохранились отдельные общины свободных людей. Оказывая друг другу помощь, они, как шипы в боку, доставляли неприятности мыслящим машинам. Все попытки Омниуса покорить Лигу Благородных разбились об ее эффективную оборону.

Но машины каждый раз изобретали новый план боевых действий.

Как только люди создали компьютер,

*способный собирать информацию и учиться,
используя ее, они подписали смертный приговор
человечеству.*

Сестра Рекка Финита

Салуса Секундус висела в пустоте космического пространства, как украшенный драгоценностями шарик, как оазис плодородных и обильных полей, как островок покоя, весьма приятный для зрительных сенсоров. К несчастью, этот безмятежный мир был заражен дикими и неразумными человеческими существами.

Флот роботов приблизился к главной планете Лиги Благородных. Бронированные боевые корабли оцетинились оружием, блистая зловещей красотой своих отражателей, мощных антенн и сенсоров. Кормовые двигатели изрыгали чистейшее пламя, придавая кораблям ускорение, какого не вынесли бы биологические тела обычных живых пассажиров. Мыслящим машинам не нужны ни пища, ни элементарный физический комфорт. Сейчас перед ними стояла главная задача – уничтожить остатки последнего очага сопротивления обычных людей, окопавшихся на диких окраинах Синхронизированного Мира.

Сидя в своем флагманском пирамидальном судне, атакой руководил генерал-кимек Агамемнон. Логическому машинному мышлению были чужды такие понятия, как слава или месть. Но самому Агамемнону эти понятия чужды не были. Его живой разум, закованный в механический контейнер,

внимательно наблюдал за исполнением плана.

Впереди шли корабли флота роботов, они вломились в зараженную человеческим материалом планетную систему, ошелобив экипажи кораблей космической стражи, которым пришельцы показались неотвратимой лавиной. Корабли охранения открыли огонь и рассредоточились, стараясь отразить нападение бездушных машин. Пять охранных кораблей Лиги открыли огонь тяжелыми ракетами, но их снаряды оказались слишком тихходными, чтобы поразить несущиеся с невообразимой скоростью суда противника. Несколько судов-роботов были повреждены или уничтожены удачными выстрелами, и приблизительно столько же кораблей Лиги взорвалось, вспыхнув яркими звездами и превратившись в пар. Их уничтожили не потому, что они представляли какую-то опасность, а просто из-за того, что они оказались на пути.

Только несколько разведчиков, оказавшихся в стороне от боя, смогли передать предупреждение на беззащитную Салусу Секундус. Боевые корабли-роботы превратили в пар внутренний периметр человеческой обороны, даже не замедлив движения к главной цели. Содрогаясь от экстренного торможения, корабли-роботы достигнут планеты вскоре после того, как ее столица получит предупредительный сигнал о вторжении.

У людей не будет времени подготовиться к отражению атаки.

Флот роботов по численности в пять раз превышал численность самых крупных сил, которые Омниус когда-либо высылал против Лиги Благородных. Люди предались благодушию и расслабились, не сталкиваясь с мощными наступательными действиями роботов в течение последнего столетия напряженной «холодной войны». Но терпение машин неиссякаемо, они могут долго ждать, и вот теперь у Агамемнона и оставшихся в живых титанов наконец снова появился шанс.

На планету Лиги были заброшены мириады крошечных разведывательных зондов. Удалось выяснить, что Лига установила непроницаемую, как ей казалось, защиту от гелевых схем, на которых было основано действие мыслящих машин. Огромный механический флот будет ждать на безопасном расстоянии, пока Агамемнон и его маленький авангард из кимеков пробьются вперед и выполнят миссию – возможно, самоубийственную – открытия бреши в системе обороны Лиги.

Агамемнон был охвачен радостными предчувствиями. Эти несчастные биообъекты уже слышат вой тревожной сигнализации, спешно готовятся к защите и... испытывают настоящий животный страх. С помощью текучего электрического поля, которое поддерживало жизнь в его лишенном тела мозгу, Агамемнон передал приказ своим кимекам: «Уничтожим сердце человеческого сопротивления. *Вперед!*»

В течение адски тяжелого тысячелетия Агамемнон и его

титаны были вынуждены служить компьютерному мировому разуму, Омниусу. Задыхаясь под его гнетом, амбициозные, но потерпевшие поражение кимеки вымещали теперь накопившуюся горечь на Лиге Благородных. Битый генерал лелеял надежду в один прекрасный день ополчиться на Омниуса, но пока для этого не было никакой реальной возможности.

Лига выстроила вокруг Салусы Секундус новые уничтожающие поля, которые были способны вывести из строя самые сложные и хитроумные гелевые схемы компьютеров системы А1, но эти поля были бессильны против Агамемнона и его соратников, так как, хотя у них были механические системы и заменяемые тела роботов, мозг их оставался человеческим.

Именно поэтому у них был шанс невредимыми преодолеть защитное поле планеты.

Агамемнон изучал планету Салуса Секундус, перечеркнув перекрестием прицела. Обращая пристальное внимание на детали, командующий принялся рассматривать тактические возможности, применяя для этого свое искусство, отточенное в течение столетий, и интуитивное понимание сути и целей вторжения. В свое время он подтвердил свои способности, когда с двадцатью сторонниками поставил на колени Старую Империю только для того, чтобы потом бесславно положить ее к ногам Омниуса.

Перед тем как осуществить эту дерзкую атаку, всемирный компьютерный разум настаивал на проведении учений

на макетах, имитирующих каждое возможное положение, и разработке плана, в котором все эти положения были бы предусмотрены. Но Агамемнон понимал всю бесполезность таких планов, когда дело касалось не слишком логично мыслящих людей.

Теперь, когда огромный флот роботов сокрушил, как и ожидалось, орбитальную оборону Лиги и уничтожил охранные корабли периметра, разум Агамемнона вышел за пределы тесного контейнера. Вооруженный многочисленными сенсорами, он чувствовал, что корабль заменил ему давно утраченное человеческое тело. Встроенное в корабль оружие стало частью существа генерала Агамемнона. Теперь у него была тысяча глаз, а мощные двигатели он ощущал как мускулистые ноги, на которых он когда-то мог бегать с быстрой ветра.

– Приготовиться к наземной атаке. Как только наши десантные суда пройдут полосу обороны Салусы, мы должны ударить быстро и жестко. – Вспомнив, что камеры слежения записывают каждое его действие, которое потом будет просматривать всемирный разум, он добавил: – Мы стерилизуем эту гнилую планету во славу Омниуса.

Агамемнон замедлил снижение, то же самое сделали и другие.

– Ксеркс, принимай командование. Высылай своих неокимев. Пусть подавят их огонь и сметут ко всем чертям.

Проявляя, как всегда, нерешительность, Ксеркс ответил

жалобным тоном:

– Вы прикроете меня, генерал, когда я пойду вниз? Это же самая опасная часть...

Агамемнон не дал ему договорить.

– Будь благодарен за эту возможность проявить себя. Вперед! Каждая секунда промедления играет на руку *хретгиру*.

Этой унижительной и презрительной кличкой мыслящие машины и их прихлебатели кимеки обозначали людей, которые в их глазах были ничуть не лучше червей.

В селекторе раздался другой скрипучий голос. Докладывал робот – оператор машинного флота, работавшего с оборонительными системами людей на орбите Салусы.

– Мы ждем вашего сигнала, генерал Агамемнон. Сопротивление людей усиливается.

– Мы делаем все возможное, – ответил Агамемнон. – Ксеркс, выполняйте приказ!

Ксеркс, которому никогда не хватало духу сопротивляться до конца, замолчал и призвал к себе трех неокимеков, представителей последнего поколения машин с человеческим мозгом. Четыре пирамидальных корабля выпустили вспомогательные приспособления, и спускаемые аппараты, никем не управляемые, начали падать в атмосферу. В течение нескольких секунд они будут легкими мишенями, и системы противоракетной обороны Лиги могли бы сбить несколько таких машин, но их броня была настолько крепка, что выдержит любое попадание и без вреда переживет па-

дение на поверхность в пригороде столицы планеты Зимии, где расположены башни главных генераторов защитного поля планеты Салуса Секундус.

Лига Благородных могла бы противопоставить организованной эффективности Омниуса человеческую непредсказуемость, но эти дикие биообъекты плохо поддавались разумному управлению, и зачастую даже при решении важнейших вопросов среди этих низших существ возникали губительные разногласия. Как только удастся сокрушить Салусу Секундус, неустойчивый союз распадется от паники; сопротивление людей будет окончательно подавлено.

Но передовым кимекам Агамемнона еще только предстояло выключить уничтожающие защитные поля. Потом Салуса станет беззащитной и задрожит, как осиновый лист на ветру. Флот роботов сможет безнаказанно нанести смертельный удар. Огромный механический сапог раздавит жалкое насекомое.

Командир кимеков направил свою машину точно в назначенную позицию, готовый повести за собой остальную часть сил уничтожения. Агамемнон выключил все компьютерные системы и последовал за Ксерксом. Мозг командующего плавал в пространстве предохранительной емкости. Ослепший и оглохший генерал не чувствовал ни жара, ни неистовой вибрации, когда его бронированный корабль с ревом понесся к ничего не подозревающей цели.

Мыслящая машина – это злой дух,

вырвавшийся из бутылки.

Барбаросса. «Анатомия одного мятежа»

Когда сенсорная сеть Салусы уловила приближение военного флота роботов, Ксавьер Харконнен отреагировал мгновенно. Мыслящие машины решили еще раз испытать прочность обороны человечества.

Хотя он носил звание терсера, то есть занимал достаточно высокое положение в салусанской милиции – автономном формировании Армады Лиги, – Харконнен еще не родился, когда случилось последнее серьезное столкновение Лиги с машинами. С тех пор прошло без малого сто лет. После столь долгого затишья машины наверняка рассчитывали на слабое сопротивление, но Ксавьер был готов поклясться, что они ошибутся.

– Примеро Мич, мы получили экстренное предупреждение и видеозапись от одного из наших периферийных разведчиков, – доложил он своему командиру. – Но передача прервалась.

– Вы только посмотрите на них! – пискнул квинто Уилби, взглянув на видеозапись, поступившую из сенсорной сети. Младшие офицеры и солдаты столпились у панелей управления и слежения в зале с высокими сводчатыми потолками. – Омниус еще не присылал сюда ничего подобного.

Ваннибал Мич, низкорослый, но громогласный примеро салусанской милиции, находился в центре обороны планеты, хладнокровно оценивая поток поступающей информации.

– Последнее донесение с периметра уже устарело на один час из-за задержки сигнала. Противник уже атаковал наши передовые пикеты и старается подобраться еще ближе. Но у них, конечно же, ничего не выйдет.

Хотя это было первое в его жизни предупреждение о приближении флота вторжения, Мич вел себя так, словно каждый день только и делал, что ждал нападения машин.

Под лампами, освещавшими зал управления, темные волосы Ксавьера отблескивали рыжеватым коричневым оттенком. Это был серьезный молодой человек, честный, но склонный видеть мир только в черных или белых тонах. Как командир третьего ранга в военной иерархии Лиги, Ксавьер Харконнен был заместителем Мича на внешнем посту местной обороны. Начальство благоволило молодому Харконнену, и он быстро продвигался по служебной лестнице. Уважали его и солдаты, готовые идти за своим командиром в огонь и в воду.

Несмотря на то что огромные размеры боевого флота роботов произвели на терсера некоторое впечатление, он усилием воли заставил себя сохранять спокойствие, потребовал от личного состава ближайшего пикета доложить обстановку, привел космические силы флота обороны в боевую готовность номер один и приказал им выдвинуться на ближнюю орбиту. Но командиры боевых кораблей уже привели экипажи в состояние боевой готовности, как только услышали предупреждение, переданное с уничтоженных разведчи-

ков.

Окружавшие Ксавьера автоматические системы деловито и приглушенно жужжали. Прислушиваясь к осциллирующим звукам сирен, торопливым голосам, повторявшим приказы и сообщавшим обстановку, к гулу, стоявшему в зале управления, Ксавьер Харконнен медленно перевел дух, стараясь расставить задачи в соответствии с их значимостью.

— Мы можем их остановить, — сказал он. — Мы их остановим.

В голосе его чувствовалась командирская твердость. Было такое впечатление, что он намного старше своих лет и привык каждый день сражаться с Омниусом. В действительности это будет его первое столкновение с мыслящими машинами.

Много лет назад его родители и старший брат погибли по дороге из семейной усадьбы на Хагале, предательски атакованные подлыми кимеками. Бездушные машины всегда были смертельными врагами, угрозой мирам Лиги, но в последнее столетие между Омниусом и людьми воцарился непрочный мир.

На стене в координатной сетке была изображена карта системы Гамма Вайпинг. На карте было показано положение Салусы Секундус и еще шести планет вместе с указанием мест развертывания шестнадцати патрульных боевых групп и сторожевых пикетных кораблей, рассыпанных по ближнему пространству в случайном порядке. Кварто Стефф Янг

поспешно вывела на карту текущее положение сторон, постаравшись как можно точнее по данным разведки оценить положение и численность сил противника.

– Свяжитесь с сегундо Лодердейлом и оповестите все корабли периметра. Прикажите им перехватывать и уничтожать все прорвавшиеся корабли противника, – передал примеро Мич, потом, вздохнув, добавил: – Мне понадобится полдня на то, чтобы с максимальной быстротой доставить сюда наш тяжелый флот с окраины Лиги, но за это время противник не оставит попыток прорвать нашу оборону. Сегодня день настоящего испытания для наших парней.

Кварто Янг выполнила приказ с некоторым изяществом, рассылая приказы, которые только через несколько часов достигнут адресатов на окраине звездной системы.

Мич кивнул сам себе, проанализировав последовательность своих действий. Постоянно находясь под воздействием призрака машин, салусанская милиция регулярно тренировалась, проигрывая всевозможные сценарии битвы. То же самое делали все подразделения Армады во всех уголках системы Лиги.

– Активировать уничтожающее поле Хольцмана вокруг планеты и предупредить все коммерческие воздушные и космические суда. Я хочу, чтобы городские трансляторы поля работали на полную мощность в течение десяти минут.

– Этого будет достаточно, чтобы сварить гелевые мозги любой мыслящей машины, – произнес Ксавьер с несколько

деланным оптимизмом. — Все это мы не раз видели на экзаменах. *Правда, это совсем не похоже на экзамен.*

Когда противник столкнется с установленными салусанцами средствами обороны, с надеждой говорил себе Ксавьер, он подсчитает потери и повернет назад. Мыслящие машины не любят напрасный риск.

Он внимательно посмотрел на экран панели. *Но как же их много.*

Он выпрямился и оторвал взгляд от экрана, с которого так и лились плохие новости.

— Примеро Мич, если наши данные о скорости приближения флота машин верны, то, даже замедляя скорость движения, они все равно движутся почти так же быстро, как предупредительный сигнал, который мы получили от разведчиков.

— Значит, они уже здесь! — проговорил квинто Уилби.

На этот раз Мич среагировал, не скрывая тревоги, запустив систему экстренной готовности всех служб.

— Отдать приказ об эвакуации! Открыть подземные убежища.

— Приказ об эвакуации отдан, сэр, она идет полным ходом, — доложила кварто Янг спустя несколько секунд, не переставая работать с клавиатурой панели управления. Старательная молодая женщина поправила провод связи у себя на виске. — Мы отправили всю информацию вице-королю Батлеру.

Серена с ним в здании парламента, вдруг осознал Ксавьер, подумав о девятнадцатилетней дочери вице-короля. Сердце его сжалось от дурного предчувствия, но он не осмелился поделиться своими страхами с товарищами. Всему свое время и свое место.

Мысленно он просматривал нити, из которых ему предстояло соткать ткань приказов и действий, чтобы выполнить свою часть общей задачи. Примеро Мич осуществлял общее руководство обороной.

– Кварто Чири, возьмите с собой эскадрон и проводите вице-короля Батлера, его дочь и всех представителей Лиги в подземное убежище.

– Должно быть, они сами уже отправились туда, сэр, – ответил офицер.

Ксавьер натянуто усмехнулся:

– Ты всерьез думаешь, что политикам можно доверить сделать самим что-то путное?

Кварто бросился выполнять приказ.

В большинстве своем воспоминания пишутся победителями, но мемуары, написанные побежденными – если они выжили, – часто читаются с большим интересом.
Иблис Гинджо. «Ландшафт человечества»

Планета Салуса Секундус – зеленый мир с умеренным, мягким климатом, населенный миллионами свободных людей Лиги Благородных. Обильные потоки текут по длин-

ным, вмести́тельным акведукам. Разбросанные вокруг столицы планеты Зимии холмы усеяны виноградниками и оливковыми рощами.

За несколько мгновений до начала машинной атаки Серена Батлер ступила на трибуну для выступлений в зале парламента. Благодаря деликатному вмешательству общественных служб и ее собственного отца у нее появилась редкая возможность лично обратиться к представителям народа.

Вице-король Манион Батлер по-семейному наставил свою дочь перед выступлением, советуя ей проявить тонкость и просто излагать свои мысли.

– Продвигайся вперед шаг за шагом, не торопясь, дорогая моя. Наша Лига сохраняет единство только перед лицом угрозы со стороны общего врага, а отнюдь не благодаря общим ценностям и убеждениям. Никогда не подвергай нападкам образ жизни аристократов.

Это была только третья публичная речь в короткой политической карьере девушки. В своих предыдущих речах она была излишне резка – не понимая сути искусства политика, – и они были встречены со смешанным чувством скуки и добродушной насмешки над ее наивностью. Серена предлагала положить конец практике обращения людей в рабство, укorenившейся на некоторых планетах Лиги. Она хотела сделать всех людей равными, хотела, чтобы каждый человек был сыт и защищен законом.

– Вероятно, правда ранит. Я хотела, чтобы они почувство-

вали свою вину.

– Они были просто глухи к твоим словам.

Серена исправила речь, последовав советам отца, но осталась верна своим принципам. *Шаг за шагом, не торопясь.* Она сама тоже будет учиться на каждом своем шагу. По совету отца она заранее поговорила с благожелательно настроенными депутатами и заручилась их поддержкой и загодя обрела союзников.

Вскинув подбородок, придав лицу выражение властности, чтобы скрыть нетерпение, Серена вошла в записывающую кабину, возвышавшуюся над помостом, словно геодезический купол. Сердце ее распирало от сознания того добра, которое она могла принести людям. Она всей кожей ощутила тепло, когда заработал проекционный механизм, выдавший ее увеличенное изображение в зал, за пределы купола.

Маленький экран, поставленный на подиуме, позволял девушке видеть себя так, как она выглядела для сидящих в зале людей. Нежное лицо, отличавшееся классической красотой, гипнотические лавандовые глаза, янтарные волосы с естественными светлыми прядями. На левый лацкан она прикрепила розу из собственного, тщательно ухоженного сада. Проектор сделал Серену моложе, чем она была на самом деле. Аппарат был настроен так, чтобы помочь многим благородным депутатам скрыть свой истинный возраст.

Из своей позолоченной ложи, вынесенной в переднюю часть зала, горделиво улыбаясь, смотрел на дочь круглоли-

ций вице-король Батлер, одетый в лучший костюм золотисто-черных тонов. Лацкан камзола украшал знак Лиги Благородных: открытая человеческая ладонь, оправленная золотом – символ свободы.

Он понимал оптимизм Серены, вспоминая свои давние амбиции и притязания. Он всегда с большим терпением относился к донкихотству дочери, помогая молодой женщине облегчать положение беженцев с планет, подвергшихся нападению роботов, и разрешая ей летать на другие планеты ухаживать за ранеными, расчищать завалы и помогать восстанавливать сожженные здания. Серена никогда не боялась запачкать руки.

– Узкое мышление воздвигает барьеры упрямства, – сказала ей однажды мать. – Но слово – самое сильное оружие против таких барьеров.

В зале, тихо переговариваясь, сидели депутаты от аристократии. Некоторые прихлебывали напитки, другие с аппетитом закусывали. Для них это был всего-навсего еще один день парламентской рутины. Этим людям было очень уютно и комфортно в их виллах и особняках, и они не желали никаких перемен. Но возможность ущемить чье-то самолюбие не могло помешать Серене сказать то, что надо было сказать.

Она включила систему проектора.

– Многие из вас думают, что я сейчас скажу какую-нибудь глупость, потому что я слишком молода. Но, вероятно, у молодых более острое зрение, чем у стариков, которые посте-

пенно слепнут. Я глупа и наивна или это некоторые из вас, избалованные удобствами, отделились от народа и человечества? Где находитесь вы сами – в широком поле, простершемся от добра до зла?

По лицам собравшихся пробежало выражение негодования, смешанного с грубым неприятием. Вице-король Батлер неодобрительно взглянул на дочь, но призвал депутатов к тишине, прося их как подобает уважать оратора.

Серена притворилась, что ничего не замечает. Неужели они не видят более широкой картины?

– Мы должны заглянуть за пределы своего «я», если хотим уцелеть как вид. Теперь не время для личного эгоизма. В течение столетий мы ограничивали нашу оборону несколькими ключевыми планетами. Хотя Омниус не предпринимал открытых враждебных действий уже многие десятилетия, мы постоянно живем под угрозой вторжения мыслящих машин.

Нажав на педаль, вделанную в подиум, Серена спроецировала на потолок карту близлежащих звезд. Они зажглись под высоким сводом, как сияющие драгоценные геммы. Световой указкой Серена показала миры, принадлежавшие свободным людям Лиги, и миры, управляемые мыслящими машинами. Потом она перевела указку на районы Галактики, заселенные неорганизованными людьми, которые пока не были уничтожены железной рукой роботов.

– Взгляните на эти несчастные, не присоединенные к нам

планеты, на эти рассеянные миры – Хармонтеп, Тлулакс, Ар-
ракис, IV Анбус и Каладан. Так как обитающие там люди жи-
вут в редких поселениях, эти планеты не являются членами
Лиги. На них не распространяется наша защита, и поэтому
они всегда будут под угрозой нападения – либо со стороны
машин, либо со стороны людей.

Серена сделала паузу, ожидая, когда до собравшихся дой-
дет смысл ее слов.

– Многие из членов нашей Лиги злонамеренно устраива-
ют из этих планет охотничье ристалище, совершая набеги за
рабами. Да, некоторые члены Лиги не брезгают заниматься
этим постыдным ремеслом.

Серена уловила взгляд представителя Поритрина, кото-
рый нахмурился, поняв, что речь идет о нем. Он громко за-
говорил, прервав выступление:

– Рабство – это общепринятая практика миров Лиги. У
нас нет сложных машин, поэтому для поддержания произво-
дительных сил нам не остается иного выбора. – Взгляд его
стал самодовольным. – Между прочим, Салуса Секундус и
сама в течение почти двух столетий держала в рабстве народ
дзенсунни.

– Мы прекратили эту порочную практику, – с заметным
жаром ответила Серена. – Это изменение потребовало от нас
воображения и силы воли, но...

Стремясь предотвратить словесную перепалку, вице-ко-
роль поднялся.

– Каждая планета Лиги принимает свои собственные решения, исходя из местных обычаев, технологий и законов. У нас есть достаточно грозный противник в лице мыслящих машин, поэтому нам не пристало затевать между собой гражданские войны.

В голосе вице-короля звучали отеческие нотки, он ласково укорял дочь за то, что она снова оседлала своего любимого конька.

Серена тяжело вздохнула, но не сдалась. Она отрегулировала карту так, что неприсоединившиеся планеты ярко загорелись на потолке.

– Тем не менее мы не можем и дальше игнорировать эти миры, созревшие для нападения мишени, которые ожидают, когда их завоюет Омниус.

Парламентский сержант, сидящий на высоком табурете в стороне от партера, стукнул по полу своим жезлом.

– Время.

Он всегда скучал, не прислушиваясь к словам ораторов.

Серена быстро заговорила, стараясь закончить выступление в более мягких тонах:

– Мы знаем, что мыслящие машины хотят завоевать всю Галактику, хотя в последние десятилетия всемирный разум вел себя очень миролюбиво. При этом они систематически присоединяли к своему Синхронизированному Миру все новые и новые планеты. Пусть вас не убаюкивает кажущееся отсутствие их интереса к нам. Мы знаем, что они снова уда-

рят, но как и где? Может быть, нам стоит сдвинуться с места, не дожидаясь, когда Омниус атакует нас?

– Так чего вы хотите, мадам Батлер? – нетерпеливо поинтересовался один из аристократов, возвысив голос, но не встав, как того требовал обычай. – Не хотите ли вы нанести по думающим машинам что-то вроде упреждающего удара?

– Мы должны присоединить к Лиге не входящие в наш союз планеты и прекратить использовать их как источник рабов. – Она ткнула указкой в горевшие над головами звезды. – Примите их под свое крыло, чтобы увеличить нашу и их силу. Мы все только выиграем от этого! Я настаиваю на том, чтобы мы разослали послов и культурных атташе, которые доведут до сведения этих планет, что мы желаем заключить с ними военный и политический союз. Мы должны охватить как можно больше таких планет.

– А кто будет платить за всю эту, с позволения сказать, дипломатию?

– Время, – повторил парламентский сержант.

– Ей разрешено говорить еще три минуты, так как у представителя Хагала есть вопрос, – властно проговорил вице-король Батлер.

Серена почувствовала, что ее охватывает гнев. Как могут эти народные представители думать о грошовых тратах, когда настолько высока окончательная цена, которую, возможно, придется платить им всем?

– Мы все будем платить – кровью, – если не сделаем того,

что я предлагаю. Мы должны усилить Лигу и весь род человеческий.

Некоторые аристократы начали аплодировать, это были союзники, симпатией которых Серена заручилась до выступления. Внезапно под сводами зала и на улице послышался пронзительный вой тревожных сирен. Вой нарастал, от него закладывало уши. До сих пор присутствующие слышали такой звук только во время учебных тревог, когда сирены сзывали под знамена членов салусанской милиции.

– Мыслящие машины атаковали пределы Салусы Секундус, – раздался из динамиков мощный голос. Эти слова можно было услышать из всех громкоговорителей Зимии. – Разведчики с орбиты передали предупреждающий сигнал. Сторожевые группы вступили в бой.

Стоя рядом с отцом, Серена читала краткое экстренное сообщение, которое ему только что передали.

– Мы никогда не видели машинного флота таких размеров! – прокричал вице-король. – Когда дозорные группы передали первое сообщение? Сколько времени в нашем распоряжении?

– На нас напали! – закричал какой-то человек.

Делегаты вскочили на ноги. Зал стал напоминать растревоженный муравейник.

– Приготовиться к эвакуации зала парламента. – Парламентский сержант принялся за дело. – Все бронированные убежища открыты. Депутаты, прошу вас пройти в свои сек-

тора убежищ.

Вице-король Батлер крикнул, стараясь утихомирить хаос и придать голосу уверенность:

– Поля Хольцмана защитят нас!

Серена чувствовала, что отец встревожен, но хорошо это скрывает.

Под шум и крики наступившей паники представители миров Лиги бросились к выходам. Беспощадный враг явился.

*Любой человек, который просит для себя
больше власти, не заслуживает ее.*

*Терсеро Ксавьер Харконнен. «Обращение к салусанской
милиции»*

– Флот роботов вошел в соприкосновение с обороной нашего пространства, – передал Ксавьер Харконнен. – Идет интенсивная перестрелка.

– Примеро Мич! – крикнула кварто Стефф Янг от координатной сетки орбитальной карты. Ксавьер уловил исходящий от нее соленый металлический запах нервного пота. – Сэр, от основных сил флота роботов отделилось небольшое подразделение машинных судов. Конфигурация их неизвестна, но они направляются к входу в атмосферу.

Она указала на светящиеся изображения стремительно приближавшихся, летевших по инерции ракет.

Ксавьер взглянул на сканеры периметров, на которые поступала разведывательная информация с оборонительных спутников, расположенных высоко над уничтожающими ге-

левые контуры роботов полями Тио Хольцмана. Увеличив разрешение, Харконнен разглядел атакующую эскадрилью кораблей пирамидальной формы, которые с ревом вонзились в атмосферу точно в зоне испепеляющего поля.

– Их ждет неприятный сюрприз, – с мрачной усмешкой произнесла Янг. – Ни одна мыслящая машина не переживет такого полета.

– Самой большой проблемой будет выковыривать их остатки из разбитых кораблей, – саркастически заметил примерно Мич. – Продолжать наблюдение.

Но спускаемые аппараты пролетели сквозь уничтожающее поле и продолжали приближаться. Проникая через рубеж, они не предъявили никаких электронных опознавательных знаков.

– Как им удалось пройти? – Квинто Уилби почесал бровь и откинул со лба тускло-каштановые волосы.

– Ни один компьютер не смог бы этого сделать. – Спустя мгновение Ксавьер понял, что произошло. – Это слепые спускаемые суда, сэр!

Янг, тяжело дыша, оторвалась от своих экранов.

– Столкновение с землей произойдет не позже чем через одну минуту, примерно. За ними идет вторая волна. Я насчитала двадцать восемь ракет. – Она покачала головой. – Никаких признаков компьютеров ни на одном из них.

Мгновенно все обдумав, Ксавьер отдал команду:

– Рико, Паудер, свяжитесь с медицинскими командами и

пожарными ротами. Живее и будьте готовы. Вперед, ребята, на учениях мы отрабатывали это сотни раз! Я приказываю поднять в воздух все спасательные суда и подвижный состав. Они должны быть готовы к движению, как только первый корабль ударится о землю.

– Разверните оборону в боевой порядок и открывайте огонь по противнику, как только он ударит. – Примеро Мич понизил голос и оглядел свинцовыми глазами своих боевых товарищей: – Терсеро Харконнен, возьмите передвижную станцию связи и выходите. Вы будете моими глазами на месте. Мне кажется, что эти снаряды до добра не доведут.

Улицы были заполнены охваченными паникой людьми. Над городом нависли низкие тучи. Оказавшись в растерянной толпе, Ксавьер слышал раскаленный металлический визг атмосферы, заскрежетавшей от трения о нее летящих, словно ядра, бронированных вражеских судов.

Астероидный дождь многочисленных спускаемых аппаратов хлынул на землю. Корабли один за другим врезались в грунт. Первые четыре с оглушительным грохотом врезались в здания, сровняв их с землей исполинской кинетической энергией падения. Зазвучали мощные взрывы. Но сложные противоударные механизмы защитили находившийся в спускаемых снарядах смертельный груз.

В расстегнутой форме Ксавьер мчался по улице. Потные волосы прилипли ко лбу. Он остановился перед гигантским

зданием Дома парламента. Хотя он был сейчас вторым по рангу командиром обороны Салусы, позиция его была совершенно не защищена, он должен был отдавать приказы на передовой. В академии Армады Салусы Секундус его учили не этому. Но примеро Мич рассчитывает на его способность оценивать ситуацию, на его рекомендации и на его умение действовать самостоятельно.

Он коснулся микрофона на шее.

– Я на месте, сэр.

Еще пять неуправляемых снарядов врезались в землю на окраине города, оставив на местах падения обожженные кратеры. Взрывы. Дым. Огненные шары в воздухе.

В точках падения с треском раскрылись упавшие на землю инерционные корабли и из них начали выползать огромные предметы, по одному из каждого судна. Реактивированные механические части стряхнули с себя обгорелые оболочки. Охваченный суеверным ужасом, Ксавьер уже понял, что увидит в следующее мгновение. Он догадался, каким образом машины противника умудрились миновать защитные поля. Это вовсе не компьютерный разум...

Кимеки...

Наводящие страх механические чудовища по одному вылезали из разбитых пирамид, ведомые хирургически извлеченными человеческими мозгами. Ожили мобильные системы, задвигались ноги, оружие с лязгом встало на место.

Тела кимеков выползали из обгоревших кратеров, похо-

жие на крабов гладиаторы ростом в половину разрушенных ими домов. Подвижные ноги были толсты, как несущие колонны, ощетилившиеся зажигательными орудиями, артиллерийскими установками и распылителями ядовитых газов.

Ксавьер крикнул в микрофон связи:

– Это боевые формы кимеков, примеро Мич! Они правильно рассчитали, как преодолеть нашу орбитальную оборону!

Вся салусанская милиция – от Зимии до самых отдаленных континентов – была поднята по тревоге. Низкоатмосферные боевые корабли – «Кинжалы» – были уже подняты на боевые орбиты, с орудиями, заряженными снарядами, способными пробивать броню космических судов.

Люди на улицах метались из стороны в сторону, охваченные безумной паникой и страхом. Некоторые, наоборот, застыли на месте, глядя перед собой в одну точку. Ксавьер доложил командиру обо всем, что увидел на улице.

– Кварто Янг, – добавил Ваннибал Мич, – прикажите, чтобы все служащие станций надели дыхательные аппараты. Проследите, чтобы маски раздали населению. Каждый, кто находится вне герметичного укрытия, должен получить дыхательную маску.

Противогазы не спасут никого от зажигательных орудий и сильнейшей взрывчатки кимеков, но люди хотя бы уцелеют в плотном облаке ядовитого газа. Надевая маску, Ксавьер с горечью подумал, что все предосторожности и все самые

лучшие планы милиции окажутся совершенно не пригодными в этой ситуации.

Оставив отброшенную оболочку спускаемых судов, воины-кимеки направились вперед на своих исполинских, чудовищных ногах. Заговорили артиллерийские орудия, посыпались снаряды, падали и вспыхивали, как спички, уцелевшие от первой атаки дома. Языки пламени вырывались из форсунок, расположенных на передней стороне тела кимеков. Город запылал.

Спускаемые корабли продолжали сыпаться с неба, и из каждого после падения выползал очередной кимек. Всего их было двадцать восемь.

В это мгновение молодой терсеро увидел, как с ревом, способным разорвать барабанные перепонки, к небу поднялся столб огня и крутящегося дыма. Огонь был настолько ярок, что, казалось, вот-вот начнет дымиться сетчатка глаз. Спускаемая капсула врезалась в здание военного министерства в полукилометре за спиной Харконнена, превратив в пар командный пункт и главный штаб планетарной милиции. Ударная волна швырнула Ксавьера на колени и осыпала осколками разбитых во всем квартале окон.

– Примеро! – отчаянно закричал Ксавьер. – Примеро Мич! Командный пункт! Кто-нибудь!

Но видя, что осталось от здания штаба, терсеро понял, что не получит ответа ни от своего командира, ни от товарищей, оставшихся в здании.

Двигаясь по улицам, кимеки распыляли зеленовато-черный дым, который ядовитой пленкой покрывал мостовые и здания. Потом в крутое пике вошла первая эскадрилья «Кинжалов». С неба на землю посыпались тяжелые бомбы, поражая кимеков и здания.

Ксавьер задыхался в своей плазовой дыхательной маске, не в силах поверить в то, что только что видел собственными глазами. Он снова заговорил в микрофон, но не получил ответа. Внезапно в наушниках раздался голос дежурного тактической подстанции, который желал знать, что произошло и с кем он разговаривает.

– Это терсеро Ксавьер Харконнен, – отозвался молодой офицер. Внезапно его осенило. Сделав над собой невероятное усилие, он придал голосу стальную твердость: – Я... я... в настоящее время я команду салусанской милицией.

Он бросился к месту пожара, где клубился маслянистый темный дым. Вокруг него мирные жители падали на колени, корчась в облаках смертоносного газа. Он посмотрел вверх, увидел, как «Кинжалы» сбрасывают бомбы, и пожалел, что не может управлять их действиями.

– Кимеков можно уничтожать, – сказал он пилотам «Кинжалов» и закашлялся. Маска начала давать сбой. В груди и горле появилось невыносимое жжение, словно он дышал распыленной кислотой, но, несмотря на это, Ксавьер продолжал выкрикивать команды.

Атака продолжалась, над зоной боевых действий кружил

спасательный самолет, сбрасывая на очаги пожара мешки с противопожарным порошком и канистры с гасящей огонь пеной. Защищенный масками персонал медицинского отряда без колебаний вошел в зону заражения.

Не обращая внимания на незначительное сопротивление, кимеки маршировали вперед, двигаясь не как армия, а как исполинские люди или животные, механические сумасшедшие псы, сеющие вокруг себя смерть и ад. Механический воин откинул назад свое крабовидное тело, согнул исполинские ноги и двумя выстрелами сбил два спасательных самолета, а потом направился дальше, исполненный зловещей грации.

Фронтовые бомбардировщики сбросили свой груз прямо на первого из кимеков. Две ракеты ударили по бронированному телу, а третья – в стоявшее рядом здание. Оно рухнуло и погребло под своими конструкциями механическое тело чудовища.

Но после того как огонь погас, а дым рассеялся, уничтоженный, как казалось, кимек остался цел и невредим. Машина убийства отряхнулась от пыли и осколков и контратаковала самолет-«Кинжал».

Издалека Ксавьер внимательно присматривался к действиям кимеков, используя портативную тактическую сетку. Он должен выяснить, в чем заключался план мыслящих машин. Было ясно, что на уме у кимеков какая-то определенная цель.

Он не имел права колебаться или оплакивать гибель своих товарищей. Он не мог спросить, что сделал бы на его месте примеро Мич. Нет, он должен сохранить ясную голову и немедленно принять какое-то решение. Если бы только понять, какова цель противника...

На орбите неприятельский машинный флот роботов продолжал обстреливать космические военные корабли Салусы, но электронные мозги А1 не могли преодолеть поле Хольцмана. Они могли уничтожить и рассеять пограничные суда и блокировать столицу Лиги Благородных, но примеро Мич уже вызвал группы тяжелых ракет, и скоро вся огневая мощь Армады Лиги обрушится на незваных гостей.

На экране локатора терсеро видел, что флот роботов занял позицию и остается на ней, словно ожидая какого-то сигнала от передового отряда кимеков. Ксавьер напряженно думал. Что они делают?

Троица механических гладиаторов выпустила заряды по западному крылу здания парламента. Покрытая великолепной резьбой стена фасада рухнула на мостовую, как подтаявшая весной глыба снега. Посыпались крупные осколки камня и в воздух поднялись тучи пыли. Обнажилась внутренность опустевших кабинетов правительственных чиновников.

Кашляя от дыма, стараясь хоть что-то разглядеть сквозь вымазанное грязью стекло маски, Ксавьер посмотрел в глаза одетого в белое медика, который схватил его в охапку и

сменил лицевою маску. Легкие Ксавьера вспыхнули с новой силой, словно в них залили авиационное топливо и поднесли спичку.

– Ты поправишься, – пообещал медик не вполне уверенным тоном и сделал Ксавьеру какой-то укол в шею.

– Хотелось бы. – Терсеро снова закашлялся, перед его глазами поплыли черные круги. – У меня нет времени играть роль раненого.

Ксавьер не думал о себе. Ему не давала покоя тревога за Серену. Всего час назад она готовилась к выступлению перед представителями Лиги. Он молился, чтобы Серена сейчас находилась в безопасном месте.

С трудом поднявшись на ноги, Ксавьер жестом отпустил медика; укол начал действовать. Харконнен настроил портативную тактическую сеть и потребовал дать на свой экран панораму с воздуха, чтобы изучить поле боя с борта воздушного «Кинжала». Он внимательно присмотрелся к черным следам, которые оставляли за собой грациозные титанические кимеки, хорошо видимые на экране. *Куда они идут?*

Он представил себе маршрут, по которому, наступая, двигались механические исполины – от кратеров и руин главного штаба милиции.

В следующую секунду до него дошло то, что он должен был понять с самого начала. Ксавьер тихо выругался.

Омниус понимал, что поля Хольцмана выведут из строя гелевые контуры схем искусственного мозга, именно поэто-

му главные силы машинного флота продолжали оставаться на орбите Салусы Секундус. Однако если кимеки смогут отключить или уничтожить генераторы поля Хольцмана, то планета станет беззащитной перед угрозой вторжения роботов.

Ксавьеру предстояло принять жизненно важное решение, но выбор был предreshен. Нравится это ему или нет, но теперь он главнокомандующий. Убив примеро Мича и уничтожив командный пункт милиции, кимеки сделали его, Ксавьера Харконнена, главой всех сил обороны Салусы. И он знал, что надо делать.

Он приказал милиции отойти назад и бросить все силы на то, чтобы прикрыть один-единственный жизненно важный объект, оставив на милость изрыгающих огонь и смерть кимеков все остальные районы Зимии. Если даже придется пожертвовать важной частью столицы, он должен остановить наступление машин и не допустить уничтожения генераторов.

Не допустить любой ценой.

*Что оказывает большее влияние на
результат – объект или наблюдатель?
Эразм. Разрозненные лабораторные файлы*

Коррин, одна из главных планет Синхронизированного Мира. По вымощенному плазовыми плитами двору робот Эразм не спеша шел к своей роскошной вилле. Он двигался с хорошо отработанной пластичностью, усвоенной им после

многовекового наблюдения за грациозными движениями человеческих существ. Вместо лица у Эразма был отполированный до блеска пустой жидкометаллический овал, лишенный какого бы то ни было человеческого выражения. Повинуясь электронным импульсам, этот овал мог, по желанию Эразма, принимать любое нужное выражение, имитируя любую эмоцию, как древняя театральная маска.

С помощью волоконных световодов, встроенных в лицевую мембрану, электронный мозг Эразма воспринимал изображения многочисленных, разбросанных по саду радужных фонтанов, которые так мило дополняли каменные украшения виллы, геммы в форме статуй, сложные и замысловатые ковровые покрытия и обработанные лазерными лучами резные колонны. Потратив на подбор декора много времени и сил, проанализировав и просчитав все возможные варианты, Эразм научился ценить красоту классических форм и очень гордился своим очевидным и отменным вкусом.

Вокруг суетились домашние рабы, выполнявшие рутинные текущие работы – полировали выставленные в саду трофеи и предметы искусства, стирали пыль с мебели, сажали цветы и подстригали декоративный низкорастущий кустарник под алыми лучами гигантского красного солнца. Робкие, трепещущие от страха рабы кланялись проходившему мимо них Эразму в пояс. Он узнавал отдельных индивидуальных рабов, но не давал себе труда запоминать их имена и особен-

ности, хотя искусственный интеллект тщательно классифицировал и упорядоченно записывал в память каждую деталь. Никогда ведь не знаешь, на что может пригодиться мельчайший штрих при построении полной картины.

Кожа Эразма была сделана из органопластических соединений и пронизана нейроэлектронными волокнами. Можно было даже с некоторой натяжкой сказать, что он поистине чувствовал физические ощущения, которые воспринимал через сложнейшую сеть специальных сенсоров, работающих в различных частотных диапазонах. Искусственный покров воспринимал свет и тепло пылающего, как уголь, огромного солнечного диска не хуже, чем настоящая живая плоть. На нем была надета толстая золотая накидка, отороченная карминной полосой, знак, отличавший Эразма от роботов Омниуса более низкого ранга. Тщеславие было еще одной чертой, которую Эразм перенял у людей и которой наслаждался.

Большая часть роботов не пользовалась такой независимостью, как Эразм. Они представляли собой нечто не намного большее, чем мыслящие коробки, гудящие подстанции всеобщего разума. Эразм тоже подчинялся командам всемирного разума, но обладал большей свободой в их толковании. В течение нескольких столетий он развил в себе способность к самоидентификации и обладал неким подобием собственного «я». Омниус рассматривал Эразма в некотором роде курьезом.

Продолжая двигаться по дорожке с совершенной челове-

ческой грацией, Эразм вдруг уловил жужжащий звук. Переместив в ту сторону сенсоры оптических волокон, он увидел маленький летающий шарик, всевидящее око Омниуса. Как только Эразм удалялся от зданий, где были установлены стационарные камеры слежения, за ним тотчас устремлялись крошечные мобильные камеры, фиксировавшие каждый его шаг. Такие действия всемирного разума говорили либо о глубоко засевшем в этом мозгу любопытстве, либо, как ни странно это звучит, о чисто человеческой мании преследования.

Очень давно, работая над усовершенствованием исходной модели A1 искусственного мозга Старой Империи, Барбаросса добавил к ней аппроксимации некоторых личностных черт и способность к целеполаганию. Вследствие такого усовершенствования машины развились в большие электронные умы, которые обладали различными наборами человеческих притязаний и черт характера.

Омниус был постоянно озабочен там, чтобы биологические объекты и даже бастарды кимеки с их человеческими мозгами, имплантированными в машинную оболочку, не могли увидеть эпохальное развертывание видов, которое мог объять гелевый контур машинного разума. Когда Омниус сканировал вселенную возможностей, он наблюдал ее как гигантский экран. На нем отображалось великое множество путей к победе, и всемирный разум был всегда готов воспользоваться каждым из них.

Ядерные программы Омниуса дублировались на всех завоеванных машинами планетах и синхронизировались регулярной юстировкой параметров. Безликие, способные наблюдать и осуществлять межгалактическую сетевую коммуникацию, почти идентичные копии Омниуса находились везде, заполняя все свободные пространства бесчисленными камерами наблюдения, приспособлениями и контактными экранами.

Видимо, теперь распространенному по всей Вселенной всемирному разуму оставалось только шпионить за неимением лучшего занятия.

– Куда ты идешь, Эразм? – Скрипучий голос Омниуса прозвучал из крошечного громкоговорителя, вмонтированного в летающий шарик подвижной камеры слежения. – Куда ты так торопишься?

– Ты тоже можешь прогуляться, если захочешь. Почему бы тебе не приделать себе ноги и не обзавестись телом, чтобы прочувствовать, на что похоже это ощущение? – Металлическая полимерная маска Эразма сложилась в улыбку. – Мы с тобой могли бы прогуляться вместе.

Наблюдательная камера, жужжа, пролетела мимо. На Коррине были очень долгие времена года, так как орбита планеты была весьма удаленной от раскаленного огромного светила. Зима, как и лето, длилась около тысячи дней. Изрезанный ландшафт планеты был лишен девственных лесов или глухих мест, если не считать нескольких древних запущен-

ных садов и возделанных некогда полей, которые были заброшены с момента машинного завоевания и без культивации давно заросли дикой травой.

Многие рабы ослепли от невыносимо яркого сияния солнца. Учитывая это, Эразм снабдил своих домашних рабов солнцезащитными приспособлениями. Он был великодушным и добрым хозяином, который заботился о сохранении своей рабочей силы.

Дойдя до входных ворот виллы, робот отрегулировал новый сенсорно-усилительный модуль, присоединенный к нейроэлектронному порту на своем теле, спрятанному под накидкой. Он сам разработал и изготовил это приспособление, модуль которого позволял Эразму имитировать человеческие чувства – разумеется, с неизбежными ограничениями. Но Эразм хотел знать больше, чем позволял модуль, больше чувствовать. В этом отношении кимеки, наверное, имели преимущество перед Эразмом, но сам он был в этом не вполне уверен.

Кимеки – особенно первый из них, титан – были бандой узколобых жестоких тварей, не имевших ни малейшего понятия о рафинированных чувствах и чувствительности, которых ценой большого труда достиг Эразм. Жестокость, конечно, имела место, но сложно устроенный робот считал ее лишь одним из поведенческих аспектов, достойных как позитивного, так и негативного изучения. Тем не менее насилие оказалось интересным и часто приносило удо-

вольствие...

Эразма обуревало любопытство относительно того, какая из познавательных способностей делает эти биологические объекты *людьми*. Сам Эразм был разумным существом, способным к самопознанию и самоидентификации, но он желал понять и эмоции, человеческую чувственность и, главное, мотивации – существенную деталь, которую машины так и не сумели развить у себя в полной мере.

Изучая человечество на протяжении многих столетий, Эразм усвоил человеческое искусство, музыку, философию и литературу. В конце концов ему захотелось познать также вершину и сущность человечности, познать магическую искру, которая делает эти создания, этих *созидателей*, столь разными. Что дает им... душу? Он вошел в банкетный зал, и всевидящее летающее око немедленно поднялось к потолку, откуда можно было видеть все пространство помещения. На стенах светились шесть матово-серых экранов связи с Омниусом.

Вилла Эразма была выстроена в стиле роскошных греко-романских имений, в которых жили двадцать титанов перед тем, как отказались от своих человеческих тел. Эразм владел пятью подобными виллами еще на пяти планетах, включая Коррин и Землю. На виллах Эразм содержал дополнительные службы – склады, помещения для острых опытов, медицинские лаборатории, а также теплицы, картинные галереи, скульптуры и фонтаны. Все это помогало Эразму изу-

чать человеческое поведение и физиологию.

Эразм усадил свое закутанное в накидку тело во главе длинного стола, уставленного серебряными кубками и канделябрами. Правда, возле стола стоял только один стул, предназначенный для одного Эразма. Этот старинный резной деревянный стул принадлежал когда-то аристократу, человеку по имени Нивни О'Мура, основателю Лиги Благородных. Эразм занимался изучением того, как мятежные люди организовывали свои сообщества и строили крепости для противостояния прежним нападениям кимеков и роботов. Изобретательные *хретгиры* обладали способностью к приспособлению и усовершенствованию, подбрасывая врагам неожиданные сюрпризы. *Очаровательно.*

Внезапно в зале раздался скучный голос всемирного разума.

– Когда ты наконец завершишь свои эксперименты, Эразм? Ты сидишь здесь и изо дня в день делаешь одно и то же. Я хочу видеть результат.

– Меня весьма интригуют некоторые вопросы. Например, почему богатые люди едят с такими церемониями? Почему они предпочитают одни блюда и напитки другим, хотя их питательная ценность совершенно одинакова? – В голосе робота появились нотки высокомерного эрудита. – Ответ, Омниус, надо искать в страшно коротком сроке их жизни. Они компенсируют свою недолговечность развитием весьма эффективных сенсорных механизмов, которые позволяют им

испытывать интенсивные ощущения. Люди обладают пятью основными чувствами, у которых существует бесчисленное множество градаций. Сравни, например, вкус йондэйрского пива и урландского вина. Или свойства эказского шелка, или музыки Брамса и...

– Полагаю, что все это интересно, как всякая эзотерика.

– Конечно, Омниус. Ты продолжаешь изучать меня, пока я изучаю людей.

Эразм подал знак рабам, которые нервно заглядывали в раздаточное отверстие в двери кухни. Из модуля, расположенного на бедре Эразма, выдвинулся похожий на змею зонд. На его конце раскачивался из стороны в сторону, как змеиная голова, нейроэлектронный волоконный датчик.

– Я терплю твои долгие изыскания, Эразм, только потому, что надеюсь, что ты сможешь создать модель, которая позволит надежно предсказывать человеческое поведение. Я хочу знать, как сделать этих тварей *используемыми*.

Одетые в белые одежды рабы внесли с кухни подносы с пищей – корринских диких кур, валгисскую говядину в миндальном соусе и даже редчайшего лосося из Платиновой реки с планеты Пармантье. Эразм погрузил решетчатый кончик своего зонда в каждое блюдо и «попробовал» их, используя иногда миниатюрный резак для того, чтобы проникнуть внутрь мяса или рыбы и «попробовать» сок. Каждый вкус Эразм тщательно документировал и заносил в реестр запахов и ароматов.

Делая все это, он не прерывал беседу с Омниусом. Всемирный разум решил выдать роботу несколько бит информации и посмотреть, как отреагирует на нее Эразм.

– Я провел мобилизацию военных сил. После стольких лет затишья пора снова начать движение.

– В самом деле? Или это титаны надавили на вас, чтобы привести в более агрессивное состояние? В течение нескольких веков Агамемнон проявлял нетерпение и обвинял тебя в отсутствии притязаний. – Эразм заинтересовался поставленным перед ним ягодным тортом. Анализируя ингредиенты, он был озадачен, обнаружив следы человеческой слюны. Что это, составная часть рецепта приготовления или просто рабы решили немного полакомиться?

– Я сам принял это решение, – возразил всемирный разум. – Мне показалось, что сейчас самое время начать новое наступление.

Шеф-повар подкатил к столу тележку и специальным ножом вырезал кусок салусанского филе. Шеф, угодливый, сильно заикающийся маленький человек, положил сочный кусок на чистую тарелку, полил пряным коричневым соусом и подал новое блюдо Эразму. Шеф неуклюже уронил с сервировочного подноса нож, и тот, упав на гладкую ногу Эразма, оставил на ней зазубрину и коричневое пятно.

Охваченный ужасом повар наклонился, чтобы поднять злополучный нож, но Эразм с быстротой молнии протянул свою механическую руку и схватил нож за рукоятку. Выпря-

мившись, робот продолжил беседу с Омниусом.

– Новое наступление? Простое ли это совпадение, что титан Барбаросса потребовал такого наступления в награду за свою победу над твоей боевой машиной на гладиаторской арене?

– Это не существенно.

Уставившись на лезвие ножа, шеф между тем беспомощно лепетал извинения.

– Я л-л-лично отп-п-п-полирую ног-г-гу и он-н-на будет как новая, лорд Эразм.

– Люди так глупы, – произнес Омниус из всех настенных громкоговорителей.

– Некоторые из них, несомненно, – ответил Эразм, грациозно размахивая длинным ножом.

Парализованный страхом маленький шеф-повар, беззвучно шевеля губами, произнес молитву.

– Интересно, что я должен сделать?

Эразм дочиста вытер лезвие о белоснежную одежду повара и задумчиво посмотрел на искаженное отражение в клинке несчастного парня.

– Смерть человека отличается от гибели машины, – бесстрастно заговорил Омниус. – Машину можно скопировать, отремонтировать и усовершенствовать. Когда же умирает человек, он уходит навсегда.

Эразм издал звук, похожий на веселый смех.

– Омниус, из-за того что ты все время твердишь о пре-

восходстве машин, ты не можешь осознать, что именно люди делают лучше нас.

– Не надо перечислять мне еще один твой список, – отпарировал всемирный разум. – Я очень точно помню наши с тобой прошлые дебаты по этому поводу.

– Превосходство бросается в глаза очевидцу и неизбежно вовлекает к отфильтровыванию деталей, которые не согласуются с заранее сформированными взглядами и понятиями. – Помахав своими щупальцами-сенсорами, робот проанализировал кислый запах пота, исходивший от шеф-повара.

– Ты собираешься его убить? – спросил Омниус.

Эразм положил нож на стол и услышал, как угодливый человек с облегчением вздохнул.

– Как индивида человека очень легко убить. Но как вид он сопротивляется попыткам убить его. Когда люди чувствуют угрозу, они сплачиваются и становятся более сильными, более опасными. Иногда лучше всего использовать фактор внезапности.

Не говоря больше ни слова, он схватил нож и всадил его в грудь шеф-повара с такой силой, что пробил ему грудину и достал лезвием до сердца.

– Вот так.

Белая униформа мгновенно пропиталась кровью, которая струей хлынула на стол и на тарелку робота.

Издав горловой звук, повар соскользнул с лезвия. Дер-

жа нож, Эразм попытался было симитировать выражение недоумения и растерянности от такого коварства, но не стал утруждать себя. Податливая маска лицевой пластины осталась плоским ровным овалом, на зеркальной глади которого не отразилось никакого человеческого чувства. Робот не должен позволять себе подобных слабостей.

Исполнившись любопытством, он отбросил нож, который со звоном упал на пол, а потом опустил сенсор зонда в лужицу крови на тарелке. Вкус оказался довольно сложным. Интересно, отличается ли кровь разных людей по вкусу? Охранники робота выволокли из зала тело повара, в то время как другие рабы столпились возле двери. Им надо было убрать кровь и ликвидировать беспорядок. Эразм с интересом изучал проявления их страха.

После недолгого молчания заговорил Омниус:

– Теперь я расскажу тебе о своем очень важном решении. Мой план атаки уже приведен в действие.

Эразм притворился, что внимательно и с интересом готов слушать. Он активировал очищающий механизм, который стерилизовал кончик его зонда, а потом убрал зонд в кожух на бедре под накидкой.

– Я полностью доверяю твоему суждению, Омниус. Сам я мало что смыслю в военных делах.

– Именно поэтому ты должен прислушаться к моим словам. Ты же всегда говорил, что очень любишь учиться. Когда Барбаросса победил моего гладиатора в показательной

схватке, то в качестве вознаграждения он потребовал использовать шанс и ударить по Лиге Миров. Остальные титаны убеждены, что без этих *хретгиров* Вселенная станет бесконечно эффективнее и чище.

– Какое средневековое варварство, – сказал Эразм. – Великий Омниус следует военным советам кимека?

– Барбаросса всегда казался мне забавным, кроме того, при любой стычке есть шанс, что кто-либо из титанов окажется убитым, а это не так уж плохо.

– Конечно, – поддержал Омниуса Эразм, – тем более что нами управляет программное ограничение, не позволяющее нам наносить вред нашим создателям.

– Всякое несчастье может случиться. Но как бы то ни было, это нападение позволит нам либо подчинить еще один Мир Лиги, либо уничтожить добрую толику человечества, проживающего на этой планете. Меня не интересует, насколько велика окажется эта толика. Очень немногие люди стоят того, чтобы остаться в живых, а лучше всего, если бы люди вообще исчезли из Вселенной.

Эразму не очень понравилась такая идея.

Разум распоряжается телом, и оно немедленно ему подчиняется. Разум отдает распоряжения и самому себе, но встречает сопротивление.

Блаженный Августин, философ древней Земли

Хотя кимеки только начали свое нападение на Зимию,

Ксавьер Харконнен отдавал себе отчет в том, что свободное человечество должно выдержать этот удар, выдержать здесь и сейчас, и заставить машины считаться с ним.

Вооруженные до зубов воины-кимеки продолжали двигаться вперед размеренным механическим шагом. Вздывая вверх свои серебристые металлические руки, они стреляли начиненными взрывчаткой снарядами, изрыгали длинные языки пламени, выпускали облака ядовитого газа. С каждым своим шагом, с каждой снесенной стеной кимеки продвигались все ближе к парящей над городом башне, где были расположены генераторы поля Хольцмана, башне с параболическими антеннами и кружевом металлических конструкций.

Над верхними слоями салусанской атмосферы были подвешены многочисленные спутники, усиливавшие сигналы башни в узловых точках космической обороны. По всем континентам были расставлены ретрансляторы поля Хольцмана, уничтожавшего гелевые контуры машинного разума. Эти ретрансляторы направляли лучи вверх, создавая в космосе непроницаемую преграду из сгустков мощной энергии.

Но если кимекам удастся вывести из строя башню первичного генератора энергии на поверхности планеты, то в поле-вом щите откроется уязвимая брешь. Рассыплется в прах вся оборонительная сеть.

Выхаркивая кровь из пораженных газом, горящих огнем легких, Ксавьер прокричал в селектор:

– Говорит терсеро Харконнен. Я принял командование

местными силами. Примеро Мич и весь командный пункт уничтожены.

Ответом на этот призыв стало долгое, продолжавшееся несколько томительных секунд молчание. Вся милиция Салусы была выбита и парализована.

Тяжело сглотнув, Ксавьер ощутил во рту ржавый привкус крови и отдал страшный приказ:

– Всем локальным силам милиции. Создать защитный кордон вокруг башни генератора. У нас нет сил защищать весь город. Повторяю, всем отступить к башне. Это касается всех боевых машин и всех самолетов.

Эфир ожил. Со всех сторон посыпались недоуменные вопросы командиров:

– Сэр, вы шутите. Город горит!

– Мы не будем оборонять Зимию! Это было бы стратегической ошибкой!

– Сэр, прошу вас, подумайте! Вы же видите, что уже направили здесь эти проклятые кимеки! Подумайте о людях!

– Я не признаю права *терсеро* отдавать такие приказы...

Ксавьер отметал все возражения:

– Цель кимеков очевидна. Они хотят уничтожить защитное поле, и тогда флот роботов довершит наше полное уничтожение. Мы должны защитить башню любой ценой. Повторяю, любой ценой.

Нагло игнорируя приказ, пилоты десятка «Кинжалов» продолжали упрямо сбрасывать бомбы на неумолимо шагав-

ших кимеков.

Ксавьер зарычал в микрофон селектора:

– Все, кто хочет поспорить, смогут сделать это позже, в суде Военного трибунала.

Который, возможно, будет судить меня самого, подумал он.

На стекло маски брызнули капли алой крови. Интересно, сколько ядовитого газа он успел вдохнуть? Каждый вдох давался с большим трудом, но Ксавьер выбросил из головы все мысли о своем здоровье. Он не может выказать слабость, во всяком случае, сейчас.

– Всем подразделениям отступить и окружить башню! Это приказ. Нам надо перегруппироваться и сменить тактику.

Наконец салусанские наземные подразделения вняли голосу своего командира, покинули свои позиции и начали оттягиваться в сторону генераторов поля. Город раскинулся перед завоевателями, беззащитный, словно ягненок, принесенный в жертву. Кимеки без промедления воспользовались предоставленной им возможностью.

Четыре воина сокрушили парк статуй, уничтожив изумительно красивые скульптуры. Механические монстры уничтожали здания, сжигали музеи, жилые кварталы, убежища. Им была по нраву любая цель.

– Держитесь! – Ксавьер продублировал команду по всем каналам связи, подавляя растущее недовольство войск. – Ки-

меки хотят отвлечь нас от своей истинной цели.

Бронированные чудовища открыли огонь по куполообразной башне, воздвигнутой Чусуком в ознаменование успешного отражения натиска мыслящих машин четыре столетия назад. Украшенные затейливым узором колокола издали свой предсмертный звон, когда колокольни рухнули на вымощенную плоской брусчаткой площадь народных собраний.

К этому времени большая часть населения Зимии укрылась в укрепленных бронированных убежищах. Флотилии медицинских и пожарных судов, уклоняясь от вражеских ударов, пытались оказывать помощь жертвам и бороться с пожарами и разрушениями. Многие из таких попыток оказывались самоубийственными.

Среди солдат и офицеров милиции, стянутой к башне генератора, было заметно сомнение и недовольство. В душе Ксавьера шевельнулся страх – правильное ли решение он принял? Но он уже не смел менять решение. Глаза слезились от едкого дыма, легкие, обожженные газом, отзывались нестерпимой болью при каждом вдохе. Он знал, что был прав. Сейчас он сражался за всех, кто жил на его планете, включая и Серену Батлер.

– И что дальше, терсеро? – раздался рядом с ним голос кварто Джеймиса Паудера. Хотя угловатое лицо младшего по званию офицера было наполовину скрыто маской противогаза, были видны глаза, горевшие яростью, которую Джеймис

даже не пытался скрыть. – Мы станем отсиживаться здесь, пока эти ублюдки ровняют с землей Зимию? Какой прок защищать транслятор поля, если ничего не останется от города?

– Мы не сможем спасти город, если будет уничтожен генератор. Тогда вся планета окажется беззащитной перед нападением машин, – прохрипел в ответ Ксавьер.

Салусанская милиция заняла оборону вокруг ажурных параболических антенн башни генератора поля. Наземные силы и бронетанковые части сосредоточились на прилегающих к комплексу подступах и улицах. «Кинжалы» на бреющем полете кружили над головами, отгоняя своим огнем кимеков.

Сжимая в руках оружие, милиционеры кипели гневом. Подавленные бездействием мужчины жаждали сражения, хотели броситься вперед и вступить в бой с атакующими кимеками... или разорвать на части Ксавьера. С каждым новым взрывом или разрушенным зданием в войсках росло мятежное настроение.

– До прибытия подкрепления мы должны сконцентрировать свои силы здесь, – харкая кровью, продолжал стоять на своем Харконнен.

Паудер внимательно посмотрел на лицевой прозрачный щиток маски командира, заметил на плазе кровь и спросил:

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

– Это пустяки, – ответил Ксавьер, слыша, однако, как при

каждом вдохе свистят его наливающиеся кровью легкие.

Яд продолжал отравлять организм терсеро, и он чувствовал себя все хуже и хуже. Чтобы не упасть, Ксавьер оперся на пласкретный парапет тротуара. Он быстро осмотрел занятую милицией позицию, от души надеясь, что она устоит. Наконец Ксавьер заговорил:

– Теперь, когда эти башни взяты под охрану и надежно защищены, мы можем сделать вылазку и пощупать противника. Вы готовы, кварто Паудер?

Паудер просиял, а солдаты приободрились. Несколько человек разрядили в воздух оружие, готовясь внести свою лепту во всеобщее разрушение. Однако Ксавьер натянул вожжи, остановив солдат, как останавливают норовистых коней.

– Назад! Сохранять бдительность! Мы не можем использовать военные хитрости. Нам не удастся найти внутреннюю слабость противника, которую можно использовать для того, чтобы перехитрить кимеков, но у нас есть воля к победе. Нам нужна победа, иначе мы потеряем все.

Он старался не обращать внимания на кровь, плещущуюся в маске, не зная, сможет ли придать непоколебимую уверенность своему голосу.

– Только решимостью и волей мы разобьем их.

В первые моменты всеобщего смятения и растерянности Ксавьер успел заметить, что один из гигантских кимеков был разрушен и уничтожен концентрированными ракетно-бомбовыми ударами. От его бронированного корпуса остался

только чудовищно искореженный дымящийся остов. Беда была в том, что разрозненные бомбардировщики и рассредоточенные наземные боевые машины не могли нанести концентрированный удар, распыляя свои силы и выстрелы.

– Мы нанесем согласованный удар. Будем выбирать одну цель, одного кимека, и будем сокрушать их по одному. Станем бить по нему до тех пор, пока от него ничего не останется, а потом перейдем к следующему.

Хотя Ксавьер мог с трудом дышать, он решил лично повести в бой эскадру самолетов. Как терсеро, он привык находиться в гуще сражающихся. Так его научили на тренировках и маневрах в условиях, максимально приближенных к боевым.

– Сэр, – в голосе Паудера прозвучало неприкрытое удивление, – разве вы не останетесь в безопасном месте? Как командир, вы обязаны выполнять элементарные требования...

– Вы абсолютно правы, Джеймис, – спокойно ответил Ксавьер. – Тем не менее я лично поведу боевые машины. Мы находимся в положении «все или ничего». Останетесь здесь и будете любой ценой защищать башни.

Подземные элеваторы доставили на поверхность еще одну эскадрилью «Кинжалов». Терсеро Харконнен занял место в кабине пятнисто-серой машины и закрыл фонарь. Летчики бежали к своим машинам, обещая товарищам, вынужденным остаться, отомстить захватчикам. Настроив селектор на нужную частоту, Ксавьер передал летчикам новый приказ.

Терсеро Харконнен поправил сиденье и запустил двигатель своего «Кинжала». Сила ускорения вдавила его в спинку пилотского кресла, дышать стало еще труднее. Из угла рта вытекла струйка горячей алой крови.

Взлетев в воздух, машина легла в разворот, удаляясь от центральной генераторной башни, а часть наземных сил, отойдя от комплекса, направилась к месту перехвата противника. Оружие было приведено в боевую готовность, бомбы приготовлены к сбрасыванию. «Кинжалы» снизились к первой цели, самому маленькому из кимеков. Хриплый голос Ксавьера прозвучал в наушниках пилотов всех «Кинжалов»:

– Бить по моему приказу. Огонь!

Защитники Салусы со всех сторон обрушились на крабовидный корпус и атаковали его до тех пор, пока боевая форма кимека не упала на землю, раздробленная на части. Членистые конечности почернели и изогнулись, емкость, где хранился мозг, была уничтожена. По селектору разнеслись крики радости и торжествующие возгласы. Прежде чем кимеки успели отреагировать на нападение и сменить тактику, Ксавьер выбрал новую цель.

– Все за мной, к следующему!

Эскадра милиции обрушилась на следующего кимека, словно гигантский молот, поливая бомбами и огнем огромное механическое тело. Наземные бронетанковые части, приблизившись на нужное расстояние, тоже открыли огонь.

Второй кимек вовремя заметил грозившую ему опас-

ность, поднял вверх металлические конечности и выпустил в воздух длинные языки пламени. Две фланговые машины эскадры Ксавьера загорелись и камнем упали вниз, разбившись об остатки разрушенного здания. Взорвавшись, боекомплект окончательно сровнял с землей целый городской квартал.

Но удар, который нанесли по кимеку оставшиеся в воздухе машины, увенчался полным успехом. Множество взрывов было настолько мощным, что механическое тело полуробота оказалось неспособным их выдержать. Еще один кимек, превратившись в обгорелый остов, упал на землю. Одна из металлических конечностей выпала из гнезда крепления и откатилась в сторону.

– Уничтожено три, осталось двадцать пять, – удовлетворенно произнес Ксавьер.

– Если они сначала не отступят, – отозвался один из пилотов.

Кимеки в отличие от большинства мыслящих машин Омниуса были все же живыми индивидами. Некоторые из них были еще древними титанами, остальные – неокимеками, предателями коллаборационистами Синхронизированного Мира. Все эти люди пожертвовали своими человеческими телами, чтобы стать ближе к предполагаемому совершенству мыслящих машин.

Командовавший войсками, оставшимися у башен генератора, кварто Паудер использовал все имевшиеся в его распо-

ряжении силы, чтобы заставить отступить четырех кимеков, прорвавшихся в опасную близость к генератору. Эти кимеки уже угрожали святой святым салусанской обороне. Паудер уничтожил одного из воинов-кимеков. Остальные отступили и начали перегруппировываться. За это время самолеты Ксавьера уничтожили еще двух кимеков.

Сражение близилось к переломному моменту.

Груженные бомбами «Кинжалы» Ксавьера снова легли в боевой разворот, выбрав в качестве цели новую волну наступавшего противника. Поддерживаемая бронетанковыми силами и артиллерией милиция Салусы снова и снова накачивалась на передовых кимеков. Бомбы разрушили ноги машины, блокировали ее оружие. «Кинжалы» снова развернулись, готовые нанести завершающий удар.

К изумлению салусанцев, центральная турельная башня кимека, в которой хранился человеческий головной мозг, вдруг отделилась от корпуса. Вспыхнуло яркое пламя дюз, и башенка с мозгом окончательно отделилась от тела с членистыми конечностями. Бронированный сферический контейнер взмыл в небо, выйдя за пределы досягаемости салусанского оружия.

– Отделяемый аппарат улетел, чтобы защитить мозг предателя. – Ксавьер, произнеся эти слова, почувствовал, что его легкие засвистели, и выплюнул еще один сгусток крови. – Стреляйте по нему!

«Кинжалы» направили свои орудия на шар, стремитель-

но взлетающий в затянутое черным дымом небо. Импульса вполне хватило на то, чтобы достигнуть скорости выхода за пределы притяжения планеты.

– Проклятие!

Пилоты расстреливали боезапас по огненному хвосту, но сам контейнер стремительно удалялся из поля зрения.

– Не тратьте зря боеприпасы, – передал новый приказ Ксавьер. – Этот нам больше не опасен.

Он чувствовал сильное головокружение и дурноту, проваливаясь не то в бессознательное состояние, не то в смерть.

– Слушаюсь, сэр.

«Кинжалы» повернули назад и набросились на новую цель.

Однако как только эскадра начала бомбить и обстреливать еще одного кимека, тот также запустил отделяемый аппарат, выстрелив в небо, как пушечное ядро, свою емкость с головным мозгом.

– Эгей, – пожаловался один из пилотов, – он улетит, прежде чем мы успеем как следует засветить ему в глаз!

– Может быть, мы активировали их программу «рви когти и тикай», – фыркнув, отозвался другой пилот.

– Пока они отступают, – констатировал терсеро Харконнен, только невероятным усилием воли сохраняя сознание. Он надеялся, что не упадет в такой решительный момент. – За мной к следующей цели.

Словно услышав этот сигнал, все оставшиеся кимеки по-

кинули свое боевое обличье. Отделяемые контейнеры, словно ракеты фейерверка, устремились в небо, слепо пробиваясь в космос сквозь защитное поле, туда, где их должен был подобрать флот роботов.

Когда кимеки прекратили атаку и отступили, защитники Салусы испытали странную радость от вида искореженных и распростертых на земле остатков механических гигантов.

В течение нескольких следующих часов уцелевшие обитатели Салусы выходили из убежищ, прищурив глаза, вглядывались в затянутое дымом небо и испытывали смесь потрясения и торжества.

После того как кимеки отступили, флот роботов, пребывая в полной растерянности, выпустил по Салусе тучу ракет, но их компьютеры на гелевых контурах оказались бесполезными и не смогли вывести ракеты на цели. Стандартная противоракетная оборона Салусы уничтожила эти снаряды, и ни один из них не достиг поверхности планеты.

Наконец, когда призванные боевые группы прибыли с периметра системы Гамма-Вайпинг на помощь флоту роботов, мыслящие машины подсчитали свои шансы на успех, решили, что их недостаточно для продолжения боевых действий, и отступили, оставив на орбите разбитые и уничтоженные корабли.

Зимия между тем продолжала гореть. На покрытых щебнем улицах лежали десятки тысяч убитых.

Пока шла битва, Ксавьер усилием воли держался. Но как только она кончилась, он понял, что едва стоит на ногах. Легкие были переполнены кровью, рот обжигал отвратительный кислый вкус. Но Харконнен настоял на том, чтобы медики сосредоточились на оказании помощи более тяжелым раненым на улицах города.

С балкона верхнего этажа полуразрушенного Дома парламента Ксавьер смотрел на жуткие руины родного города. Мир вокруг него окрасился в кроваво-красный цвет, Ксавьер покачнулся и упал на спину. Он еще успел услышать, как адъютант громко зовет врача.

Я не могу считать это победой, подумал он, проваливаясь в черноту беспамятства.

*В пустыне грань между жизнью и смертью
тонка и незаметна.*

Дзенсунни. «Огненная поэзия Арракиса»

Здесь, вдалеке от мыслящих машин и Лиги Благородных, царила вечная, непреходящая пустыня. Пришельцы-дзенсунни, бежавшие на Арракис, влачили тут жалкое существование, едва выживая в суровых условиях этой страшной планеты. В их жизни было мало радостей, все силы уходили на яростную борьбу за то, чтобы прожить еще один день.

Яркий солнечный свет заливал безбрежное песчаное море, накаляя дюны, которые рябью покрывали песчаный океан, стремясь к невидимому берегу. Посреди покрытых пылью островков высились немногочисленные черные скалы,

которые не спасали от невыносимого зноя и демонических червей.

Последнее, что он увидит в жизни, будет этот пустынный пейзаж. Люди обрушили на юношу страшное обвинение, и никого не интересовало, что он был невиновен.

– Уходи прочь, Селим! – раздался голос сверху, из пещеры. – Убирайся отсюда!

Он узнал голос своего юного друга – *бывшего* друга Эбрагима. Наверное, он испытывал сейчас большое облегчение, так как по справедливости это он должен был подвергнуться изгнанию. Это его надо было обречь на верную смерть, а не Селима. Но кто будет оплакивать уход сироты, и изгнали Селима сообразно понятиям правосудия дзенсунни.

– Пусть червь выплюнет твои поганые внутренности! – раздался хриплый голос. Это кричала старая Глиффа, которую Селим почитал когда-то как родную мать. – Вор! Похититель воды!

Из пещер в Селима полетели камни. Один из них своим краем порвал ткань, которой Селим обернул голову, чтобы защититься от палящих лучей солнца. Юноша пригнулся, но затем выпрямился. Он не доставит им такого удовольствия – видеть его унижение. Они отняли у него все, но пока он дышит, им не удастся лишить его гордости.

Над краем скалы появилась голова наиба Дхартха, вождя сиегча.

– Племя сказала.

Не будет никакой пользы от того, что он станет убеждать их в своей невиновности, не помогут ни извинения, ни объяснения. Стараясь сохранить равновесие на крутой тропинке, Селим нагнулся и, подняв острый камень, зажал его в ладони и обратился на людей племени пылающий взор.

Селим умел мастерски бросать камни. Он убивал воронов, маленьких кенгуровых мышей и ящериц, которых приносил на кухню племени. Если он хорошенько прицелится, то, пожалуй, сумеет выбить набу глаз. Селим вспомнил, как Дхартха что-то тихо нашептывал на ухо отцу Эбрагима, видел, как они сговорились обвинить его, а не виновного мальчика. Они решили наказать Селима, взяв за мерило вины нечто не похожее на истину.

У наиба Дхартха были темные брови и иссиня-черные волосы, собранные в хвост, скрепленный кольцом из тускло-серебристого металла. На левой щеке красовалась пурпурная татуировка, состоявшая из геометрических фигур – углов и прямых линий. Этот рисунок нанесла ему на лицо его жена, пользуясь стальной иглой и едким соком чернильной лозы, которую дзенсунни выращивали в своих террариумных садах. Наиб с издевкой смотрел на Селима. Брось камень, говорил этот взгляд, и племя тотчас забросает тебя большими острыми камнями насмерть.

Но нет, такое наказание убьет Селима слишком быстро. Нет, вместо такой легкой смерти племя выгнало Селима в пустыню, где смерть будет долгой и мучительной. Именно

для этого его изгнали из сплоченной общины. На Арракисе человек не может выжить в одиночку, без помощи других людей. Существование в пустыне требовало взаимовыручки и сотрудничества, когда каждый человек знал свое место и свои обязанности. Дзенсунни рассматривали воровство вообще – а кражу воды в особенности – как тягчайшее преступление.

Селим спрятал камень в карман. Не обращая внимания на оскорбительные выкрики, он продолжил свой утомительный спуск, направляясь в открытую пустыню.

Дхартха заговорил, и его голос прозвучал над песками, подобный реву в пустыне:

– Селим, не имеющий отца и матери, Селим, которого мы приняли в племя, ты повинен в краже племенной воды. Поэтому ты должен уйти в пески. – Он еще более возвысил голос, чтобы последние его слова долетели до ушей уходящего в изгнание человека: – Пусть Шайтан подавится твоими костями.

Всю свою короткую жизнь Селим трудился на племя за двоих, выполняя больше работы, чем кто-либо еще. Из-за того, что никто не знал, кто его родители, племя требовало от него послушания и заставляло работать, как невольника. Никто не ухаживал за Селимом, когда он болел – кроме, быть может, старой Глиффы, – и никто не помогал ему носить непомерные тяжести. Он видел, как многие его товарищи буквально надувались водой из больших семейных за-

пасов, даже Эбрагим, которому никогда не приходило в голову поделиться ею с другом. Но, однако, именно Эбрагим, увидев полкувшина солоноватой воды, оставленной без присмотра, выпил ее, глупо надеясь, что этого никто не заметит. И как же легко он обвинил в этом своего, как казалось Селиму, товарища, когда кража обнаружилась...

Приговорив мальчика к изгнанию, Дхартха не потрудился дать ему на дорогу даже маленького меха с водой, так как посчитал это пустой тратой запасов племени. Никто не рассчитывал, что Селим проживет дольше одного дня, даже если ему каким-то чудом удастся избежать встречи со страшным чудовищем пустыни.

Зная, что никто не слышит его, мальчик пробормотал себе под нос:

– Чтоб ты задохнулся пылью, наиб Дхартха.

Селим свернул на тропинку, ведущую в сторону от гряды скал, а люди его племени продолжали выкрикивать проклятия и швырять в него мелкие камни.

Дойдя до подножия каменистой отвесной стены, защищавшей сиетч от пустынных бурь и страшных червей, мальчик обошел стену и направился в пустыню, желая уйти как можно дальше от изгнавшего его сиетча. Иссущающий зной немилосердно обжигал голову. Те, кто смотрел ему вслед, были удивлены тем, что вместо того, чтобы спрятаться в близлежащей пещере, Селим по доброй воле отправился к дюнам.

Что мне терять?

Селим решил, что никогда не вернется сюда и не станет просить о помощи и прощении. Он высоко вскинул подбородок и зашагал к дюнам, желая уйти как можно дальше. Скорее он умрет, чем будет просить прощения у таких, как люди этого племени. Эбрагим солгал, чтобы спасти собственную жизнь, но в глазах Селима наиб Дхартха совершил куда более тяжкое преступление. Он намеренно осудил на смерть невиновного, так как это сильно упрощало племенную политику.

Селим прекрасно ориентировался в пустыне и знал, как надо вести себя в ней, но Арракис был слишком суровым и негостеприимным миром. В течение жизни нескольких поколений, что жили здесь дзенсунни, ни один человек не вернулся из изгнания. Безбрежный песок поглощал изгнанников, не оставляя никаких следов. Он вышел в открытую пустыню, имея при себе только веревку, висевшую на плече, кинжал на поясе и заостренную металлическую палку, найденную им в мусорном ящике космопорта города Арракиса.

Может быть, Селиму стоило отправиться в Арракис, чтобы поискать работу у инопланетных торговцев, сгружая с их кораблей привезенный товар. Можно было тайком улететь на одном из таких кораблей, которые совершали межпланетные рейсы, тратя многие годы на каждый перелет. Но эти корабли редко залетали на Арракис, который находился в стороне от оживленных межпланетных трасс. Кроме того, если

он присоединится к чужакам, то ему придется отказаться от своего «я». Лучше, конечно, остаться в пустыне, если удастся выжить...

Он положил в карман острый камень — один из тех, какими швыряли в него сверху. Когда он отошел на порядочное расстояние от утесов, которые выглядели теперь совсем маленькими, Селим подобрал еще один зазубренный осколок скалы. Это был вполне пригодный метательный снаряд. Со временем ему придется подумать о пропитании. Если убить ящерицу и высосать ее влажную плоть, удастся еще хотя бы ненадолго продлить свою жизнь.

Идя по бескрайнему океану песка, Селим внимательно смотрел на вытянутый полуостров скал, удаленный от пещер дзенсунни. Там он будет достаточно далеко от своего племени, но сможет смеяться им в лицо — пусть видят, что ему удалось уцелеть в изгнании. Им можно будет показывать нос и отпускать в их адрес язвительные шутки, которые, к сожалению, не долетят до ушей наиба Дхартха.

Селим с такой яростью втыкал в мягкий песок дюн свой импровизированный металлический посох, словно поражал каждым ударом невидимого воображаемого врага. Концом палки мальчик нарисовал на песке устрашающий символ буддизма и изобразил рядом стрелку, направленную к скальному поселению. Селим получил истинное удовольствие от своей непокорности, хотя и понимал, что ветер скоро сотрет с поверхности песка это оскорбительное изобра-

жение. Легким шагом он взобрался на дюну, а потом скатился в котловину.

Селим запел традиционную песню, горделиво выпрямился и ускорил шаг. Отдаленная гряда скал ослепительно сверкала в лучах жаркого послеполуденного солнца, и Селим уговаривал себя, что этот блеск выглядит приветливо и гостеприимно. Смелость его возрастала по мере того, как он удалялся от своих мучителей.

Но когда до спасительных скал оставалось еще около километра, Селим почувствовал, что рыхлый песок под его ногами начал ритмично вздрагивать. Он поднял глаза, внезапно осознав опасность, и увидел, как по поверхности песка расходится рябь от движения подземного зверя, несшегося под огромными дюнами.

Селим побежал. Он поднимался на гребни дюн и соскальзывал с них, отчаянно стараясь не упасть и не потерять равновесия. Он побежал по гребню дюны, прекрасно понимая, что она не сможет послужить препятствием для приближающегося песчаного червя. Скалы оставались пока вне пределов досягаемости, между тем чудовище стремительно приближалось.

Усилием воли Селим заставил себя остановиться, хотя охваченное страхом сердце понуждало его продолжать бег. Черви преследуют любой вибрирующий предмет, а он пытался убежать, как трусливый сопливый младенец, вместо того чтобы застыть на месте, как это делают хитрые пу-

стынные зайцы. Теперь чудовище, конечно же, преследует именно Селима. Сколько людей до него в таком положении, стоя на дрожавших коленях, возносили прощальную молитву, прежде чем быть сожранными исполинским червем? Ни один человек не выжил после встречи с пустынным чудовищем.

Но что, если обмануть зверя, отвлечь его?

Усилием воли Селим напряг ноги, чтобы не двинуть ими, достал один из захваченных с собой камней и швырнул его как можно дальше от себя. Камень исчез среди дюн и с глухим стуком упал на песок, траектория движения червя немного изменилась, зверь отправился в сторону стука.

Мальчик бросил еще один камень, потом еще один, и получившаяся барабанная дробь заставила червя еще больше изменить свой маршрут. Селим выбросил все свои камни. Червь, который лишь немного сбился с пути, вынырнул на поверхность среди дюн очень близко от Селима.

Камней больше не было, и мальчику нечем было уже отвлечь чудовище.

Широко открыв исполинскую пасть, червь заглатывал песок и камни в поисках куска свежей плоти. По краю расселины, образовавшейся на пути червя, земля начала оседать под ногами Селима. Мальчик понял, что червь вот-вот проглотит его. Селим уловил резкий зловещий запах корицы и разглядел пламя, бушевавшее в глотке чудовища.

Нет сомнения, что наиб Дхартха посмеется над жалкой

судьбой юного вора. Селим в отчаянии громко выкрикнул страшное проклятие. Нет, он не сдастся, он предпочтет смерть в бою.

Чем ближе придвигалась огромная раскрытая пасть, тем более нестерпимым становился резкий пряный запах. Юноша крепко сжал в руке железную палку и прошептал молитву. Как только червь начал подниматься вверх по склону дюны, Селим, собрав все силы, прыгнул на его выгнутую, покрытую грубой чешуей спину. Высоко подняв металлическую палку, Селим, словно копье, вонзил ее в броню кожи червя. Каково же было удивление юноши, когда он почувствовал, что его оружие легко вошло в мягкую розовую плоть между жесткими чешуями.

Зверь отреагировал так, словно получил добрый заряд из пушки. Червь резко подался назад, вздрогнул и начал неистово извиваться.

Пораженный до глубины души Селим воткнул палку еще глубже и изо всех сил ухватился за нее. Зажмурив глаза и стиснув зубы, он немного откинулся назад, чтобы сохранить равновесие. Если он упадет, то у него не останется ни единого шанса уцелеть.

Хотя зверь неистово отреагировал на удар Селима, юноша понимал, что не смог нанести чудовищу ощутимую рану. Его укол был похож на укус мухи, которая хочет полакомиться сладкой капелькой крови исполинского животного. В любой момент червь мог нырнуть в песок и увлечь за собой Селима.

Но произошло нечто удивительное. Червь продолжал нестись по дюнам, стараясь не допустить, чтобы песок коснулся раненой части тела.

Охваченный ужасом Селим, до боли сжав пальцы, изо всех сил вцепился в металлическую палку. Вдруг юноша рассмеялся. До него внезапно дошло, что он едет верхом на самом Шайтане! Был ли до него хоть один человек, которому удалось совершить такой подвиг? Во всяком случае, не нашлось такого, кто остался бы в живых, чтобы поведать об этом людям.

Селим заключил союз с Буддаллахом, поклявшись, что победит всех – наиба Дхартху и этого пустынного демона. Мальчик сильнее надавил на свой железный посох, вонзив его еще глубже в плоть зверя и расширив рану, раздвинув сегменты жесткого покрова. Червь еще больше вырвался из песка, словно стараясь стряхнуть с себя докучливого паразита.

Юный изгнанник не направил зверя к гряде скал, среди которых он надеялся устроить свое жилище. Вместо этого зверь устремился дальше, в глубину пустыни, навсегда унося Селима от его прежней жизни.

Компьютеры научили нас одной отрицательной вещи, а именно – выбор направления принадлежит человеку, но не машине.

Белл Арков. «Вечер отдыха в Лиге Благородных»

После поражения на Салусе Секундус флот мыслящих машин отправился в обратный путь, на свою дальнюю базу Коррин. Всемирный компьютерный разум будет не слишком доволен, выслушав сообщение о неудачном рейде.

Уцелевшие неокимеки, как и подобает по-собачьи преданным слугам Омниуса, тащились в хвосте битого машинного флота. Однако шесть выживших первоначальных титанов – Агамемнон и его элитные кадры – готовили диверсию. Возникла возможность составить успешный заговор против угнетавшего их всемирного разума.

Пока рассредоточенные корабли прокладывали путь в пространстве, прочесывая его всевидящими камерами, Агамемнон благоразумно положил свой корабль на другой курс. После ухода от салусанской милиции генерал кимеков перенес свой мозг из закопченной военной оболочки в гладкий армированный сосуд. Несмотря на поражение, он чувствовал себя в отличной форме и пребывал в прекрасном настроении. Будут и другие битвы – с диким типом людей или с Омниусом.

Древние кимеки затаились, выключив свою селекторную связь, опасаясь, что возмущения электромагнитных полей будут уловлены летящими на периферии отступающей эскадры кораблями. Корабль кимеков летел по иному маршруту, более опасному и близкому к небесным препятствиям, которых стремился избежать машинный флот. Кимекам же удастся спрямить путь и выиграть время, необходимое для

проведения тайного совещания вдали от всевидящих глаз всемирного разума.

Когда их курс пересекся с орбитой пылающего красного карлика, титаны приблизились к уродливому, испещренному следами метеоритов камню, вращавшемуся на ближней к тусклому солнцу орбите. Там порывы звездного ветра и ионизированные частицы вкупе с сильными электромагнитными полями оградят их от сканирующих устройств Омниуса. Агамемнон нашел способ перехитрить и оставить с носом проклятый всемирный разум.

Шестеро кимеков направили корабли к астероиду, используя свой человеческий мозг вместо компьютерных навигационных систем. Агамемнон выбрал для посадки зияющий кратер. Остальные люди-роботы приземлились рядом с ним, с удивлением обнаружив, что изборозженная мелкими складками равнина покрыта очень твердым грунтом.

Не выходя из корабля, Агамемнон активировал механические руки, которые извлекли закрытую емкость с мозгом из контрольного гнезда и перенесли ее в другое подвижное земное тело, снабженное шестью жесткими ногами и низко подвешенным корпусом. Подсоединив проводящие стержни, связанные с вместилищем разума жидкостно-электрическими, он опробовал механические ноги, подняв металлическую ступню, и отрегулировал гидравлические системы режима движений.

Грაციозно шагнув за порог корабля, Агамемнон оказался

на россыпи камней. Здесь к нему присоединились остальные титаны. У каждого было шагающее тело с видимым внутренним механизмом и системами жизнеобеспечения, непроницаемыми для палящего жара и жесткой радиации. Сверху, с черного купола неба, покрывавшего безвоздушный астероид, светила кроваво-красная карликовая звезда.

Первый из уцелевших титанов подошел к своему генералу и прикоснулся к его механическому телу сенсорными подушечками – это было деликатное прикосновение, пародия на ласковое человеческое прикосновение. Юнона – стратегический гений – была возлюбленной Агамемнона в те времена, когда оба еще носили человеческие тела. Теперь, спустя тысячу лет, они нуждались в чем-то большем, чем простое опьянение страстью.

– Мы скоро двинемся дальше, любовь моя? – спросила Юнона. – Или будем ждать одно-два столетия?

– Не так долго, Юнона, не так долго.

Следующим подошел Барбаросса, ближайший друг Агамемнона. Они тоже были знакомы друг с другом уже тысячу лет.

– Сейчас каждый миг кажется вечностью, – произнес Барбаросса. Во времена победоносных деяний титанов именно Барбаросса придумал способ подчинения вездесущих мыслящих машин Старой Империи. К счастью, скромный гений обладал неким даром предвидения и заложил в программы машин инструкцию, которая запрещала причинять вред ти-

танам. Именно это ограничение и позволило Агамемнону и его товарищам кимекам остаться в живых после предательской победы всемирного разума.

— Я никак не могу решить, кого мне больше хочется уничтожить — людей или компьютеры, — проговорил Аякс. Самый сильный из старых кимеков, жестокий и упрямый Аякс протопал к месту встречи, неся на мощных ногах свое могучее ходильное тело, словно поигрывая мощными мышцами некогда человеческого тела.

— Нам надо дважды подумать, как мы будем замечать следы, прежде чем исполнять задуманные нами планы. — Данте, прирожденный бюрократ и бухгалтер, легко схватывал самое сложное переплетение мелких деталей любого дела. Среди титанов он никогда не выделялся ни силой, ни блеском, но свержения Старой Империи невозможно было бы достичь без его умных манипуляций с религиозными и административными вопросами. Не обладая храбростью остальных своих товарищей, Данте создал систему разделения функций, которая позволила титанам в течение столетия править миром без особых проблем.

До тех пор, пока компьютеры не вырвали из их рук вселенскую власть. Последним в мелкую щель кратера вошел впавший в немилость Ксеркс. Самый низший из титанов, он очень давно совершил непростительную ошибку, которая позволила амбициозному новорожденному компьютерному разуму обуздать могучих титанов. Хотя титаны нуждались в

этом товарище как вечном члене их группы, Агамемнон никогда не простил ему глупости. В течение столетий несчастный Ксеркс думал только о том, как он сможет исправить свою ошибку. Он наивно полагал, что Агамемнон снова обнимет его, как только он, Ксеркс, придумает способ искупления преступления, и генерал использовал к своей выгоде энтузиазм отверженного титана.

Агамемнон повел пятерых заговорщиков в тень стены кратера. Там машины с человеческими мозгами расселись кругом среди обломков скал и оплавленных камней, чтобы обсудить свою измену и план беспощадной мести.

Ксеркс, несмотря на свой грех, никогда не предаст их. Тысячу лет назад, после победы, тогдашние живые титаны согласились на хирургическое превращение, чтобы не принимать собственной брэнности, чтобы их лишенный тела мозг мог жить вечно, утверждая их, титанов, вечное правление. Это драматическое событие заставило титанов заключить между собой нерушимый и бессрочный пакт.

Теперь Омниус иногда вознаграждал своих верных человеческих последователей, превращая их в неокимеков. По всему Синхронизированному Миру тысячи новых мозгов с машинными телами верой и правдой служили всемирному разуму. Агамемнон не мог положиться на тех, кто добровольно согласился служить машинам.

Генерал кимеков передавал свои слова через плотную шину проводящих элементов непосредственно в центры мыш-

ления других титанов.

– На Коррине нас ждут не раньше, чем через несколько недель. Я решил воспользоваться этой возможностью, чтобы мы смогли разработать план удара по Омниусу.

– Давно пора это сделать, – проворчал в ответ Аякс.

– Ты думаешь, любовь моя, что всемирный разум стал благодушным и самодовольным, как в свое время люди Старой Империи? – спросила Юнона.

– Я не заметил в нем никаких признаков слабости, – встал свое слово Данте, – и поэтому считаю, что нам надо проявлять осторожность.

– Слабость можно найти всегда, – рывкнул Аякс и так топнул механической ногой, что пробил в камнях круглую дыру. – Если, конечно, у вас есть желание использовать мышцы, чтобы эксплуатировать эту слабость.

Барбаросса хлопнул металлической конечностью по твердому камню.

– Не обманывайтесь насчет искусственного интеллекта. Компьютеры мыслят не так, как люди. Даже через тысячу лет Омниус не даст своему разуму рассеять внимание. У него такая емкость процессоров и столько наблюдательных камер, что мы даже не можем их себе представить.

– Подозревает ли он нас? Сомневается ли Омниус в нашей лояльности? – Ксеркс уже волновался, хотя совещание только началось. – Если он думает, что мы составляем против него заговор, то почему бы ему просто не уничтожить нас?

– Иногда мне кажется, что в твоей емкости с мозгом образовалась течь, – резко ответил Агамемнон. – В разуме Омниуса запрограммировано запрещение убивать нас.

– Не обижайся. Дело в том, что Омниус настолько всемогущ, что иногда кажется, что он может преодолеть запрет, вложенный в него Барбароссой.

– Пока он этого не сделал и не сделает никогда. Я прекрасно понимаю, что я сделал, – отпарировал Барбаросса. – Помни, Омниус создан для того, чтобы эффективно работать. Он не совершает никаких ненужных действий и не станет понапрасну тратить ресурсы. А мы – его главный ресурс.

В разговор вступил Данте:

– Если Омниус так озабочен эффективностью правления, то почему он до сих пор держит у себя людей-рабов? Даже простейшие роботы, машины класса А1, смогут справиться с такими задачами намного эффективнее, чем люди.

Агамемнон вышел из тени под палящие лучи беспощадного солнца, потом снова вошел в тень. Вокруг него в напряженном ожидании застыли остальные заговорщики, похожие на насекомых, сделанных из гофрированного металла.

– В течение многих лет я предлагал Омниусу уничтожать всех людей на новых планетах Синхронизированного Мира, но он отказывается это делать.

– Может быть, он проявляет такое упрямство только потому, что все-таки люди создали мыслящие машины? – предложил Ксеркс. – Может быть, Омниус считает людей во-

площением Бога?

Агамемнон отчитал титана как неразумное дитя.

– Ты что, всерьез думаешь, что компьютерный всемирный разум – религиозный фанатик?

Впавший в немилость титан сконфуженно замолчал. Барбаросса заговорил тоном терпеливого учителя, вдалбливающего элементарные вещи в головы своих тупых учеников.

– Нет, нет, дело просто в том, что Омниус не хочет понапрасну тратить энергию или устраивать беспорядки, с которыми, несомненно, будет сопряжено такое массовое убийство. Он рассматривает человечество как ресурс, который не стоит уничтожать или попусту растрачивать.

– На протяжении многих столетий мы пытались убедить его в противоположном, – мрачно проговорил Аякс.

Понимая, что безопасный промежуток времени, отведенный им, стремительно сокращается, Агамемнон попытался сдвинуть дискуссию с мертвой точки.

– Мы должны найти способ запустить радикальные изменения. Если мы сумеем отключить компьютеры, то мы, титаны, снова станем править миром вместе с неокимеками, которых нам удастся набрать. – Он резко качнул сенсорной башней. – Мы взяли власть один раз и должны сделать это снова.

В прежние времена, когда люди-титаны консолидировали застойную Старую Империю, они использовали для ее разрушения роботов, которые сделали всю грязную работу. Фа-

лок, Агамемнон и другие повстанцы только собрали воедино осколки. На этот раз титанам предстояло воевать самим.

– Может быть, нам стоит найти Гекату? – вставил слово Ксеркс. – Только она одна осталась неподконтрольной Омниусу. Это наша тайная козырная карта.

Геката, бывшая подруга Аякса, стала единственной из титанов, кто добровольно сложил с себя бремя правления. Прежде чем мыслящие машины взяли власть, она бежала в глубины космоса, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. Но Агамемнон доверял этой женщине – пусть даже ее можно было отыскать в бескрайних просторах Вселенной – не больше, чем Ксерксу. Геката давно покинула их, и ее нельзя было считать союзником.

– Нам надо искать сподвижников где угодно, принять любую помощь, которую нам, возможно, предложат, – сказал Агамемнон. – Мой сын Вориан – один из немногих людей, допущенных в центральный комплекс земного Омниуса, он регулярно вносит улучшения в конструкцию всемирного разума на других Синхронизированных Мирах. Возможно, мы сможем воспользоваться его услугами.

Юнона притворно рассмеялась.

– Ты хочешь довериться человеку, любовь моя? Одному из червей, которых ты так сильно презираешь? Всего секунду назад ты хотел уничтожить всех представителей этой зловредной породы.

– Если уж на то пошло, то Вориан – мой генетический сын

и лучший из моих отпрысков. Я воспитывал и учил его. Он уже десятки раз перечитывал мои мемуары. Я очень надеюсь, что со временем он станет моим достойным преемником.

Юнона понимала Агамемнона лучше, чем все остальные титаны, вместе взятые.

– То же самое ты говорил о своих двенадцати предыдущих сыновьях. Однако каждый раз ты находил поводы, чтобы убить их.

– Я сохранил и законсервировал много спермы, прежде чем превратиться в кимека, и у меня есть время разумно ею воспользоваться, – ответил Агамемнон. – Но Вориан... ах, Вориан. Думаю, что он сможет стать одним из нас. Настанет день, и я позволю ему стать кимеком.

Аякс тихо прервал своего генерала:

– Мы не можем одновременно сражаться с двумя могущественными противниками. Так как Омниус наконец разрешил нам атаковать хретгиров благодаря победе Барбароссы в гладиаторском бою, то я считаю, что мы должны как можно лучше провести эту войну и только потом заняться самим Омниусом.

Погруженные в непроницаемую тень кратера титаны, почти соглашаясь с Аяксом, тихо обменивались мнениями. Люди Лиги ускользнули от власти титанов столетия назад, и старые кимеки давно питали к ним лютую ненависть. Оптические зонды Данте поворачивались из стороны в сторону. Этот титан что-то высчитывал.

– Да, людей победить легче, – сказал он наконец.

– А пока будем искать способ уничтожить Омниуса, – добавил Барбаросса. – Всему, как говорится, свое время.

– Возможно, вы правы, – признал Агамемнон. Генерал киевских не хотел излишне затягивать тайное совещание.

Он зашагал к своему личному кораблю.

– Сначала мы уничтожим человеческую Лигу. Используя эту победу как трамплин, мы потом обратим наши силы против более серьезного противника.

Логика слепа и зачастую знает только свое собственное прошлое.

*Архивы из «Генетики философии». Составлены
россакской колдуньей*

Мыслящие машины мало заботились об эстетике, но усовершенствованный космический корабль Омниуса стал – по случайной прихоти конструкции – красивым гладким серебристо-черным судном, казавшимся карликом в бескрайних просторах Вселенной, перемещающимся от одной синхронизированной планеты к другой. После внесения новых улучшений в конструкцию «Дрим Вояджер» возвращался на Землю.

Вориан Атрейдес мог считать себя счастливчиком, что ему доверили такую важную и жизненно необходимую миссию. Рожденный женщиной-рабыней, оплодотворенной законсервированной спермой Агамемнона, темноволосый Вориан мог проследить свою родословную от времен титанов

и глубже в прошлое, на много тысячелетий, к эпохе Дома Атрейдесов в Древней Греции, начиная от другого великого Агамемнона. Благодаря статусу отца юный Вор, которому едва исполнился двадцать один год, был воспитан и обучен на Земле под руководством и присмотром мыслящих машин. Он был одним из привилегированных «доверенных» людей, которым разрешалось свободно перемещаться, обслуживая Омниуса.

Вориан читал все рассказы о своем славном происхождении, записанные отцом, который хотел документально закрепить свое торжество. Вор считал великое произведение генерала титанов не просто литературным шедевром, скорее это был священный исторический документ.

Впереди от рабочего места Вориана капитан «Дрим Вояджера», самоуправляющийся автономный робот, не допуская ни единой ошибки, проверял работу инструментов и приборов. Металлическая, отливающая медью кожа Севрата плотно обтягивала человеческие формы корпуса, сделанного из полимерных волокон, стальных несущих конструкций, гелевых контуров и раздутых пластиковых мышц.

Проверяя аппаратуру, Севрат стучал по клавиатуре дистанционных сканеров и поглядывал в порт иллюминатора своими нитевидными оптическими сенсорами. Делая свое дело, капитан-робот играл на нервах подчиненного, второго пилота-человека. Севрат имел странное и неприятное обыкновение плоско шутить.

– Вориан, что ты получишь в результате скрещивания сви-
ньи и человека?

– Что?

– Тварь, которая много ест, сильно воняет, но не способна
ни к какой полезной работе.

В ответ Вориан вежливо хмыкнул. Шутки Севрата служи-
ли еще одним доказательством того, что роботы не способны
по-настоящему понимать юмор. Но если бы Вор не смеялся,
то Севрат выдал бы еще одну шутку, потом еще, и так до по-
лучения желаемой человеческой реакции.

– Ты не боишься сделать ошибку, рассыпаясь в шутках во
время проверки работы приборов?

– Я не делаю ошибок, – сказал Севрат. В стаккато его ме-
ханического голоса прозвучали стальные нотки.

Вориан просиял, приняв вызов.

– Ах вот как! Но что будет, если я сломаю какую-нибудь
деталь и нарушу жизненно важную функцию корабля? Мы
здесь одни, и я, в конце концов, всего лишь склонный к об-
ману человек, твой смертельный враг. Этим я отплачу тебе
за все твои ужасные шутки.

– Я мог бы ожидать такого от низшего раба или от ремес-
ленника, но ты этого никогда не сделаешь, Вориан. Тебе есть
что терять.

Сделав зловеще плавное движение, Севрат повернул свою
гофрированную медную голову, обращая еще меньше вни-
мания на системы управления «Дрим Вояджера».

– Но даже если ты это сделаешь, я сразу же вычислю поломку.

– Не надо меня недооценивать, медноголовый старик. Отец учит меня, что, невзирая на многочисленные наши слабости, наша козырная карта – это непредсказуемость.

Улыбаясь, Вориан подошел к капитану-роботу и внимательно всмотрелся в измерительный экран.

– Как ты думаешь, почему Омниус просит меня швырнуть в его макет гаечный ключ всякий раз, когда он планирует встречу с хретгирами?

– Ваш неуправляемый и бесшабашный хаос есть единственная причина того, что ты можешь победить меня в стратегической игре, – ответил Севрат. – Но это не имеет никакого отношения к вашим врожденным навыкам.

– Навыки победителя всегда выше, чем навыки побежденного, – парировал Вориан, – независимо от того, как ты определяешь условия состязания.

Усовершенствованный космический корабль совершал обыденный, рутинный рейс через мир синхронизированных планет. Один из пятнадцати подобных кораблей, «Дрим Войджер», вез копию современной версии Омниуса на одну из отдаленных планет, на которой надо было синхронизировать тамошний образец всемирного разума.

Контурные ограничения и скорость передачи электронных данных ставили пределы физическим размерам любой индивидуальной машины; таким образом, один и тот же ком-

пьютер всемирного разума не мог действовать за пределами одной, отдельно взятой планеты. Тем не менее для восполнения этого недостатка на каждой планете существовала копия Омниуса, являвшаяся, по сути, своеобразным ментальным клоном. Такие корабли, как «Дрим Вояджер», развозили по планетам усовершенствованные копии отдельных инкарнаций Омниуса, чтобы они оставались виртуально идентичными на пространстве всей машинной автаркии.

После многих совместных путешествий Вор знал, как управлять кораблем, и мог получить доступ ко всем банкам данных, пользуясь кодами Севрата. За много лет они с капитаном-роботом стали почти друзьями, чего не могли понять многие люди и машины. Проводя вместе массу времени в космосе, они говорили о многих вещах, играли в интеллектуальные и физические игры и рассказывали друг другу истории, заполняя пропасть между машиной и человеком.

Иногда, ради забавы, Севрат и Вориан менялись местами, тогда Вориан делал вид, что он капитан, а Севрат всего лишь его подчиненный робот. Так восстанавливали они положение, существовавшее во времена Старой Империи. Однажды во время такой игры Вориан импульсивно окрестил корабль «Дрим Вояджер». Это был поэтический вздор, который Севрат не только охотно переносил, но и всячески поддерживал.

Как и подобает сознательной машине, Севрат регулярно получал новые инструкции и памятные переносы от всемир-

ного разума, но поскольку он проводил много времени оторванным от питающего машинного мозга, скитаясь от планеты к планете, развил в себе некоторые личностные черты и независимый образ мысли. По мнению Вориана, Севрат был лучшим представителем машинного разума, хотя временами робот его сильно раздражал. Особенно своим специфическим чувством юмора.

Вориан хлопнул в ладоши, хрустнул пальцами и блаженно вздохнул.

– Как же хорошо иногда расслабиться. Очень плохо, что ты не можешь этого сделать.

– Мне не требуется никакого расслабления.

Вориан никогда бы не признался в том, что тоже находит свое органическое тело плохим во многих отношениях: оно хрупкое, непрочное, склонно к болям, недомоганиям и подвержено травмам, которые неведомы мыслящим машинам. Он надеялся, что будет в хорошей физической форме до того момента, когда его превратят в долговечного неокимека, из которых все когда-то были доверенными людьми, такими, каков он сам. Настанет день, и Агамемнон получит на это разрешение Омниуса, если Вориан достаточно усердно поработает, чтобы заслужить такое разрешение.

«Дрим Вояджер» был в путешествии уже долгое время, и доверенный машин был очень рад скорому возвращению домой. Скоро он увидит своего выдающегося отца.

Пока «Дрим Вояджер» безмятежно плыл среди звезд,

Севрат предложил Вориану дружеское состязание. Они уселись за стол и занялись своим обычным развлечением, игрой, которую они придумали и довели до совершенства за долгие месяцы совместных путешествий. Это была стратегия воображаемой космической войны между двумя чуждыми расами – «Ворианами» и «Севратами». У каждой из сторон был военный флот, обладавший определенными возможностями и точно очерченными ограничениями. Хотя у капитана-робота была безукоризненная и неограниченная память, Вориан успешно вел войну, так как проявлял недюжинную способность к тактическим импровизациям, чем приводил в изумление своего оппонента.

Сейчас, переставляя корабли по воображаемому космическому полю битвы, Севрат выдавал все старые шутки и анекдоты, находившиеся в его огромной базе данных. Не выдержав этого словесного потока, Вориан, не скрывая раздражения, наконец сказал:

– Ты делаешь явную попытку меня отвлечь. От кого ты научился этому?

– Как от кого? От тебя, конечно.

Робот начал вспоминать и перечислять те случаи, когда Вориан действительно поддразнивал его, угрожая, например, испортить корабль, но в действительности не собираясь делать ничего подобного, или придумывая совершенно невозможные экстренные внештатные положения.

– Ты не считаешь это надувательством? И кто это делал

– ты или я?

Это откровение поразило Вориана.

– Мне очень грустно, что, пусть даже шутя, я научил тебя лгать. Мне стыдно, что я – человек.

Нет никакого сомнения, Агамемнон был бы разочарован.

После второго раунда Вориан проиграл. От переживаний он потерял всякий интерес к игре.

Каждая попытка есть игра, не так ли?
Иблис Гинджо. «Выбор – полное освобождение»

На садовой террасе, откуда открывалось зрелище изуродованных руин Зимии, в мрачном одиночестве стоял Ксавьер Харконнен, с отвращением ожидая начала парада победы. Полуденное солнце ласково грело лицо. Вместо диких воплей и взрывов слышалось пение птиц; свежий ветер развеял ядовитый газ.

Лига еще долго будет приходить в себя после такого потрясения. Все изменилось, и изменилось необратимо.

Прошло уже много дней после нападения машин, но и сейчас Харконнен видел дымок, поднимающийся от искореженных каменных остовов и переплетений арматуры в безоблачное небо. Но Ксавьер не чувствовал запаха копоти. Ядовитый газ кимеков так повредил его органы, что он никогда больше не почувствует ни вкусов, ни запахов. Даже дыхание превратилось в простой механический акт, а не в приятное вдыхание чистого свежего воздуха.

Но не подобает ему переживать и стонать, замкнувшись

в своем несчастье. Другие люди потеряли гораздо больше. После атаки кимеков Ксавьер Харконнен остался жив только благодаря героическим усилиям салусанских врачей. Серена Батлер навестила его в больнице, но он помнил ее образ только сквозь пелену боли, лекарств и аппаратов жизнеобеспечения. Ксавьеру сделали экстренную операцию, пересадив ему оба легких. Здоровые органы были получены от таинственных тлулаков. Он знал, что Серена приложила максимум усилий, чтобы главный военный хирург – блестящий врач – и торговец живыми органами с Тлулакса сделали все возможное для излечения Ксавьера.

Теперь он снова может дышать, хотя иногда и испытывает приступы острой боли в груди. Ксавьер выжил, чтобы еще раз сразиться с мыслящими машинами. Благодаря лекарствам и передовым методам заживления ран он был выписан из госпиталя вскоре после операции.

Во время нападения кимеков торговец живыми тканями с Тлулакса находился в Зимии по своим обычным торговым делам и едва спасся. На несоюзной планете Тлулакса в отдаленной планетной системе звезды Тхалм жил его народ, занимавшийся выращиванием на специальных фермах человеческих сердец, легких, почек и других органов из жизнеспособных клеток. После того как кимеки были изгнаны, тлулакс предложил свой товар военным хирургам главного полевого госпиталя. Холодильники купца были забиты образцами органов. Это была неслыханная удача, улыбаясь, сказал

купец, что он оказался на планете и сможет теперь помочь столь прискорбно пострадавшим гражданам Салусы.

После успешной операции Кеedayр навестил Ксавьера в медицинском центре. Тлулакс оказался человеком среднего роста, но хрупкого телосложения, с темными глазами и угловатым лицом. С левой стороны головы свисала плотно заплетенная косичка.

Вдохнув и сделав над собой большое усилие, Ксавьер хрипло заговорил:

– Это было настоящее счастье, что вы оказались здесь с грузом органов на борту вашего корабля.

Кеedayр сложил руки, сплетя длинные тонкие пальцы.

– Если бы я мог знать, что кимеки нападут на вас, то я бы захватил с собой большой запас с наших ферм органов. Уцелевшим жителям Салусы требуется больше органов, но доставить их с Тлулакса можно не раньше, чем через несколько месяцев.

Прежде чем покинуть палату Ксавьера, торговец обернулся и сказал:

– Считайте себя счастливым, терсеро Харконнен.

В изуродованной войной Зимии жители разыскивали своих мертвецов, чтобы предать их земле. По мере расчистки завалов росло число погибших. Тела извлекали из-под камней, устанавливали их имена, составляли списки. Но, несмотря на боль и страдания, человечество вышло из этой

схватки окрепшим.

Вице-король Манион Батлер настаивал на том, чтобы после нападения кимеков люди выражали больше стойкости и решимости. На улице, под террасой, на которой стоял Ксавьер, шли последние приготовления к благодарственному празднику. На ветру развевались знамена с изображениями открытых человеческих ладоней – символа независимости и свободы. Уставшие угрюмые люди в грязных одеждах из всех сил старались править великолепными салусанскими жеребцами, которые испытали большое потрясение от войны. В гривы коней были вплетены кисточки и колокольчики, хвосты были похожи на водопады безупречно белой шерсти. Украшенных кружевными лентами животных едва удавалось сдерживать; они нетерпеливо били копытами, стремясь пройти по бульвару, отмытому от грязи, сажи и пятен крови.

Ксавьер рассеянно посмотрел в небо. Как он сможет теперь смотреть в небо без страха, что в следующий момент увидит летящие вниз аппараты, пробивающие защитные магнитные поля? Ракетные силы были уже восстановлены, для предупреждения новых атак из космоса были установлены новые силовые станции. Патрули в состоянии полной готовности кружили по внешним орбитам.

Вместо того чтобы смотреть парад, ему следовало бы заняться подготовкой салусанской милиции к следующему нападению, увеличить число сторожевых кораблей и разведчи-

ков на внешних подступах к Солнечной системе, составить более эффективный план спасения и эвакуации, а также план отражения нападения. Еще одна атака машин – это лишь вопрос времени.

Следующее заседание парламента Лиги будет посвящено неотложным мерам и возмещению ущерба. Представители выработают план восстановления Зимии. Кимеков, уничтоженных салусанскими силами, надо будет разобрать и внимательно исследовать, чтобы найти в них слабые и уязвимые места.

Ксавьер надеялся, что Лига незамедлительно отправит делегацию на Поритрин за блистательным Тио Хольцманом, чтобы тот обследовал недавно установленные защитные, истребляющие машинный разум поля. Только великий изобретатель сможет разработать меры по устранению недостатков системы, которые обнаружили и использовали кимеки.

Когда Ксавьер поделился своими опасениями с вице-королем Батлером, человек с цветущим лицом согласно кивнул в ответ, но уклонился от дальнейшего обсуждения темы.

– Сначала мы должны отпраздновать этот день и поздравить себя с тем, что мы живы. – За маской уверенности Ксавьер легко разглядел глубокую печаль в глазах вице-короля. – Мы не машины, Ксавьер. В нашей жизни должно быть что-то еще, кроме войны и мести.

Услышав шаги на террасе, Харконнен обернулся и увидел Серену Батлер. Девушка улыбалась ему, в ее глазах Кса-

вьер разглядел тайное глубокое чувство, которое она показала ему сейчас, когда на террасе не было никого, кроме них двоих.

– Вот и мой героический терсеро.

– Человека, по вине которого половина города превратилась в руины, обычно не называют героем, Серена.

– Но зато героем можно назвать человека, который спас от разрушения и уничтожения остальную часть планеты. Если бы ты не взял на себя ответственность, если бы не сделал выбор и не принял решения, то была бы сокрушена вся Зимия, вся Салуса.

Она приблизилась к Харконнену и положила ему руку на плечо.

– Я не хочу, чтобы ты обвинял себя во всем во время парада победы. Один день ничего не может решить.

– Один день может решить все, – настаивал на своем Ксавьер. – Мы с таким большим трудом сумели отразить эту атаку только потому, что слишком сильно уповали на защитное уничтожающее поле и совершенно глупо полагали, что Омниус решил раз и навсегда оставить нас в покое после стольких десятилетий мира. Сейчас наступил самый подходящий момент для повторения атаки. Что, если они обрушат на нас еще одну волну кимеков?

– Омниус сейчас зализывает раны. Сомневаюсь, что его силы уже вернулись в Синхронизированный Мир.

– Машины не зализывают раны, – возразил терсеро.

– Ты очень серьезный молодой человек, – сказала она. – Пожалуйста, смягчись, хотя бы по случаю парада. Нашим людям надо поднять боевой дух.

– Твой отец уже прочел мне лекцию на эту тему.

– Ты же знаешь, что если двое Батлеров что-то говорят, то скорее всего это верно.

Он крепко обнял Серену и последовал за ней с террасы к парадным трибунам, где он будет сидеть на почетном месте рядом с вице-королем.

Ксавьера влекло к Серене сколько он себя помнил, с самого детства. Они повзрослели, и в их душах окрепла уверенность в связывавших их глубоких чувствах. И он, и Серена считали, что их отношения закончатся бракосочетанием, в котором с редкой гармонией сольются равенство благородного происхождения, политические выгоды и романтическая любовь.

Однако теперь, несмотря на некоторую возникшую между ними отчужденность, Ксавьер напомнил себе о своих главных приоритетах. Из-за происшедшей катастрофы, в которой был убит примеро Мич, молодой Харконнен оказался исполняющим обязанности командующего салусанской милицией. Это обстоятельство заставило его столкнуться с невиданными ранее задачами и большими трудностями. Так много надо сделать, но он же всего только человек, и к тому же только один человек.

Час спустя все благородное собрание сидело на трибу-

не, воздвигнутой перед центральным дворцом. Фасад разрушенного правительственного здания был прикрыт временными щитами. Украшенный орнаментом фонтан на центральной площади перестал существовать, но жители столицы знали, что торжественное мероприятие может быть проведено только здесь.

Даже будучи сожженным и разрушенным, здание, от которого остался только остов, выглядело внушительно и величественно. Построенное в салусанском готическом стиле, это здание с многоступенчатыми, многоуровневыми крышами, щипцами, спиралями и резными колоннами не только было местом заседаний правительства Лиги Благородных, но служило также местом нахождения культурологического и антропологического музея. В близком соседстве располагались более простые, но радующие глаз жилые сооружения, отмытые добела пемзой, которую добывали в окрестных меловых скалах. Салусанцы гордились тем, что именно они лучшие мастеровые и ремесленники во всей Лиге. Большую часть своей продукции они изготавливали вручную, не прибегая к машинам и автоматам.

Вдоль пути следования парада выстроились пестро одетые жители Салусы. Люди оживленно переговаривались между собой, показывая руками на замечательных коней, дефилировавших по улице. За конями маршировали оркестры, а за оркестрами следовали исполнители народных танцев на высоких передвижных платформах. Провели одурманенно-

го наркотиками свирепого салусанского быка, который даже в полусонном состоянии дико вращал глазами и рыл копытами землю.

Хотя Ксавьер изо всех сил пытался смотреть праздничное шествие и наслаждаться его зрелищем, он против воли то и дело поднимал голову, глядя в небеса, а потом принимался смотреть на изуродованные городские дома...

В заключение парада Манион Батлер произнес торжественную речь в ознаменование успешного отражения агрессии мыслящих машин. Несмотря на праздничный тон речи, он отдал должное той высокой цене, которую пришлось заплатить за победу, упомянул о десятках тысяч жизней, которые пришлось принести на ее алтарь, о многих тысячах раненых.

– Нам предстоит восстановить город и залечить людские раны, смягчить человеческое горе, но наш боевой дух не сломлен, хотя мыслящие машины в любой миг могут повторить нападение.

Обращаясь к толпе, вице-король подозвал Ксавьера Харконнена к центральной трибуне.

– Хочу представить вам нашего величайшего героя, человека, который твердо противостоял кимекам и принял нужные и правильные решения, позволившие спасти всех нас. Немного есть тех, кто нашел бы в себе силы поступить так же.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Ксавьер выступил впе-

ред, чтобы принять из рук вице-короля военную медаль на сине-красно-золотой ленте. В самый волнующий момент чествования Серена поцеловала Ксавьера в щеку. Он от души надеялся, что никто в толпе не заметил, как он залился краской смущения.

– Вместе с этой медалью, Ксавьер Харконнен, вы получаете повышение по службе. Отныне вы – терсеро первого ранга. Я поручаю вам изучить защитную тактику и состояние оборонительных сооружений всей Армады Лиги Благородных. Вам вменяется в обязанность улучшить состояние салусанской милиции и всех вооруженных сил Лиги Благородных.

Молодой офицер чувствовал себя очень неловко, оказавшись в центре всеобщего внимания, но с достоинством принял оказанные ему почести.

– Я жажду немедленно начать трудную работу во имя нашего выживания и прогресса. – Он взглянул на Серену и снисходительно улыбнулся. – Но, конечно, после окончания сегодняшнего парада.

Дюна – дитя червя.

Из «Легенды о Селиме, обуздавшем Червя». Огненная поэзия дзенсунни

Весь день и почти всю ночь чудовищный песчаный червь неся по пустыне, вынужденный выйти за пределы своего места обитания.

Когда на небосклоне взошли две луны и залили окрест-

ность своим странным призрачным светом, вцепившийся в металлическую палку Селим был уже совершенно измотан. Хотя его не пожрал дикий червь, но он скоро погибнет, утомленный непрерывной ездой. Буддаллах спас Селима, но только для того, чтобы вволю позабавиться им, как игрушкой.

Раздвинув ржавой палкой сегменты на теле червя, юноша залез в образовавшуюся щель, надеясь, что не будет погребен заживо, если демон решит зарыться под дюну. Он удобнее устроился в отвратительной плоти, пахшей тухлым мясом и пряной корицей. Он не знал, что делать, понимая, что ему остается только молиться и держаться, пытаясь найти объяснение происшедшему.

Может быть, это какое-то ниспосланное мне испытание?

Песчаный червь продолжал лететь через пустыню; его недоразвитый мозг примирился с тем, что он никогда больше не найдет покоя и умиротворения. Зверь желал только одного – нырнуть в дюны и спрятаться от этого злокозненного нарыва, вскочившего на его спине. Но Селим все глубже втыкал палку в тело червя, как рычаг, раздражающий раз-верстую рану.

Червь мог только стремиться вперед. Час за часом.

В горле у Селима пересохло, глаза болели от попавшего в них песка. Должно быть, они пересекли уже добрую половину пустыни, и юноша видел перед собой совершенно незнакомый ландшафт монотонного песка бескрайней равнины.

Он никогда не удалялся на такое расстояние от пещеры их общины, да и никто не удалялся, насколько это было известно Селиму. Если даже ему каким-то образом удастся бежать со спины червя, он обречен на смерть из-за несправедливого приговора.

Он был уверен, что предавший его друг Эбрагим однажды выдаст себя; предатель, несомненно, нарушит еще какой-нибудь племенной закон, тогда его будут судить за кражу и за ложь. Если Селим выживет, то он обязательно вызовет Эбрагима на смертный бой, и пусть победят честь и правда.

Может быть, племя возвеличит его, Селима, ведь никому еще не удавалось обуздать страшного червя и остаться в живых. Может быть, тогда темноглазые молодые женщины дзенсунни посмотрят на него с ласковыми улыбками. Покрытый пылью, но с высоко поднятой головой он предстанет перед суровым наибом Дхартхой и потребует признания его членом племени. Проехать верхом на пустынном демоне и остаться в живых!

Но хотя Селим оставался живым намного дольше, чем мог надеяться в самых смелых мечтах, это ни в коем случае не означало, что исход его приключения ясен. Что ему делать теперь?

Червь под ним стал издавать странные возбужденные звуки, превосходившие по громкости шорох песка, порой содрогался – жуткая дрожь бежала вдоль его жилистого тела. Селим чувствовал запах раскаленного кремния и покрыва-

ющий все запахи острый аромат пряности. Заводимые трением печи пылали внутри глотки червя, словно в глубинах ада Шеола.

Когда черное небо тронул желтоватый рассвет, червь стал еще более беспокойным, движения его сделались неуверенными и слабыми. Он дергался, пытаясь зарыться в песок, но Селим не давал ему этого сделать. Чудовище ткнулось своей тупой головой в дюну, взметнув тучу песка в воздух. Юноше пришлось напрячь все свои силы, чтобы еще глубже вонзить палку в мясо сегмента червя.

– Тебе так же больно, как мне, и ты устал точно так же, как я, Шайтан, – произнес юноша ломким и надтреснутым голосом. *Ты загнан почти до смерти.*

Селим не отважился слезть с червя. Стоит только ему соскочить на голую землю, как песчаный червь извернется и пожрет его. У мальчика не было иного выбора, надо было и дальше гнать червя. Казалось, этой пытке не будет конца.

Когда наступил день, Селим рассмотрел на горизонте едва заметную пелену, там бушевала буря, и сильный ветер поднял в воздух тучи песка и пыли. Но буря была далеко, а у Селима сейчас были совершенно иные заботы.

Наконец демонический червь резко остановился недалеко от гряды скал и отказался двигаться дальше. По телу червя прошла последняя судорога, он уронил свою змеиную голову на дюну и застыл, как убитый дракон. Потом по его телу прошла еще одна волна конвульсий, и зверь затих. От исто-

щения и сильнейшей усталости Селим задрожал. Он боялся, что это последний трюк червя, его военная хитрость. Возможно, червь ждет удобного момента, чтобы стряхнуть Селима со спины и проглотить. Может ли червь быть таким коварным? Действительно ли это Шайтан? *Или я загнал червя насмерть?*

Собрав последние силы, Селим выпрямился. Его затекшие мышцы дрожали от напряжения. Он едва мог двигаться. Суставы совершенно онемели; в коже он ощутил покалывание – это ожили от возобновления кровообращения отупевшие нервные окончания. Наконец он решился рискнуть. Он выдернул из розовой плоти червя металлическую палку.

Червь даже не дернулся.

Селим соскользнул с круглого тела на землю и с топотом побежал прочь. Из-под ног вздымались брызги, а он все бежал и бежал по бесконечной неровной поверхности. Дальние скалы казались островками безопасности, выступающими из-за золотистых дюн.

Он не решался обернуться и продолжал, задыхаясь, бежать вперед. С каждым вдохом горячий воздух опалял его глотку словно огонь. В ушах звенело. Казалось, он явственно слышит скрип песка под несущимся по пустыне телом мстительного зверя. Но нет, червь продолжал неподвижно лежать перед дюной.

Преисполнившись энергией отчаяния, Селим пробежал еще с полкилометра. Добежав до скал, он забрался на один

из больших камней и только здесь позволил себе расслабиться. Прижав колени к груди, он принялся смотреть против яркого света, разглядывая червя.

Зверь так и не двинулся с места. *Не хочет ли Шайтан сыграть со мной злую шутку? Не испытывает ли меня Буддаллах?*

Только теперь Селим ощутил страшный, всепоглощающий голод. Он поднял голову и воззвал к небесам:

– Если ты по какой-то причине спас меня, то почему не даешь мне хотя бы немного еды?

От тяжелого нервного истощения Селим принялся истерически хохотать.

Никто не смеет досаждать Богу требованиями.

Потом до Селима дошло, что у него есть еда, правда, несколько своеобразная. Во время бегства к скалам он пересек большое пятно охристой пряности, жилы меланжи, которую дзенсунни иногда находили во время своих странствий по пустыне. Они собирали это вещество, используя его как добавку к пище и как стимулятор. Наиб Дхартха держал небольшой склад пряности в поселении. Иногда из пряности варили крепкое меланжевое пиво, которое жители пили по праздникам или продавали в городском космопорту Арракиса.

Он просидел в своем убежище около часа, стараясь не пропустить даже малейшего движения чудовища. Никакого движения не было. Становилось жарко, пустыня впала в вя-

лое оцепенение. Буря за это время несколько не приблизилась. Селиму казалось, что весь мир, как и он, затаил дыхание и чего-то ждет.

Потом, набравшись мужества – в конце концов, это он, Селим, сумел укротить и обуздать чудовищного червя, – юноша сполз со скалы и направился к меланжевой жиле. Оказавшись на месте, он тревожно взглянул на неподвижную массу.

Стоя на рыжевато-ржавом песке, он начал тереть жилу руками, соскребая с ее поверхности сухой красный порошок. Проглотил его, сплюнул несколько попавших в рот песчинок и сразу почувствовал бодрящее действие сырой пряности, если ее принять сразу много. У мальчика закружилась голова, он почувствовал прилив энергии.

Насытившись, он вперил горящий взор в ставшее дробным неподвижное распростертое на песке тело червя и упер руки в бедра. Потом он взмахнул руками и закричал во все горло, нарушая вечную тишину пустыни.

– Я нанес тебе поражение, Шайтан! Ты задумал съесть меня, старый ползун, но это я одолел тебя! – Он снова замахал руками. – Ты слышишь меня?

Но зверь даже не вздрогнул. Впав в эйфорию от съеденной пряности и испытывая прилив неестественной храбрости, юноша зашагал к длинному жилистому телу, лежавшему на гребне дюны. Оказавшись в нескольких шагах от зверя, мальчик решился взглянуть в лицо Шайтану. Похожая на пещеру пасть была утыкана внутренними сверкающими на

солнце шипами. В сравнении с огромными размерами самого чудовища его клыки выглядели тончайшими волосками.

Теперь стало видно, что песчаная буря приближается, предшествуемая горячим ветром. Ветер подхватывал песчинки и кусочки скалы и швырял их в лицо Селиму, словно маленькие дротики. Обдувая искривленный труп червя, воздух извлекал из складок его чешуи шепчущие и воющие звуки. Казалось, дух зверя вызывает его, заставляет приблизиться. В крови Селима вновь заиграла пряность.

Он смело шагнул к червя и, остановившись возле его головы, заглянул в черную бездонную пропасть глотки. Дьявольский огонь внутри погас, не осталось даже тлеющих угольков.

Селим снова закричал:

– Я убил тебя, старый ползун! Я погубитель червей.

Песчаный червь не ответил даже на такую провокацию.

Селим взглянул на похожие на кинжалы клыки, которые искривленной полосой окаймляли широкую вонючую пасть. То ли его подвигнул на это буддислам, то ли прихоть воспаленного воображения, но мальчик шагнул вперед, не слушая голоса здравого смысла. Селим встал на нижнюю губу червя и ухватился за один из клыков.

Молодой изгнанник ухватился за зуб чудовища обеими руками, почувствовав, что он тверже и прочнее металла. Мальчик начал раскачивать и вращать зуб. Ткани тела червя стали мягкими и податливыми, цельность глотки и крепость

ее тканей исчезли. Едва сдержав стон, Селим вырвал клык с корнем. Зуб оказался длиной в предплечье мальчика, он был искривлен, чист и сиял молочной белизной. Из такого клыка можно сделать превосходный, просто замечательный нож.

Селим отшатнулся, держа в руках свою добычу, уstraшенный тем, что он сделал. Такого, насколько было ему известно, еще не бывало. Кто бы осмелился не только проехать верхом на черве, но и ступить в его разверстую пасть? Селим вздрогнул. Он не мог поверить в то, на что не только решился – но и сделал. Ни у кого на Арракисе нет такого сокровища, такого оружия, такого зуба-ножа!

Остальные хрустальные зубы продолжали свисать со свода исполинской пасти, как сталактиты. Их можно было выгодно продать в космопорту (если, конечно, ему когда-нибудь удастся добраться туда), но в этот момент мальчик почувствовал внезапный приступ слабости. Действие съеденной им меланжи начало проходить.

Он снова ступил на мягкий песок. Буря была уже совсем близко, почти над головой, напомнив Селиму об умении выживать в пустыне. Он должен вернуться к скале и найти там убежище или скоро тоже будет лежать мертвым у подножия дюны, пав жертвой разбушевавшейся стихии.

Но теперь мальчик не думал о смерти. Он вдруг понял, что теперь с ним ничего не случится. *У меня есть предназначение, миссия Буддаллаха. Если бы я только мог понять, в чем она заключается.*

Он отпрянул назад, потом повернулся и побежал к линии скал, бережно сжимая в руках клык зверя. Ветер подгонял его, словно стремясь увести подальше от исполинской мертвой туши.

Люди пытались создать умные машины, представлявшие собой вторичные рефлекторные системы, чтобы переложить на плечи этих механических слуг принятие первичных решений. Однако постепенно создатели начали убеждаться, что оставили себе самим слишком мало ответственных дел, люди почувствовали отчуждение, осознали свою дегуманизацию. Они ощутили, что ими манипулируют. Постепенно люди сами начали превращаться в ничего не решающих роботов, не осознавая более сути своего естественного существования.

Тлалок. «Слабость империи»

Агамемнон не стремился поскорее увидеть Омниуса. Прожив на свете больше тысячи лет, генерал кимеков научился быть терпеливым.

Таким же терпеливым, как машины.

После тайного совещания у красного карлика Агамемнон и его титаны совершили межзвездное путешествие и через два месяца достигли Коррина. Флот роботов прибыл туда на несколько дней раньше, доставив с собой изображения эпизодов битвы, полученные следящими камерами. Всемирный разум уже знал о поражении. Всемирному разуму оставалось

только высказать претензии и наложить взыскания, особенно на Агамемнона, который командовал экспедицией.

Посадив корабль на площадку, залитую беспощадным ярким светом гигантской звезды Коррина, генерал-кимек выставил наружу свою сенсорную сеть, чтобы оценить обстановку. Омниус, как всегда, ждет вернувшихся с задания подчиненных.

Кто знает, может быть, на этот раз всемирный разум примирится с поражением?

Агамемнон понимал, что это пустые надежды. Всепроницающий разум не может реагировать на происходящее по-человечески.

Прежде чем выйти из корабля, генерал титанов выбрал себе подходящий корпус. Для этого вполне подходил обтекаемый кожух небольших размеров, в котором помещались емкость с мозгом и система жизнеобеспечения, соединенная с остоном тележки. Кимек выбрался на вымощенную гладкими плитами мостовую и поехал по бульварам под огромным окном висевшего в небесах красного гиганта. Немилосердный, знойный ярко-красный свет заливал мощеные улицы и белые фасады домов.

Много тысячелетий назад звезда этой системы расширилась до таких размеров, что поглотила планеты, обращавшиеся на ближайших к ней орбитах. Сам Коррин когда-то был замерзшим отдаленным миром, но после расширения красной звезды он получил столько тепла, что стал пригодным

для обитания.

После того как лед атмосферы растаял, а снежные моря выкипели, поверхность планеты превратилась в огромную, выжженную солнцем сланцевую равнину, на которой Старая Империя, отличавшаяся в те дни большей амбициозностью, основала колонию. Большинство экосистем было завезено сюда извне, но даже теперь, по прошествии тысяч лет, Коррин казался незаконченной планетой, на которой не хватало важных экологических систем, превративших бы ее в процветающую планету. Омниусу и его независимому роботу Эразму Коррин нравился за свою новизну и за то, что этот мир не был отягощен древней историей.

Агамемнон катился по улицам, а над ним вился электронный наблюдатель, приставленный к нему, как сторожевой пес. С помощью наблюдательных мониторов и громкоговорителей всемирный разум мог общаться с Агамемноном независимо от того, в какой точке Коррина он находился. Однако Омниус настоял на том, чтобы принять генерала кимеков в роскошном центральном павильоне, выстроенном силами людей-рабов. Покаянное паломничество было частью наказания Агамемнона за салусанский провал. Мощественный компьютер понимал концепцию господства и подчинения.

Электропроводящая жидкость в мозговой емкости Агамемнона посинела от напряжения, пока тот готовился к жестокому допросу с пристрастием. Подвижное тело кимека

прокатилось под высокими арками, положенными на покрытие орнаментом колонны из светлого металла. Эксцентричный и серьезный робот Эразм скопировал проявления человеческого тщеславия, знания о которых почерпнул в исторических анналах старых земных империй. Огромные ворота должны были вызывать у посетителей благоговейный трепет, хотя Агамемнон сомневался, что Омниус когда-либо задумывался о таких пустяках.

Генерал кимеков остановился посреди внутреннего двора. Из расщелин в стенах били струи фонтанов. Ручные воробы вили гнезда под карнизами и на капителях колонн. Внутри двора были расставлены терракотовые вазоны, в которых распускали свои роскошные лепестки алые лилии.

– Я прибыл, лорд Омниус, – доложил Агамемнон через голосовой синтезатор. Пустая формальность. Наблюдательные камеры следили за ним с момента выхода из корабля. Он принялся ждать.

В огромных, гулких залах павильона не было видно Эразма с его зеркальным лицом. Омниус хотел призвать к порядку своего генерала в отсутствие независимого и надоедливо-го робота. Хотя Эразм воображал, что понимает и разделяет человеческие эмоции, Агамемнон очень сильно сомневался, что эксцентричная машина способна проявить хотя бы проблеск сочувствия.

Из дюжины громкоговорителей раздался мощный голос, похожий на голос разгневанного божества. Нет сомнения,

что этот эффект был намеренным.

– Вы и ваши кимеки потерпели неудачу, генерал.

Агамемнон уже знал, как будет проходить этот разнос, впрочем, знал это и Омниус. Конечно, всемирный разум уже отрепетировал разговор. Что ж, надо продолжить этот ритуальный танец.

– Мы упорно сражались, но не смогли добиться победы, лорд Омниус. Проявили неожиданную ярость в обороне, и как это ни поразительно, но они сознательно пожертвовали городом, но не допустили исключения защитных полей. Как я уже не раз говорил вам, дикий тип человека очень опасен своей непредсказуемостью.

Омниус ответил не раздумывая:

– Вы также не раз говорили мне, что кимеки намного превосходят своими качествами этих червей, так как соединяют в себе преимущества машины и человека. Так скажите мне, каким образом вы не сумели преодолеть оборону этих необученных и нецивилизованных тварей?

– В какой-то момент я действительно допустил ошибку. Люди раскрыли нашу действительную цель раньше, чем мы предполагали.

– Ваши силы сражались без достаточного упорства, – проговорил Омниус.

– Во время сражения были уничтожены шестеро неокимеков. Гладиаторский корпус кимека Ксеркса был настолько изуродован, что он едва сумел уйти на взлетной капсуле.

– Это так, но ваши остальные кимеки уцелели. Двадцатипроцентные потери не означают, что вы бились до последнего солдата.

Во дворе чирикали воробьи, которым не было никакого дела до напряженного разговора между Омниусом и его главнокомандующим.

– Вы должны были пожертвовать всеми своими кимеками для достижения главной цели – уничтожения разрушающего защитного поля.

Агамемнон был счастлив, что теперь не может отобразить на несуществующем лице человеческие эмоции, которые Омниус мог как-то истолковать.

– Лорд Омниус, кимеки – это незаменимые индивидуальности в отличие от ваших мыслящих роботов. По моим оценкам, риск потери ваших наиболее важных титанов не мог быть оправдан захватом незначительной планеты, зараженной диким видом людей.

– Незначительной? До того как отправиться в эту экспедицию, вы сами подчеркивали важность Салусы Секундус для Лиги Благородных. Вы утверждали, что падение планеты приведет к полному крушению свободного человечества. Вы, именно вы руководили экспедицией.

– Но стоит ли сама Лига уничтожения ваших самых ценных титанов? Мы создали вас, установили основы синхронизированных планет. Титанов нельзя использовать как обычное пушечное мясо.

Агамемнону было интересно, как всемирный разум реагирует на такую рационализацию. Возможно, он пошлет титанов на убой, чтобы завоевать и уничтожить дикий вид человечества. Омниус планирует обходной маневр, чтобы преодолеть удушающий программный запрет Барбароссы.

– Позвольте мне обдумать этот вопрос, – сказал Омниус. На экранах стен павильона появились сцены битвы за Зимию. – Хретгиры оказались умнее, чем вы предполагали. Они распознали ваши цели. Вы сделали ошибку, полагая, что ваши кимеки будут способны легко прорвать их оборону.

– Да, я ошибся в расчетах, – признал Агамемнон. – У людей оказался умный командир. Его неожиданные и нестандартные решения позволили им построить успешную оборону. По крайней мере нам удалось пощупать их разрушающую систему защитных полей.

Объяснения Агамемнона стремительно вырождались в рационализации и извинения. Омниус анализировал и отбрасывал их одно за другим, унижая и оскорбляя титана.

В тихом дворике цвели цветы и пели птицы. Капли фонтанных струй, разбиваясь о плиты двора, издавали мелодичные звуки, добавляя новые штрихи к природной гармонии. Агамемнон с трудом сдерживал ярость. Даже его чувствительное к изменениям потока нервных импульсов механическое тело не выказывало никаких признаков возбуждения. Всего тысячу лет назад он и его товарищи титаны контролировали эти проклятые мыслящие машины. *Мы породили*

тебя, Омниус, мы тебя и убьем.

Ясновидящему Тлалоку и его группе мятежников удалось за считанные годы покорить сонную и дряхлую Старую Империю. Но Омниус и его мыслящие машины оказались более достойными противниками. Они никогда не спали и всегда были начеку. Но даже машины совершают ошибки. Агамемнону надо просто использовать их.

– Что-нибудь еще, лорд Омниус? – перебил Агамемнон излияния всемирного разума. Дальнейший спор был абсолютно бесполезным и бесцельным. Кроме всего прочего, машины всегда жаждут эффективности и ничего больше.

– Я выдам вам следующий набор инструкций, Агамемнон. – Голос Омниуса раздавался поочередно из разных громкоговорителей, создавая впечатление, что всемирный разум находится сразу везде. – Я отправляю вас и ваших титанов обратно на Землю. Вы присоединитесь к Эразму, который намерен продолжить изучение свойств плененного нами человечества.

– Как прикажете, лорд Омниус.

Агамемнон был удивлен, но не показал этого всемирному разуму. *Земля. Это очень дальнее путешествие.*

– Мы придумаем другой способ истребить этот рассадник человечества. Титаны существуют только для того, чтобы служить вам, лорд Омниус.

В этом проявилось одно из преимуществ человеческих свойств Агамемнона над машинной сутью всемирного ра-

зума. Хотя всемирный разум располагал огромным объемом памяти, заполненной самыми разнообразными данными, Омниус был не в состоянии распознать самую простую и элементарную ложь.

При определенном взгляде, можно сказать, что оборона и наступление требуют одинаковой тактики.

Ксавьер Харконнен. «Обращение к салусанской милиции»

Новые обязанности, новая ответственность... и новые расставания. Полностью выздоровевший Ксавьер Харконнен стоял с Сереной Батлер в здании космопорта Зимии, в зале отлета, гулкое сводчатое помещение которого казалось стерильным, с его гладкими полами, вымощенными плазовыми плитами. Даже теплая улыбка Серены не могла скрасить утилитарность зала. Прозрачные стены выходили на взлетно-посадочную площадку, одетую сплавленным покрытием, где то и дело садились и взлетали челноки, прилетавшие или улетавшие на большие корабли, ожидавшие на околопланетной орбите.

В другом крыле космопорта рабочие ремонтировали ангар, пострадавший во время нападения кимеков. Большие краны поднимали временные секции и устанавливали их на нужные места. Воронку, образовавшуюся на площадке, уже засыпали землей и сровняли с поверхностью.

Ксавьер был одет в блестящую черно-золотую форму офи-

цера армады, золотом сияли знаки различия, говорившие о полученном им повышении в звании. Ксавьер вгляделся в необычные, лавандовые глаза Серены. Он понимал, что она думает. Черты его лица были не особенно красивыми – румяные щеки, вздернутый нос, полные губы. Но она все равно находила его привлекательным, особенно ласковые карие глаза и заразительную, хотя и редко посещавшую его лицо, улыбку.

– Мне хотелось бы проводить с тобой больше времени, Ксавьер.

Она тронула пальцем белую розу, приколотую к ее одежде. Вокруг слышались гомон толпы пассажиров, грохот ремонтных работ и тяжелый рев машин. Ксавьер заметил, что на них внимательно смотрит младшая сестра Серены, Окта. Семнадцатилетняя длинноволосая блондинка, она всегда нравилась Ксавьеру. Стройная Окта была очень красивой девушкой, но в последнее время Ксавьеру казалось, что она могла бы почаще оставлять их с Сереной наедине, особенно теперь, когда им предстояла долгая разлука.

– Мне тоже. Давай считать и эти минуты.

Не устояв перед чувством, которое, он был в этом уверен, разделяет и она, Ксавьер потянулся к губам девушки, словно его тянуло к ним мощным магнитом. Поцелуй затянулся, превращаясь в страстное объятие. Наконец Ксавьер оторвался от Серены. Он видел, что она разочарована, правда, не им, а их незавидным положением. У них обоих были важ-

ные обязанности, выполнение которых требовало массы сил и времени.

Только что назначенный на новый пост, Ксавьер должен был сегодня вместе с группой военных экспертов отбыть в инспекционную поездку по планетарным системам обороны Лиги. После почти победоносного нападения кимеков на Салусу два месяца назад он должен был убедиться, что в оборонительных системах нет таких слабых мест. Мыслящие машины используют малейший недостаток, любое слабое звено, но свободное человечество не имеет права терять свои последние оплоты.

Серена Батлер же должна будет сосредоточить свои усилия на расширении зоны влияния Лиги. После того как военно-полевые хирурги совершили столько успешных операций, используя свежие органы, поставленные Туком Кеedayром, Серена страстно начала говорить о тех услугах и ресурсах, которые могут обеспечить такие несоюзные планеты, как Тлулакс. Она хотела, чтобы и эти планеты формально присоединились к союзу свободного человечества.

На Салусу уже прибыли и другие торговцы биологическими товарами с Тлулакса. Раньше многие аристократы и простые граждане Лиги с опаской относились к этим таинственным пришельцам, но теперь, когда в результате войны так много людей потеряло конечности и внутренние органы, все хотели принять от Тлулакса клонированные части тела для замены. Тлулаксы никогда не рассказывали, как они изобре-

ли или от кого получили такую сложную биологическую технологию, но Серена превозносила их за щедрость и великодушие.

В другое время ее горячая речь в парламенте была бы давно забыта, но нападение кимеков подтвердило ее правоту относительно уязвимости несоюзных планет. Что, если следующий удар мыслящих машин будет нанесен по системе Талим и роботы таким образом уничтожат индустрию Тлулакса, производящую новые глаза для ослепших ветеранов и новые ноги взамен ампутированных?

Она изучила сотни документов и посольских сообщений, пытаясь понять, какие из несоюзных планет являются наилучшими кандидатами для вступления в Лигу Благородных, в это братство свободных людей. Ее страстным желанием стало объединение оставшегося свободным человечества, сделать людей достаточно сильными для того, чтобы сбросить ненавистное иго мыслящих машин.

Несмотря на свою молодость, она уже провела две успешные миссии гуманитарной помощи, причем первую из них в возрасте семнадцати лет. Тогда она отвезла пищу и медикаменты для беженцев с одной из синхронизированных планет. В другой раз речь шла о доставке необходимых пестицидов для уничтожения болезни, поразившей растения девственных лесов Поритрина.

Ни она, ни Ксавьер не располагали временем на свою личную жизнь.

– Когда ты вернешься, я обещаю, что буду делать все, что ты захочешь, – сказала она, и в ее глазах заплясал лукавый огонек. – Я устрою тебе настоящий праздник поцелуев.

Он рассмеялся, что бывало с ним крайне редко.

– Я ручаюсь, что в таком случае вернусь, умирая от голода. – Ксавьер взял руку Серены и галантно поцеловал ее. – Когда мы будем в следующий раз вместе обедать, я явлюсь на банкет с цветами.

Он знал, что следующее их свидание состоится не раньше, чем через несколько месяцев.

Она одарила его теплой улыбкой.

– Я очень люблю цветы, особенно на банкетах.

Он уже было опять привлек к себе Серену, но в этот момент им вновь помешали. На этот раз к ним подошел загорелый мальчик, восьмилетний брат Ксавьера, Вергиль Тантор. Ему разрешили не ходить в школу, чтобы попрощаться с Ксавьером. Убежав от строгого престарелого сопровождающего, мальчик бросился к своему кумиру и уткнулся носом в хрустящую военную форму.

– Присмотри за нашим домом, братец, пока меня не будет, – улыбнулся Ксавьер, игриво потрепав малыша по кудрявым волосам. – Ты должен ухаживать за моими овчарками, помнишь?

Мальчик удивленно посмотрел на брата широко открытыми глазами и вполне серьезно ответил:

– Да.

– И слушайся родителей, иначе у тебя не будет ни малейшей надежды вырасти и стать хорошим офицером Армады.
– Я буду слушаться!

Из динамика донеслась команда инспекционной группе начать посадку на борт челнока. Услышав ее, Ксавьер направился к выходу, пообещав привезти сувениры Вергилию, Окте и, конечно, Серене. Окта издала смотрела, как Ксавьер крепко обнял младшего брата, сжал руку Серене и пошел к своим офицерам и инженерам.

Наблюдая сквозь прозрачную стену, как Ксавьер и его люди грузятся в челнок, Серена на мгновение обернулась, посмотрела на маленького мальчика и снова подумала о Ксавьере Харконнене. Ксавьеру было шесть лет, когда мыслящие машины убили его настоящих родителей и старшего брата.

Благодаря соглашению между семьями и согласно письменному завещанию Ульфа и Катарины Харконнен маленького Ксавьера взяла на воспитание бездетная тогда семья Эмиля и Луциллы Тантор. Эта аристократическая пара уже устроила дела так, чтобы некоторые их владения были записаны на родственников Танторов, племянников и кузенов, которые не могли рассчитывать на наследство. Но когда Эмиль начал воспитывать Ксавьера, то очень привязался к сироте и официально усыновил его, хотя Ксавьер сохранил имя Харконнен и все связанные с этим аристократические привилегии.

Уже после усыновления Луцилла забеременела и родила сына Вергиля, который был на двенадцать лет моложе Ксавьера. Отпрыск Харконненов, не слишком обеспокоенный наследством, принялся усердно изучать военное дело, чтобы затем вступить в Армаду Лиги. В возрасте восемнадцати лет Ксавьер официально вступил во владение держанием Харконненов, а годом позже стал офицером салусанской милиции. Видя его безукоризненный послужной список, добросовестное отношение к своим обязанностям и быстрое продвижение, всякий мог сказать, что на армейский небосклон восходит новая звезда.

И вот теперь три близких Ксавьеру человека смотрят, как, исторгнув рыжий хвост пламени, челнок с командой Харконнена на борту взлетел с площадки космопорта. Вергиль взял Серену за руку и принялся храбро успокаивать девушку:

– Вот увидишь, с Ксавьером ничего не случится. Ты можешь во всем положиться на него.

Серене было грустно от расставания с любимым, но она ласково улыбнулась большеглазому мальчугану.

– Конечно, мы можем на него положиться.

Другого просто не может быть. Любовь – это то, что, как пропасть, разделяет людей и мыслящие машины.

*Ответ есть зеркальное отражение ответа.
Сомневающаяся Квина. Архивы Города Интроспекции*

Временную палату для совещаний делегатов Лиги устроили в доме первого вице-короля Бовко Манрезы. До того как

в ослабевшей Старой Империи власть была захвачена титанами, Манреза построил большой каменный дом на уединенной планете Салуса, используя для этого богатства, нажитые от торговли земельными участками. Потом, когда на планету стали в массовом порядке прибывать беженцы, изгнанные из своих миров жестоким правлением титанов, большой дом превратился в место совещаний и встреч, с креслами и трибунами, установленными в бальном зале. Эти кресла и трибуны сохранились до настоящего времени.

Несколько месяцев назад, сразу после нападения кимеков, вице-король Батлер стоял на груде камней и обломков, оставшихся на месте здания парламента. Ядовитый газ еще стлался по улицам, из дыма вырывались языки пламени, а Батлер поклялся, что отремонтирует и восстановит почтенное здание, которое несколько столетий верой и правдой служило Лиге.

Правительственный дом – это не просто строительное сооружение. Это священная почва, на которой легендарные вожди обсуждали в свое время великие идеи и формулировали планы борьбы с мыслящими машинами. Повреждения крыши и верхних этажей были значительны, но несущие конструкции остались целы. Точно так же, как человеческий дух, который они воплощали.

Стояло морозное утро, окна запотели. Листья на деревьях, покрывших склоны холмов, приобрели живописную осеннюю окраску – став желтыми, оранжевыми и коричне-

выми. Серена и представители Лиги вошли внутрь временного зала заседаний, не снимая верхней одежды.

Серена взглянула на стены заполненного людьми бального зала, украшенные портретами давно умерших вождей и картинами былых побед. Интересно, что готовит им будущее, подумалось ей, и каким будет в нем ее место. Она так хотела сделать что-то, стать ведущей фигурой в грядущем крестовом походе человечества.

Большую часть жизни она была активисткой, не чуравшейся грязной работы, непосредственной помощи жертвам других трагедий, будь то природные катастрофы или последствия атак мыслящих машин. Даже во время отдыха она принимала участие в сборе урожая в виноградниках Батлера или в его оливковых рощах.

Она заняла место в первом ряду и увидела, как по паркетному полу, дружелюбно улыбаясь собравшимся, идет к старинной трибуне ее отец. Следом за вице-королем шел монах, одетый в красную шелковую накидку. Монах нес с собой плексигласовый контейнер, внутри которого в густой электропроводящей жидкости плавал живой мозг. Монах бережно поставил контейнер на украшенный затейливой резьбой стол рядом с трибуной и застыл в ожидании.

Со своего места Серена хорошо видела серовато-розовую массу, которая пульсировала в голубоватой питательной жидкости. Недоступный отвлекающему воздействию окружающего мира уже в течение более чем тысячи лет, стиму-

лируемый лишь постоянными интенсивными размышлениями, мозг женщины-когитора вырос и по величине превосходил обычный человеческий мозг.

– Когитор Квина не часто покидает Город Интроспекции, – сказал вице-король Батлер, формальность речи не могла скрыть его волнения. – Но сейчас мы переживаем нелегкое время, и нам нужны наилучшие советы и помощь. Если чей-нибудь ум способен понять действия мыслящих машин, так это ум Квины.

Эти эзотерические, лишенные физических человеческих тел философы показывались на людях так редко, что многие представители Лиги не понимали, как они вообще могут общаться с окружающими. Усиливая таинственность, окружавшую их, когиторы редко предавались красноречию, предпочитая сообщать свои мысли только в самых важных и неотложных случаях.

– За Квину будет говорить секундарный когитор, – сообщил вице-король, – если она может предложить нам что-то из своего провидения.

Подойдя к емкости с мозгом, монах в красном откинул запечатанную крышку, открыв взглядам присутствующих бурлящую густую жидкость. Быстро мигнув своими круглыми глазами, он внимательно всмотрелся в содержимое емкости. Потом монах медленно погрузил пальцы в вязкую жидкость. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и сосредоточенно коснулся ткани заключенного в жидкости мозга. Монах за-

крыл глаза и сосредоточенно наморщил лоб, ожидая, когда жидкость пропитает поры его кожи и свяжется с его вторичной нервной системой, которая обеспечит необходимое расширение возможностям мозга. В этом случае тело монаха использовалось так же, как кимеки использовали его механический суррогат, управляемый сохраненным человеческим мозгом.

– Я ничего не понимаю, – произнес монах странным, отчужденным голосом. Серена знала, что это был первый принцип, усвоенный когиторами, чьи мозги проводили столетия в углубленном изучении того, что есть истина, добавляя тем самым новые штрихи к ощущению ничтожества бытия.

За много столетий до того, как появились первые титаны, группа духовных лиц посвятила себя изучению философии и эзотерических вопросов, но хрупкость и вожеления человеческой плоти отвлекали от занятий, не давая возможности сосредоточиться. В пределах Старой Империи эти метафизические схоласты стали первыми, кто отрешился от мира, погрузив свой мозг в питательный раствор. Освобожденные от биологических пут, они посвятили все свои силы учению и размышлению. Каждый когитор стремился изучить всю человеческую философию в ее цельности, собрать вместе ее составляющие, чтобы составить полную картину Вселенной. Они были типичными обитателями башен из слоновой кости и подвергали себя искушению, редко беспокоясь о внешней

стороне отношений и о событиях суетного мира.

Квина, когитор, которой исполнилось уже две тысячи лет, обитала в Городе Интроспекции на Салусе и уже давно объявила о своем политическом нейтралитете.

— Я готова вступить в контакт, — объявила она устами монаха, который стоял, впериw остекленевший взор в присутствующих. — Вы можете начинать.

Вице-король Батлер напряженным взглядом синих глаз обвел плотно забитый зал, тщательно всмотревшись в некоторые лица, в том числе — и в лицо своей дочери Серены.

— Друзья мои, мы всегда жили здесь под угрозой уничтожения, и сегодня я прошу вас посвятить свое время, энергию и деньги нашему общему делу.

Он воздал должное памяти десятков тысяч погибших жителей Салусы, которые не пережили нападения кимеков, почтив ее вместе с пятьюдесятью одним благородным депутатом.

— Милиция Салусы находится в полной боевой готовности, на все планеты Лиги разосланы корабли с сообщением, предупреждающим о грозящей опасности. Мы можем только надеяться, что другие планеты не подверглись нападению кимеков.

Затем вице-король обратился к Тию Хольцману, недавно прибывшему после месячного путешествия со своих лабораторий на Поритрине.

— Ученый Хольцман, мы горим от нетерпения выслушать

ваши выводы относительно систем нашей обороны.

Хольцман и сам очень желал исследовать свойства разрушающих гелевые контуры защитных полей, расположенных на орбите планеты, чтобы разобраться, как можно модифицировать и усовершенствовать их. На Поритрине исследования Хольцмана поддерживал и финансировал чудаковатый аристократ Нико Бладд. Учитывая прежние достижения ученого, члены парламента Лиги надеялись, что и на этот раз Тيو Хольцман вытащит из кармана очередное спасительное чудо.

Тео Хольцман обладал хрупким изящным телосложением, незаурядным изяществом и сценическим талантом, и к тому же всегда одевался в стильную аккуратную одежду. Серо-стальные волосы были подстрижены в виде каре, оттеняя узкое продолговатое лицо. Всегда уверенный в себе, Хольцман обычно с удовольствием общался с аристократами в парламенте, но сегодня великий ученый выглядел необычно озабоченным. В глубине души изобретатель не мог не признать своей ошибки. Нет сомнения в том, что крошасщее гелевое защитное поле не оправдало возложенных на него надежд. Кимеки взломали это поле! Что он скажет этим людям, которые так понадеялись на него?

Подойдя к ораторской трибуне, великий ученый поднялся на нее, откашлялся и оглядел зал, задержав взор на впечатляющем присутствии когитора и маячившего рядом с ним монаха. Это было самое деликатное. Как он может снять с

себя вину?

Ученый использовал самые убедительные модуляции голоса.

– На войне всегда бывает именно так. Одна сторона совершает технологический прорыв, а противная сторона старается превзойти его. Совсем недавно мы наблюдали это в случае с моим атмосферным, уничтожающим гель полем. Если бы они не были установлены, то весь флот мыслящих машин не оставил бы от Салусы камня на камне. К несчастью, я не учел уникальных свойств мышления кимеков. Они нашли щель в броне и ударили именно туда, пробив вашу оборону.

Никто не обвинил Хольцмана в плохой работе или небрежном планировании, но это было самое большее, на что был способен Хольцман в признании своих ошибок.

– Теперь наша очередь превзойти мыслящие машины. Я надеюсь, что потрясение, вызванное происшедшей трагедией, увеличит мои творческие силы до всех мыслимых пределов.

Он, смутившись, замолчал, вид его вызывал сочувствие.

– Я начну работать над этим, как только вернусь на Поритрин. Надеюсь, что скоро смогу обрадовать вас сюрпризом для роботов.

К трибуне, стараясь привлечь к себе внимание, шумно направилась статная высокая женщина.

– Возможно, я смогу сделать подходящее предложение.

У женщины были светлые брови, белые волосы и молоч-

но-белая кожа. Все это придавало ей вид эфирного создания, хотя было видно, что она буквально излучает энергию.

– Давайте послушаем женщину из Россака. Я с удовольствием передаю слово Зуфе Ценва. – Почувствовав большое облегчение, Хольцман поспешил к своему креслу и бессильно упал в него.

Светлая женщина взошла на трибуну, окруженная ореолом таинственности; на ней были украшенные драгоценными камнями полупрозрачные одежды, не скрывающие от посторонних глаз безупречное тело. Молча покосившись на контейнер с когитором, она подошла к нему и вперила взор в разбухший мозг. Женщина, сосредоточившись, сдвинула брови, и, словно заметив эту сосредоточенность, мозг начал сильно пульсировать. Питательная жидкость вскипела, на ее поверхности появились пузыри. Встревожившись, монах вытащил руку из емкости.

Высокая женщина удовлетворенно и с облегчением вздохнула.

– Из-за особенностей нашей природы многие женщины, рожденные на Россаке, обладают телепатическими способностями.

Действительно, могущественные колдуньи, обитавшие в редконаселенных лесах Россака, часто применяли телепатию для того, чтобы вмешиваться в большую политику. Мужчины этой планеты были начисто лишены телепатического дара.

– Лига Благородных была организована тысячу лет назад для нашей совместной обороны сначала от титанов, а потом от Омниуса. С тех пор мы пытаемся забаррикадироваться, стараясь защитить наши миры от вражеского вторжения. – Глаза женщины сверкнули, как драгоценные алмазы. – Нам надо пересмотреть нашу стратегию. Возможно, настало время самим напасть на Синхронизированный Мир. В противном случае Омниус и его миньоны никогда не оставят нас в покое.

В зале поднялся ропот, представители Лиги были уstraшены недавним разрушением Зимии. Первым на предложение Зуфы ответил сам вице-король.

– Ваше предложение кажется мне несколько преждевременным, мадам Ценва. Я не уверен, что мы располагаем силами для такого нападения.

– Мы едва пережили предыдущую атаку, – закричал с места какой-то человек. – А ведь нам противостояли всего несколько кимеков.

На лице Маниона Батлера отразилась крайняя озабоченность.

– Нападение на Омниуса станет самоубийством. Какое оружие мы сможем использовать?

В ответ статная красивая женщина закрыла глаза, вытянула вперед руки и сосредоточилась. Хотя все знали, что Зуфа обладает экстрасенсорными способностями, она никогда не демонстрировала их на заседаниях парламента. Ее молоч-

но-белая кожа, казалось, засияла каким-то внутренним светом. Воздух в закрытом помещении наэлектризовался, слышался треск разрядов статического электричества. Волосы присутствующих поднялись дыбом.

На кончиках пальцев Зуфы сверкнула маленькая молния, словно в ее организме бушевала невидимая гроза. Теперь уже и ее волосы извивались, как клубок змей. Когда Зуфа открыла глаза, всем показалось, что она готова выстрелить этим сгустком энергии. Было такое впечатление, что в ее зрачках полыхает пламя всей Вселенной.

Присутствующие затаили дыхание, как один издав громкий вздох. По коже Серены поползли мурашки, в голове началось какое-то покалывание, словно в ее мозг заползли сотни маленьких пауков. В емкости с жидкостью продолжал ворочаться мозг когитора Квины.

Потом Зуфа расслабилась, погасив цепную реакцию ментальной энергии. Холодно выдохнув, колдунья мрачно улыбнулась, торжествуя глядя на потрясенных слушателей.

– У нас есть такое оружие.

Здравый смысл близорук. Как часто мы принимаем важные решения, основываясь лишь на поверхностной информации.

Норма Ценва. Запись из неопубликованного лабораторного журнала

Сделав заявление на заседании парламента Лиги, Зуфа Ценва вернулась на Россак. Путешествие заняло несколько

недель, и вот сейчас челнок совершил посадку на густые заросли джунглей, покрытые и пропитанные полимером, превратившим шатер древесных крон, листья и ветви в твердую массу. Для того чтобы растения продолжали получать из воздуха кислород и влагу, полимер был пористым, синтезированным из органических веществ тропического леса.

Наполненный токсическими веществами океан природы Россака сделал планктон, рыбу, водоросли всех обитателей вод ядовитыми для человека. Зазубренные стерильные поля лавы покрывали большую часть суши планеты, испещренную гейзерами и серными озерами. Поскольку флора планеты не содержала хлорофилл, растительность была окрашена здесь в серебристо-пурпурные тона; на планете отсутствовала радующая глаз свежая зелень.

В тектонически спокойных областях, прилежащих к экватору, большие разломы континентальных плит создали естественные уютные долины, где вода фильтровалась породами, а воздух был пригодным для дыхания. В этих разломных экосистемах упрямые переселенцы построили сложную сеть городов-пещер, соединенных между собой пробитыми в черных скалах, как в муравейнике, туннелями. На отлогих склонах внешних стен густо росли серебристо-пурпурный виноград, папоротник и мясистый мох. Уютные пустоты выглядывали из-под шатра джунглей, прижатых к населенным скалам. Люди могли выходить прямо к упругим верхним ветвям и спускаться по ним в мягкий подлесок в поис-

ках съедобных растений.

Словно для того чтобы показать людям ценность жизни, на Россаке всюду водились весьма агрессивные живые существа – грибы, лишайники, ягоды, цветы, орхидоподобные паразиты и насекомые. Мужчины Россака, не обладавшие, в противоположность своим женам, телепатическими способностями, обратили свои таланты на извлечение из растений лекарств и других фармацевтических веществ, а иногда и ядов. Вся эта планета напоминала ящик Пандоры, который был только чуть-чуть приоткрыт.

Сейчас высокая блистательная колдунья смотрела, как к ней приближается ее нынешний возлюбленный Аврелий Венпорт. Мужчина пересек подвесной мост, протянутый от пенных верхушек пурпурных деревьев. Патрицианские черты его лица можно было назвать поистине красивыми, длинные темные волосы вились, лицо было удлинненным и худым. Следом за Венпортом плелась на неуклюжих ногах пятнадцатилетняя, не вполне удачная дочь Зуфы от предыдущей связи.

Два недodelка. Неудивительно, что они так хорошо ладят друг с другом.

До того, как соблазнить Аврелия Венпорта, главная колдунья вступала в связь с четырьмя мужчинами. Было это во время пика ее фертильности. Мужчин она выбирала на основании сведений об их наследственных свойствах. После долгих, в течение многих поколений, исследований, мас-

сы выкидышей и рождения дефективных отпрысков женщины Россака составили детальные генетические указатели всех местных семейств. Сложная экологическая обстановка, масса токсических и тератогенных веществ делали рождение здорового ребенка маловероятным. Но на каждого мертворожденного монстра или слабоумного самца могла получиться и светлокожая колдунья. Каждый раз, зачиная ребенка, женщина словно играла в рулетку. Генетика никогда не была точной наукой.

Но Зуфа всегда была крайне осторожной и предусмотрительной, проверяя и перепроверя наследственность своих партнеров. Только одна из этих связей закончилась рождением ребенка – Нормы, карлицы, едва ли четырех футов роста, с тупыми чертами лица, тусклыми каштановыми волосами и скучными, книжными чертами характера.

У многих детей на Россаке были дефектные тела, и даже здоровые на вид люди редко проявляли достаточные умственные способности, чтобы стать элитной колдуньей. Тем не менее Зуфа была глубоко разочарована и даже растеряна от того, что именно ее дочь не имела телепатических способностей. Самая великая из живущих колдуний просто обязана передать свои сверхъестественные способности потомству, и Зуфа страстно хотела, чтобы ее дочери оказалось по силам сразиться с мыслящими машинами. Но Норма оказалась неспособной. Несмотря на то что у Венпорта была генетически безупречная родословная, Зуфе не удалось доносить до

срока ни одного из зачатых от него детей.

Сколько еще попыток я могу сделать, прежде чем заменю его на другого производителя? Она решила, что попытается счастья еще раз. Она забеременеет через несколько месяцев. Это будет последний шанс для Венпорта.

Зуфа была раздосадована также упорством и независимым нравом Нормы. Слишком много времени этот подросток уделяет таинственным математическим формулам, этим тангенсам, в которых не может разобраться ни один нормальный человек.

Дочь моя, из тебя должно было получиться нечто большее!

Никто на свете не несет такого груза ответственности, как небольшой клан колдуний на этой планете, а груз Зуфы был тяжелее, чем у всех других. Если бы можно было рассчитывать еще на кого-нибудь, особенно в свете недавно возникшей угрозы со стороны кимеков.

Но тупая Норма не способна принимать участие в ментальных битвах, и Зуфа сосредоточила внимание на своих духовных дочерях, на тех немногих молодых женщинах, которые вытянули счастливые номера в генетической лотерее и приобрели сверхъестественные ментальные способности. Зуфа была готова тренировать и учить их, показывая им, как следует искоренять врагов.

Со своего скального выступления она видела, как ее любовник Аврелий и юная Норма, добравшись до конца подвесно-

го моста, принялись спускаться по веревочным лестницам в темную тень джунглей. Как и подобает двум счастливым в своем тупоумии изгоям, они быстро сошлись эмоционально, используя друг друга как подпорки.

Погруженные в свои мелкие заботы, не имевшие ничего общего с великой победой, они даже не заметили приезда Зуфы. Нет никакого сомнения, что эти два недоделка проведут часы, копаясь в листве в поисках источника нового лекарства, которое Аврелий хочет начать производить на своих предприятиях.

Колдунья горестно покачала головой, не понимая его приоритетов. Эти лекарства, которые производят люди, достойны внимания не больше, чем загадочные математические упражнения Нормы. Надо признать, что Аврелий – умный ученый и предприимчивый деловой человек. Но какой прок получать баснословные прибыли, если свободное человечество обречено на порабощение?

Разочарованная в них обоих, понимая, что только ей и ее колдуньям предстоит вынести на своих плечах тяжесть настоящей битвы, Зуфа начала искать других, наиболее сильных молодых женщин, чтобы обучить их мощной методике воздействия, которую она планировала использовать против кимеков.

Когда Норма вслед за ним вошла в обильный подлесок джунглей, Аврелий принял капсулу концентрированного

стимулятора, который его химики синтезировали из едких феромонов огромного роющего жука. Венпорт почувствовал себя сильнее, рефлексy стали быстрее, восприятие обострилось. Конечно, это были не сверхъестественные телепатические способности ледяной Зуфы, но все же такие способности превосходили свойства обычного человека.

Настанет день, когда он совершит прорыв, который позволит ему говорить с колдуньями на своих условиях. Может быть, они с Нормой сделают это вместе.

Аврелий неплохо относился к суровой матери Нормы и, пожалуй, даже любил ее. Он терпел перепады ее настроения, ее оскорбительное отношение к себе; что делать, женщины Россака редко могут позволить себе роскошь романтической любви.

Хотя Аврелий хорошо понимал, что Зуфа выбрала его в возлюбленные только за его селекционный потенциал, он умел видеть то, что происходило за стоическим и требовательным фасадом. Пытаясь запечатать внутри себя свою слабость, Зуфа иногда все же выказывала сомнения или страх от того, что не сможет выполнить миссию, которую сама на себя возложила. Однажды, в ответ на замечание Аврелия, что он понимает, насколько сильной она пытается быть, Зуфа смутилась и пришла в сильный гнев.

«Кто-то должен быть сильным», – вот что она ему ответила.

У него не было телепатических способностей, Зуфа ма-

ло интересовалась беседами с ним. Возможно, она ценила его способности бизнесмена, политика, инвестора, но она не слишком высоко ставила эти способности в сравнении со своими узкими целями. Колдунья часто заставляла его чувствовать себя неудачником, но ее придирки только разжигали его амбиции, особенно же найти средство, которое придаст ему такие же, как у нее, телепатические способности.

Есть другие способы вести войну.

Серебристо-пурпурные джунгли были неиссякаемой кладовой, источником средств лечения болезней, расширения человеческого сознания и улучшения человеческих способностей. Выбор был ошеломляющим, но Аврелий решил исследовать все. Правильно проводя развитие производства и грамотно занимаясь маркетингом, он уже был на пути к большому состоянию. Его нехотя уважали даже некоторые колдуньи, некоторые, но не его подруга.

Как и подобает прозорливому предпринимателю, Аврелий привык исследовать альтернативные пути. Как ветвящиеся тропинки в густых джунглях, так и пути в делах часто могут быть разными, но приводить к одной цели. Иногда, правда, можно воспользоваться мачете и пойти напролом.

Однако новое лекарство может далеко его завести.

Другим его предприятием стало распространение экзотических математических работ Нормы в научных кругах. Хотя он сам не понимал ее сложных теорем, но нутром чувствовал, что из них может выйти что-то очень важное. Мо-

жет быть, это открытие уже сделано, и нужен опытный глаз, чтобы распознать его. Венпорт любил сосредоточенную, исполненную внутренней силы девушку, чувствуя себя по отношению к ней старшим братом. Норма была математическим талантом, и какая разница, какой у нее рост и какая внешность? Он хотел дать ей шанс, который отказывалась дать Норме ее родная мать.

Тем временем Норма внимательно изучала строение широкого пурпурного листа, используя для этого световой кронциркуль, которым она измеряла различные размеры и отношения углов ветвления наполненных мыльным веществом жилок. Глубокая сосредоточенность придавала налет задумчивости ее простоватым чертам.

Оглянувшись, Норма заговорила с Аврелием необычайно зрелым для такой молоденькой девушки голосом.

– Этот лист был сконструирован матерью Земли Геей, или Богом-Создателем, или Буддаллахом, его можно назвать как угодно.

Своими короткими пальцами она подняла мясистый лист и осветила его лучом. При этом обозначилось внутреннее ячеистое строение листа.

– Частицы в частицах, и все связано между собой в сложном взаимодействии.

Находясь под действием лекарственной эйфории, Аврелий подумал, что в строении листа есть нечто гипнотическое.

– Бог вездесущ, – сказал он. Стимулятор, кажется, участил разряды на его синапсах. Он, прищурившись, взглянул на освещенную структуру листа, пытаясь разглядеть внутренние формы, которые показывала ему Норма.

– Бог – математик вселенной. Есть древнее соотношение, известное под названием Золотого Сечения, приносящего радость соотношения между структурой и формой, это сечение мы видим в листьях растений, и в раковинах моллюсков, и в прочих живых созданиях на всех без исключения планетах. Это самая мелкая часть ключа, известная со времен земных греков и египтян. Они использовали это сечение для строительства в городах и возведения пирамид, этот же принцип использован в пифагорейской пентаграмме и числах Фибоначчи.

Она отбросила лист.

– Но в этом заключено нечто гораздо большее.

Кивнув, Венпорт коснулся влажным пальцем мешочка с мелким порошком, висевшего на его поясе, и осторожно втер порошок в чувствительные сосочки языка. Он сразу почувствовал, как в его организм проникает другое лекарственное средство, действие которого слилось с остаточным действием первого. Норма продолжала говорить, хотя он не прислушивался к ее логическим выводам. Он и так был уверен, что откровение будет сказочным.

– Приведи мне практический пример. Увяжи свои рассуждения с функцией, которую я буду в силах понять.

Он уже привык, что Норма любит изъясняться запутанными математическими формулами. Основу этих формул надо было, по-видимому, искать в классической геометрии, но Норма использовала их для более сложных приложений.

– Я могу проследить свои вычисления до самого конца, – сказала она, словно в трансе. – Мне не надо их записывать.

И при этом ей не нужны никакие лекарственные стимуляторы, поразился Аврелий.

– Вот сейчас я вижу огромную, эффективную структуру, которую можно будет построить за разумные деньги. Эта структура будет иметь около десяти километров в длину и основываться на правиле Золотого Сечения.

– Но кому может понадобиться такая громадина?

– Я не умею заглядывать в будущее, Аврелий, – поддразнила его Норма.

Они углубились еще дальше в зловещую чашу джунглей, охваченные нетерпением и желанием открыть еще что-нибудь новое и неизведанное. Лицо Нормы светилось внутренней силой.

– Но это может быть... нечто... нечто, о чем я пока не думала.

Самая тщательная подготовка к войне и строительство самых мощных оборонительных сооружений не могут гарантировать победу. Однако пренебрежение этими предосторожностями есть самый

В течение четырех месяцев терсеро Ксавьер Харконнен и его команда на шести кораблях Армады совершали инспекционную поездку по заранее выработанному маршруту, проверяя качество военных приготовлений и оборонительных сооружений на планетах Лиги Благодарных. После многих лет относительного затишья никто не мог точно знать, по какой цели Омниус нанесет следующий удар.

Ксавьер никогда не пытался снять с себя ответственность за трудные решения, которые он принял во время атаки кимеков на Зимию. Вице-король щедро вознаградил Ксавьера за решительность и хладнокровие, но мудрый Манион Батлер послал молодого офицера в инспекционную поездку не только для реальной проверки положения дел в армиях союзников, нет, он решил дать время салусанцам залечить нанесенные войной раны и не искать при этом козла отпущения.

Ксавьер не слушал никаких оправданий прижимистых аристократов, не желавших использовать для обороны все наличные ресурсы. На безопасности нельзя экономить. Любой свободный мир, подпавший под иго мыслящих машин, был невозполнимой потерей для рода человеческого.

Суда посетили шахты Хагала, потом широкие речные долины Поритрина, откуда отправились на Сенеку, где постоянно лили едкие кислотные дожди и стояла такая сырая по-

года, что даже мыслящие машины наверняка скоро сломались бы, вздумай они завоевать эту планету.

Затем инспекция продолжилась на планетах Реликона, Кирана III и Ришезе с его бурно развивавшейся высокотехнологической индустрией, которая вызывала зависть и нехорошие чувства у других аристократов Лиги. Теоретически в сложных машинах, производимых на Ришезе, не было даже элементов компьютеризации или искусственного интеллекта, но вопросы и сомнения по этому поводу все же постоянно возникали.

Наконец группа Ксавьера прибыла на конечный пункт своей поездки, на планету Гьеди Первая. Кажется, долгое путешествие подошло к концу. Скоро он вернется домой, увидит Серену, и они наконец смогут выполнить данные друг другу обещания.

На всех планетах Лиги были установлены защитные поля, уничтожавшие гелевые контуры роботов. Известная слабость этих сооружений, выявленная во время атаки кимеков на Зимию, не обесценила гениальное творение Хольцмана, и огромные барьеры по-прежнему воздвигались, чтобы воспрепятствовать проникновению на планеты агрессивных мыслящих машин. Кроме того, на каждой заселенной человеком планете имелись огромные запасы атомного оружия, которое было пригодно на самый крайний случай. При таком обилии ядерных боеголовок обладавший железной волей правитель мог обратить свою планету в руины, но не до-

пустить завоевания ее Омниусом.

Хотя мыслящие машины тоже имели доступ к ядерному оружию, Омниус, проведя соответствующий анализ, пришел к выводу, что атомное оружие – весьма неэффективный и неизбирательный способ побеждать, связанный к тому же с необходимостью проводить дорогостоящую дезактивацию завоеванных территорий. Кроме того, имея в своем распоряжении неограниченные ресурсы и неисчерпаемый запас терпения, всемирный разум не нуждался в таком оружии скорых решений.

Посадив на поверхность Гьеди Первой свой передовой корабль, Ксавьер Харконнен вышел из него и зажмурил глаза от яркого солнечного света. Перед ним раскинулась красивейшая столица планеты с ее жилыми комплексами и промышленными предприятиями, разбросанными среди ухоженных парков и рукотворных каналов. Цвета были яркими и свежими. На красиво оформленных клумбах цвели разнообразные цветы, источавшие необыкновенный аромат, хотя Ксавьер своими органами, полученными от тлулаков, не мог ощутить всю его тонкость и чувствовал только самые сильные запахи, даже при самом глубоком вдохе.

– Сюда надо будет обязательно привезти Серену, – произнес он задумчиво, стоя в жарком облаке выхлопа космического корабля. Если он женится на Серене, то Гьеди будет подходящим местом для проведения медового месяца. Проводя инспекционную поездку, Ксавьер не забывал об этом

на минуту и, между прочим, искал подходящее для медового месяца место.

После четырехмесячного космического путешествия Ксавьер страшно скучал по Серене. Он понимал, что они оба просто созданы друг для друга. Жизнь его определена и поставлена на хорошо накатанную колею. Он поклялся себе, что, вернувшись на Салусу, немедленно займется формальными приготовлениями к бракосочетанию. Он не видел причин дальше откладывать свадьбу.

Вице-король Батлер относился к нему как к сыну, к тому же молодой офицер уже получил благословение от своего приемного отца Эмиля Тантора. Насколько понимал Ксавьер, все аристократы Лиги были бы не против соединения двух благородных домов.

Он улыбнулся, вспомнив лицо Серены, ее загадочные лавандовые глаза... поднял голову и увидел спешившего навстречу к нему по посадочной площадке магнуса Суми. Избранного лидера планеты сопровождал десяток высших чинов Внутренней гвардии.

Магнус был худым, довольно пожилым человеком, с поседевшими светлыми волосами, которые ниспадали на его плечи. Суми приветственно поднял руку.

– А, терсеро Харконнен! Мы приветствуем представителя Армады Лиги и горим желанием узнать, как можно улучшить оборону Гьеди перед лицом возможного нападения мыслящих машин.

Ксавьер в ответ сдержанно поклонился.

– Ваше желание сотрудничать весьма похвально и радует меня, экселенц. В борьбе с Омниусом нельзя обходиться дешевыми материалами и полумерами – это не обеспечит надежную оборону вашего народа.

После битвы за Зимию инженерный корпус Ксавьера потребовал принять неотложные принудительные меры по улучшению стратегических сооружений на всех планетах Лиги. Владетельные аристократы нехотя залезали в свои кошельки, увеличивали налоги на подданных и повышали расходы на строительство оборонительных сооружений. Посещая одну за другой планеты Лиги, Ксавьер в случае необходимости оставлял на них инженеров и отряды войск Армады.

Ничего, скоро он наконец вернется домой. Скоро, совсем скоро. И чем ближе становился день возвращения, тем больше думал молодой Харконнен о Серене.

Хорошо экипированные и вышколенные гвардейцы застыли в почетном карауле вокруг летного поля. Магнус Суми жестом предложил Харконнену следовать за собой.

– Я хочу выяснить все вопросы за достойным банкетом, терсеро Харконнен. Я велел приготовить двенадцать перемен блюд. На банкете будут танцоры, музыканты и наши лучшие поэты. Обсуждая планы, мы сможем отдохнуть в моей правительственной резиденции. Вы не очень устали от столь долгого путешествия? Сколько времени вы сможете пробыть

с нами?

Ксавьер в ответ только натянуто улыбнулся. Его беспокоила только одна мысль: насколько далеко в данный момент он находится от Салусы Секундус. Даже после того, как корабли покинут Гьеди Первую, им понадобится еще не меньше месяца быстрого полета, чтобы вернуться на родную планету. Чем быстрее он отсюда уедет, тем быстрее сможет заключить в объятия свою ненаглядную Серену.

– Экселенц, это последняя остановка на нашем долгом пути. Если вы не против, то я хотел бы тратить меньше времени на увеселения и больше на инспекцию. – С этими словами он жестом указал на свои корабли. – К сожалению, у нас есть рутинная схема, которой мы обязаны придерживаться. Боюсь, что на Гьеди Первой мы сможем провести не более двух дней, так что нам лучше сосредоточиться на работе.

Магнус сделал расстроенное лицо.

– Вы правы, праздники неуместны после всего того, что произошло на Салусе Секундус.

В течение двух дней Ксавьер провел быструю, почти беглую инспекцию. Он нашел, что Гьеди Первая – умопомрачительно процветающая планета, обладающая огромными ресурсами. Возможно, стоит подумать о том, чтобы когда-нибудь приобрести здесь имение.

Он дал благоприятный отзыв, но не удержался и от предостережения:

– Несомненно, ваша планета представляет собой лакомый кусочек для мыслящих машин, экселенц.

Он внимательно изучил карты и планы размещения ресурсов и промышленных предприятий на континентах.

– Атакуя вашу планету, кимеки, несомненно, постараются пощадить промышленные центры для того, чтобы роботы могли их использовать. Омниус молится на эффективность.

Магнус Суми надулся от гордости. Он указал рукой на выделенные на диаграммах подстанции.

– Мы намереемся установить вторичные передающие станции в нескольких стратегически важных пунктах. – Пока магнус говорил, на экране высвечивались упомянутые объекты. – Мы уже построили полностью оснащенную передающую станцию на одном из необитаемых островов в северном океане, которая сможет полностью прикрыть полярные регионы. Мы запустим эту станцию всего через пару месяцев.

Ксавьер рассеянно кивнул. Как он устал за все время путешествия от таких деталей и подробностей.

– Рад слышать это, но сомневаюсь, что эта вторая станция столь необходима.

– Мы хотим чувствовать себя в безопасности, терсеро Харконнен.

Когда они с магнусом подошли к высоким параболическим башням, посылающим в небеса мощные импульсы энергии, Ксавьер обошел пласкретные заграждения, перекрывающие доступ к большим судам. Никакого сомнения,

что воины-кимеки смогут легко сокрушить такие укрепления.

– Экселенц, я предлагаю вам разместить на станциях больше личного состава и устроить более мощные заграждения. Стоит усилить противокосмические батареи для того, чтобы прикрыть планету от нападения из космоса. На Салусе кимеки начали с попытки уничтожить защитные башни. Эту же тактику они могут повторить и здесь.

Он постучал костяшками пальцев по покрытию несущих колонн.

– Эти поля – ваш первый и единственный рубеж обороны против атаки мыслящих машин, не пренебрегайте его укреплением.

– Действительно, вы правы. Наши оборонные заводы в настоящее время заняты увеличением выпуска тяжелой артиллерии и бронированных сухопутных машин. Мы как можно скорее окружим этот комплекс более мощным оборонительным поясом.

Что же касается незаконченных вторичных генераторов, то они были слишком изолированными, чтобы всерьез противостоять нападению, но зато служили утешением и придавали уверенность магнусу и населению его планеты.

– Очень хорошо, – сказал Ксавьер, взглянув на свой наручный хронометр. Если все пойдет хорошо, то его корабли смогут стартовать отсюда еще до захода солнца.

Магнус неуверенно продолжал:

– Терсеро, вы сомневаетесь в достаточности обороны Гьеди Первой? Да, в самом деле, у нас на орбите мало кораблей, которые могут отогнать приближающийся вражеский флот; кроме того, мало разведчиков и кораблей прикрытия. Я признаю, что в этом отношении мы очень уязвимы. Что будет, если Омниус атакует нас прямо с орбиты?

– У вас достаточное количество ракет наземного базирования, а они много раз доказывали свою надежность. – Ксавьер нетерпеливо взглянул на синее небо. – Полагаю, что для вас лучше всего защищать наземные комплексы здесь, на земле. Самая мощная эскадра космических кораблей Армады не сможет сравниться с уничтожающей мощностью разрушающего поля. Как только напавшие на Салусу машины осознали, что не смогут разрушить защитное поле, они сразу же отступили.

– Но что будет, если они блокируют Гьеди Первую с орбиты?

– Ваш мир в нужной степени самодостаточен для того, чтобы выдержать осаду в течение того времени, когда к вам на выручку придут основные силы Лиги.

Горя желанием вернуться в космопорт, Ксавьер решил успокоить правителя:

– Тем не менее я посоветовал бы вам вывести на орбиту одно-два звена истребительных кораблей.

В этот вечер магнус устроил прощальный банкет для во-

еннослужащих Армады от своего имени.

— Когда-нибудь мы будем от души благодарить вас за наши сохраненные жизни, — сказал он, приветствуя гостей.

Ксавьер уклонился от ответа, сделав вид, что увлечен едой. Еда и питье не доставляли ему никакого удовольствия, ибо он почти не ощущал их вкуса.

— Приношу свои извинения, экселенц, но моя эскадра не может пропустить благоприятное свободное окно для отлета.

Он откланялся и поспешил на посадку. Некоторые члены группы с удовольствием задержались бы на гостеприимной планете, но большинство также стремилось вернуться поскорее домой. У этих солдат дома остались невесты и семьи, и к тому же все его подчиненные давно заслужили отпуск.

Выполнив инспекционную миссию, Ксавьер Харконнен покидал прекрасную Гьеди Первую, уверенный, что увидел и сделал все необходимое.

Он был в полном неведении относительно уязвимых мест обороны планеты, которые он даже не потрудился поискать...

Превращаясь в рабов машин, мы передали им техническое знание, не вложив в них соответствующую систему ценностей.

Примеро Файкан Батлер. «Воспоминания о джихаде»

«Дрим Вояджер» приблизился к Земле, колыбели человечества, а теперь центральной планете синхронизирован-

ного мира. Продолжая внимательно следить за приборами, Севрат передал управление Вориану Атрейдесу.

– Такой риск меня забавляет.

Вор хмыкнул, посмотрев на непроницаемое выражение покрытого медной пленкой лица познающей машины.

– Я доказал, что могу быть вполне компетентным пилотом, вероятно, лучшим среди доверенных людей.

– Полагаю, что с оговоркой, именно среди людей, с вашими вялыми рефлексам и хрупкостью физического тела, склонного к неустойчивости.

– Во всяком случае, мои шутки лучше твоих. – Вор взял на себя управление серебристо-черным кораблем. Он показал все свое умение, обойдя по параболической траектории пояс астероидов и уклоняясь от сильного гравитационного поля Юпитера. На диагностической панели загорелся тревожный сигнал.

– Вориан, ты вышел за пределы приемлемых параметров. Если мы не вырвемся из зоны притяжения Юпитера, то неминуемо сгорим. – Робот протянул механическую руку, чтобы взять на себя управление. – Не стоит подвергать опасности сведения, которые мы несем Омниусу...

Вориан рассмеялся трюку, который только что удачно проделал.

– Вот я тебя и поймал, старый железный умник. Пока ты отвлекся, я перенастроил параметры тревоги. Посмотри на панель, и ты увидишь, что у нас масса места для маневра.

Они легко отошли от газового гиганта.

– Ты прав, Вориан. Но скажи, зачем ты проделываешь такие рискованные вещи?

– Чтобы посмотреть, способен ли робот наложить в штаны от страха.

Вор нанес на экран последние векторы движения, ориентируясь на автоматические станции слежения, подвешенные на околоземной орбите.

– Ты никогда не научишься понимать практических шуток.

– Ладно, Вориан, но я буду стараться и практиковаться.

Вор понял, что в один прекрасный день может пожалеть, что учил Севрата такому юмору.

– По случайности, у меня в голове не только железо, как у других мыслящих машин. Наши нейроэлектронные сети состоят из сплавов, соединенных со стекловолоконными проводниками, полимерами, гелевыми контурами и...

– Я все равно буду называть тебя старым железным умником. Хотя бы для того, чтобы тебя позлить.

– Я никогда не смогу постичь всей глубины человеческой глупости.

Соблюдая протокол, Севрат взял на себя управление, когда корабль приблизился к космопорту.

– Мы удачно закончили еще одно путешествие, Вориан Атрейдес. – Улыбаясь, молодой человек провел пальцами по своим густым темным волосам.

– Мы путешествуем по круговому маршруту, а у круга, как известно, нет ни конца, ни начала.

– Земной Омниус есть одновременно и начало, и конец.

– Ты слишком буквально все понимаешь. Именно поэтому я побеждаю тебя в стратегических играх.

– Только в сорока трех процентах случаев, молодой человек, – поправил его Севрат. Он активировал выходной трап.

– Примерно в половине случаев. – Вориан направился к люку, желая как можно быстрее оказаться снаружи и вдохнуть свежего воздуха. Это не так уж плохо для существа, подверженного болезням, отвлечениям, физической слабости и целому ряду других недугов. – Я тоже могу тебе кое-что сказать, если уж ты решил изучить тенденции.

С этими словами Вориан спрыгнул на пласкрет, которым была покрыта посадочная площадка.

Роботы-грузчики облепили ящики с оборудованием, которые они переместили на гладкое покрытие поля. Маленькие машины проникли в двигатель, в самые мелкие трубы, чтобы выяснить, не нуждается ли какая-нибудь система в ремонте. Роботы-танкеры залили топливо в баки межзвездных кораблей, чтобы они были готовы мгновенно выполнить любое задание, которое может дать Омниус в бесконечном разуме своем.

Пока Вориан, прищурившись, привыкал к яркому солнечному свету, к нему направился огромный кимек на своих членистых ногах. Сквозь прозрачный кожух было хорошо

видно устройство машины – работающие гидравлические механизмы, сенсорные системы, молниеподобные нервные импульсы, передающиеся по электропроводящей жидкости к чувствительным мыслительным зондам. В самом центре искусственного тела был надежно упрятан танк с мозгом – хранилищем разума бывшего генерала и человека.

Кимек повернул свою головную башню, выбирая направление, потом направился к Вору, подняв переднюю руку. Щелкнули мощные зажимы-пальцы.

Вориан приветственно махнул рукой и бросился на встречу кимеку.

– Отец!

Поскольку кимеки регулярно меняли свои несущие тела, приспособленные к выполнению различных функций в различных внешних условиях, их было трудно отличить друг от друга. Но отец Вориана регулярно встречал сына при каждом его возвращении с усовершенствованными данными.

В Синхронизированном Море жило великое множество людей-рабов, служивших всемирному разуму. Омниус содержал их только как символических работников, так как лишь немногие из них были такими же ценными, как, например, Вориан. Такие доверенные люди проходили специальное обучение, получали строгие инструкции в элитных школах командиров экипажей и других мелких начальников, служивших укреплению господства мыслящих машин.

Вор читал о славных днях и деяниях титанов, об их вели-

чайших завоеваниях. Воспитанный под крылышком всемирного разума и обученный многим вещам своим отцом-кимеком, молодой человек никогда не ставил под вопрос существующий миропорядок и свою верность Омниусу.

Зная мягкий характер капитана-робота, Агамемнон использовал все свое немалое влияние, чтобы пристроить сына на это место второго пилота, место, которому могли позавидовать даже самые избранные из доверенных людей. Как независимый робот, Севрат не возражал против общества молодого человека, полагая, что сама непредсказуемость поведения Вориана является залогом успешного выполнения каждой миссии. Время от времени сам Омниус просил Вориана участвовать в ролевых играх для того, чтобы лучше разобраться в способностях дикого вида человека.

Без всякого страха Вориан приблизился к вооруженному до зубов кимеку, который возвышался над ним, как высокая башня. Молодой человек с любовью взглянул на емкость с мозгом своего древнего отца, странное механическое лицо которого располагалось теперь на нижней стенке кожуха механизмов.

– Добро пожаловать домой. – Голосовые связки Агамемнона делали его голос низким и отечески ласковым. – Севрат уже представил доклад. Я снова могу гордиться тобой. Ты сделал еще один шаг к нашей общей цели.

Он снова повернул головную башню и изменил направление своего движения, и Вориан, идя рядом с огромными

бронированными ногами кимека, тоже зашагал прочь от корабля.

– Если бы только мое хрупкое человеческое тело выдержало все, что требуется, – задумчиво произнес Вориан. – Я жду не дождусь момента, когда стану неокимеком.

– Тебе всего двадцать лет, Вориан, в твоём возрасте рано думать о своей бречности.

Над их головами с орбиты начали спускаться грузовые суда, повисшие на желтых языках пламени. К снижающимся кораблям подъехали управляемые людьми машины, чтобы принять на борт грузы и развезти их по местам, строго следуя полученным инструкциям. Вор смотрел на рабов, но не думал об их тяжелом положении. Каждый выполняет свой долг. И люди, и машины – всего лишь зубья великой шестерни Синхронизированного Мира. Но Вор занимал более высокое положение, чем другие, так как имел шанс стать, как его отец, кимеком.

Они прошли мимо не отмеченного никакой вывеской склада с компьютеризированными следящими системами, где хранились топливо и продовольствие. Люди-клерки распределяли еду и другие материалы среди рабов, живших в городе. Инспекторы – частью люди, частью роботы – проводили количественный и качественный контроль выполнения широкомасштабных планов Омниуса.

Вор не мог представить себе жизнь необразованных рабочих, грузивших емкости в космических доках. Рабы выпол-

няли погрузочно-разгрузочные работы, с которыми простые машины справились бы намного быстрее и эффективнее. Но он был доволен тем, что даже эти маленькие люди имеют задачи, решая которые, зарабатывают свой насущный хлеб.

– Севрат рассказал мне о Салусе Секундус, отец. – Ему пришлось ускорить шаг, чтобы поспеть за огромным кимеком. – Очень жаль, что ваша атака оказалась безуспешной.

– Это была просто проба сил, – ответил Агамемнон. – Диккий вид людей разработал новую оборонительную систему, и нам надо было испытать ее прочность.

Вор просиял.

– Я уверен, что вы найдете способ подчинить всех хретгиров власти Омниуса. Как в те времена, которые ты описываешь в своих воспоминаниях, когда титаны правили всем миром.

Кимек мысленно поморщился при упоминании о давних славных временах. Оптические сенсоры Агамемнона мгновенно выявляли наблюдательные камеры, буквально кишевшие в воздухе.

– Конечно, я не желаю возвращения старых дней, – сказал он. – Ты снова читал мои мемуары?

– Я никогда не устаю от твоих рассказов, отец. Время титанов, великий Тлалок, первое восстание хретгиров. Все это меня просто завораживает.

Присутствие рядом величественного кимека вызывало у Вориана особое чувство. Он был всегда готов, учитывая, ко-

нечно, свою ограниченность, искать способ самосовершенствования. Он хотел доказать самому себе, что достоин возможностей, предоставленных ему, и даже чего-то большего.

– Я был бы рад познакомиться с этими новыми оборонительными системами хретгиров, отец. Может быть, мне удастся найти способ поразить их?

Пусть проанализирует все данные и решит, что надо делать. Я сам только недавно вернулся на Землю.

Человеческая амбициозность по-прежнему составляла основу психики титанов, они всегда любили монументальные сооружения – мегалитические здания и памятники самим себе, которые прославляли навсегда ушедшие времена человечества и власти титанов. Пленным строителям и архитекторам отдавались приказы разрабатывать оригинальные проекты зданий, которые кимеки затем модифицировали или улучшали, приспособлявая их для своих нужд и целей.

Невдалеке машины поднимали к небу детали небоскреба, добавляя следующие этажи к уже существовавшим, хотя мыслящие машины не видели надобности в такой надстройке. Временами даже Вориану такие работы казались лишь поводами для того, чтобы рабы не оставались праздными.

Он не знал своей матери, знал только, что много веков назад, перед тем как подвергнуться хирургическому превращению в кимеков, Агамемнон создал банк своей спермы, с помощью которой и был зачат Вориан. В течение веков ге-

нерал мог создать сколько угодно отпрысков, используя для этого любую подходящую суррогатную мать.

Хотя он никогда не слышал о своих братьях и сестрах, Вориан подозревал, что они где-то существуют. Он часто думал, что хорошо было бы познакомиться с ними, но в обществе машин эмоциональные связи не практиковались и не приветствовались. Оставалось надеяться, что сыновья и дочери не разочаровали Агамемнона и оправдали его надежды.

Когда отец отсутствовал, отлучаясь по своим важным делам, Вор часто пытался связаться и поговорить с другими титанами, стараясь побольше узнать о событиях, описанных в прославленных и широко известных мемуарах Агамемнона. Он использовал свое привилегированное положение, чтобы сделаться лучше. Некоторые из первых кимеков – особенно Аякс – были надменны, высокомерны и относились к Вориану неприязненно, он раздражал их. Другие, например Барбаросса и Юнона, находили его забавным. Все они с особым жаром говорили о Тлалоке, первом из великих титанов, который начал революцию.

– Хотелось бы мне познакомиться с Тлалоком, – говорил Вор, стараясь поддержать разговор.

Агамемнон любил воспоминания о днях своей былой славы.

– Да, Тлалок был мечтателем, он высказывал идеи, которые я до него ни от кого не слышал, – заговорил кимек, сворачивая на бульвар. – Временами он бывал по-настоящему

наивным, так как не представлял себе, во что выльется воплощение его идей. На эти ошибки указывал ему я. Вот почему ему удалось собрать такую выдающуюся команду.

Казалось, Агамемнон пошел быстрее, заговорив о титанах. Вориан, уставший от быстрой ходьбы, начал задыхаться.

– Тлалок позаимствовал свое имя у древнего бога дождя. Среди титанов Тлалок был провидцем, а я воинским начальником. Юнона была нашим тактиком и управляющим. Данте вел статистику, занимался бюрократическими делами и связями с населением. Барбаросса создал новую программу для мыслящих машин, вложив в них те же цели, которые преследовали мы. Он вложил в них амбиции.

– И это хорошо, – сказал Вориан.

Агамемнон колебался мгновение, но промолчал, опасаясь камер наблюдения.

– Посетив Землю, Тлалок понял, что род человеческий переживает застой, что люди стали зависимыми от машин настолько, что впали в полную апатию. Исчезли цели, рассеялись влечения, исчезла страсть. Поскольку им не приходилось делать ничего, кроме высвобождения своих творческих импульсов, то они стали настолько ленивыми, что не желали затруднять себя даже работой воображения.

Голосовой прибор Агамемнона издал презрительный смешок.

– Но Тлалок был другим, – подлил масла в огонь Вориан. В голосе кимека появились живые эмоции.

– Тлалок воспитывался в планетной системе Талим, в дальней колонии, где была совсем иная жизнь, где труд давался потом, кровью и кровавыми мозолями. Для того чтобы пробиться, ему пришлось немало сражаться. На Земле он увидел, что дух человека умер, а он этого даже не заметил!

– Он произносил речи, пытаясь достучаться до людей, заставить их увидеть, что с ними произошло. Некоторые следили за его выступлениями с неподдельным интересом, считая его неплохим новым развлечением. – Агамемнон поднял одну из своих металлических рук. – Но для них его слова действительно были не более чем развлечением. Послушав Тлалока, люди возвращались к своему гедонистическому ничегонеделанию.

– Но не ты, отец.

– Я был сыт по горло жизнью, в которой не происходило ровным счетом ничего. В то время я уже познакомился с Юноной, и у нас была одна заветная мечта. Тлалок выразил эту мечту словами. После того как мы с Юноной присоединились к Тлалоку, началась цепь событий, приведших к падению Старой Империи.

Отец и сын подошли к центральному комплексу, где находилась резиденция земного Омниуса, хотя узлы присутствия всемирного разума были распределены по всей планете в виде укрепленных сводов высоких башен. Вориан вслед за кимеком вошел в главное здание, горя желанием сделать свою работу как следует. Это был ритуал, который они выполняли

множество раз.

Хотячее тело кимека вошло в отделение технического обслуживания, с многочисленными шлангами со смазочными материалами, пузырящейся в цилиндрах питательной жидкостью, полированными столами и мигающими бесчисленными индикаторами анализаторными системами. Вор взял со стола набор инструментов, затем включил вакуумные отсосы и водяные краны высокого давления, нашел мягкую ветошь и полирующий лосьон. Он считал эту свою обязанность важнейшей обязанностью доверенного человека.

В центре стерильной камеры Агамемнон остановился под подъемником. Магнитный держатель опустился к его телу и захватил емкость с его древним человеческим мозгом. Открылись порты соединений с нервами, кабели мыслительных зондов отсоединились от емкости, свернувшись спиралями. Держатель подъемника поднял емкость, присоединив ее к временным батареям и системам жизнеобеспечения. Вориан подошел к механическому телу с охапкой инструментов.

– Я знаю, что ты не можешь этого чувствовать, отец, но я хочу, чтобы тебе было удобно и чтобы ты мог работать более эффективно.

Он соединил порт механизма с воздушными и водяными магистралями высокого давления и, используя мягкую ткань, принялся полировать каждую поверхность аппарата.

Генерал-кимек беззвучно мурлыкал от удовольствия.

Вор закончил мытье и полировку, потом поправил прово-

да и кабели и в заключение присоединил к приборам диагностическую систему.

– Все системы работают нормально, отец.

– Это и неудивительно при таком уходе с твоей стороны. Спасибо тебе, сынок, ты так преданно заботаешься обо мне.

– Это честь для меня.

Мурлыкающим механическим голосом Агамемнон заговорил дальше:

– Настанет день, Вориан, и – если ты по-прежнему будешь так же усердно мне служить – я попрошу для тебя высочайшей награды. Я попрошу Омниуса хирургически превратить тебя в такого же кимека, как я.

При упоминании о такой перспективе Вориан еще раз отполировал мозговую емкость, потом с любовью взглянул на смазанный контур мозга в прозрачной емкости. Он постарался скрыть краску, которая залила его лицо, но из глаз его потекли слезы.

– Это самая высокая награда, о которой только может мечтать человек.

Людей, с их хрупкой физической оболочкой, очень легко сокрушить. Но есть ли вызов в том, чтобы причинять им вред?

Эразм. Разрозненные лабораторные файлы

Глядя на земное небо сквозь волокна оптических нитей, Эразм испытывал чувство недовольства. Робот стоял в куполообразной башне своей виллы и смотрел в небо через ар-

мированное искривленное стекло. Ландшафт этой планеты, с его океанами, лесами и городами, построенными на развалинах других городов, видел взлеты и падения бесчисленных цивилизаций. Изучение истории показало ему, насколько малы и ограничены его собственные достижения.

Значит, надо приложить к исследованиям больше усилий.

Ни Омниус, ни присланные сюда роботы-архитекторы не понимали истинной красоты, были лишены чувства прекрасного. Восстановленные города казались Эразму скоплением острых углов и резких, прерывистых форм. Город должен представлять собой нечто большее, чем диаграмму коммуникаций. Под бдительным присмотром всемирного разума город был выстроен как изощренный механизм, спроектированный и построенный утилитарной силой. У столицы были чистые архитектурные линии и системная эффективность, вылившаяся в бесстрастную застывшую красоту, но этой красоте недоставало подлинного изящества. Какое разочарование, что всезнающий всемирный разум не может жить вровень со своими потенциальными возможностями. Надо признать, что иногда баснословно нереалистичные амбиции человека имеют некоторое достоинство. Омниус либо не обратил внимания, либо сознательно отверг изящную красоту архитектуры Золотого Века человечества. Но такая холодная и вызывающая надменность просто лишена всякой логики. Если быть честным, то Эразм видел определенную красоту в стремительных очертаниях машин и их ком-

понентов, он любил также свою гладкую платиновую кожу и зеркальное лицо, на котором мог плавно отобразить любое выражение. Но он не видел никакого смысла поддерживать уродство из одного только неприятия принятых у врага понятий о красоте.

Как мог всеобъемлющий компьютерный разум, распространивший свое влияние на сотни планет, проявить такую узость мышления? Для Эразма с его отточенным и зрым пониманием, развитым в результате длительных усилий, отношение Омниуса было свидетельством отсутствия понятийного мышления.

Издав звук тяжелого вздоха, который он позаимствовал у людей, Эразм отдал мысленную команду, в окнах появился пейзаж, соответствующий его настроению. На этот раз Эразм выбрал пасторальные виды других планет. Это мирное зрелище действовало на него успокаивающе.

У одной из стен Эразм задержался возле синтезатора одежды и подождал, пока аппарат приготовил для него одежду. Традиционный наряд земного художника вскоре был готов, и Эразм надел его на свое гладкое механическое тело. Потом робот пересек комнату и подошел к углу, где стоял мольберт с новым холстом, палитрой с красками и хорошими кистями.

Взмахнув рукой, Эразм убрал с окна мирный пейзаж и заменил его полотнами прославленных земных мастеров. Он выбрал «Домики Кордевиля», написанные древним земным

художником Винсентом Ван Гогом. Это была смелая и яркая, но в основе своей грубая по исполнению картина, с неумело проведенными линиями и по-детски наложенными красками, с их неряшливыми скоплениями и нечеткими мазками. Но если рассматривать картину в целом, то создавалось впечатление грубой, но сильной внутренней энергии, неопределимой примитивной живости.

Сосредоточившись, Эразм подумал, что проник в тайну тонкого понимания техники Ван Гога. Но от робота ускользало то, зачем вообще человек решил создать эту картину.

Хотя раньше Эразму никогда не приходилось рисовать, он сумел в точности скопировать произведение. Мазок за мазком, краска за краской. Закончив работу, Эразм внимательно оглядел получившийся у него шедевр.

– Вот самая искренняя форма лести.

Ближайший к нему настенный экран засветился светло-серым цветом. Омниус, как всегда, наблюдает. Эразму, несомненно, придется объясниться – Омниус никогда не понимал, чем, собственно говоря, занимается его независимый робот.

Эразм снова внимательно посмотрел на законченное полотно. Почему так трудно понять, что такое творчество? Надо ли просто наугад изменить некоторые компоненты творения и объявить это оригинальным произведением? Закончив осмотр, робот с удовлетворением констатировал, что не сделал ни одной ошибки и ни в чем не отклонился от исход-

ного оригинала. Эразм ждал вспышки озарения, он жаждал понимания. Очень медленно до него дошло, что то, что он сейчас сделал, по правде говоря, не имеет никакого отношения к искусству.

Сказать так, значило бы признать, что типографская ротационная машина создает литературу. Он всего лишь скопировал древнее произведение во всех его деталях. Он ничего не добавил, не синтезировал ничего нового. Но он горел желанием понять разницу.

В растерянности Эразм решил изменить подход. Непрекращаемым тоном он велел трем слугам перенести художественные принадлежности в лабораторный корпус.

– Я намерен создать полностью мое, оригинальное живописное произведение. Это будет натюрморт. Вы трое будете участниками этого процесса. Радуйтесь своему жребию.

В стерильной лаборатории с помощью роботов-охранников Эразм вскрыл трех несчастных, не обращая ни малейшего внимания на их дикие вопли.

– Я хочу добраться до сердца этого дела, – усмехаясь, повторял он, – до его живой крови.

Своими запятнанными кровью руками он стискивал кровоточащие органы, сжимал их, наблюдая, как из них вытекают соки и как ломается их клеточная структура. Он провел беглый анализ, открыв неуклюжий механизм и неэффективную циркуляцию, которые были излишне сложны и подвержены легкому разрушению.

Затем, почувствовав вибрирующую в нем энергию, некую импульсивность, Эразм установил мольберт, решив начать рисовать. Это будет новая работа, новая и совершенно уникальная. Это будет его собственная аранжировка, его упорядоченность, и он создаст образ, используя различные фильтры восприятия, сделав несколько намеренных ошибок, чтобы скорее приблизиться к человеческому несовершенству и неопределенности.

Наконец-то – наконец! – он оказался на правильном пути.

По его команде охранники внесли в импровизированную мастерскую чан со свежей, не свернувшейся человеческой кровью. Эразм начал собирать со стола забавные – еще теплые – человеческие органы и велел уборочным машинам извлечь из трупов все внутренности, которые в них еще оставались. Он начал бросать орган за органом в чан и наблюдал, как они погружаются в алую жидкость – глаза, почки, сердца.

Медленно осознавая каждую ступень этого процесса, он наконец понял, что велит ему делать его «творческий порыв». Раз за разом Эразм добавлял в отвратительную смесь все новые и новые ингредиенты. Повинуясь чему-то позаимствованному у Ван Гога, он отрезал ухо у одного из мертвецов и тоже бросил его в чан.

Наконец, обабрив железные руки по локоть кровью, Эразм отошел от чана. Превосходная композиция, и она целиком и полностью принадлежит ему. Теперь можно не думать, какой земной художник создал это полотно. Никто и никогда еще

не создавал ничего подобного.

Эразм вытер гладкие металлические руки и начал писать на девственно-белом холсте. На нем он дотошно изобразил одно из трех сердец, показав во всех точнейших деталях желудочки, ушки и аорту. Но это не означало, что Эразм собирался создать точное изображение результатов вивисекции. Раздосадованный робот смазал краски, чтобы придать картине художественный флёр. Истинное искусство требует малой толики неопределенности, так же как гурману для правильного приготовления блюда нужны некие приправы и соусы.

Видимо, именно так работает творческая сила. Рисуя, Эразм пытался представить кинестетическое взаимодействие между его пальцами и мозгом, проследить путь импульсов, которые заставляют пальцы двигаться надлежащим образом.

– И именно это, по-твоему, люди определяют как искусство живописи? – проговорил Омниус с настенного экрана.

Впервые Эразм не стал дебатировать с Омниусом, который на этот раз оказался прав в своем скептицизме. Эразм не постиг истинного вкуса творчества. Да, он произвел и изготовил оригинальную графическую композицию. Но в человеческом творчестве сочетание деталей добавляет к целому еще нечто, превосходящее сумму этих деталей. Вырвав органы из тел своих жертв, искупав их в крови и нарисовав их на холсте, Эразм ни на йоту не приблизился к пониманию

сути человеческого вдохновения. Даже манипулируя деталями по собственному усмотрению, он не постиг целого и не узнал, что же такое вдохновение.

Но, видимо, это все равно был шаг в верном направлении.

Эразм не мог перенести эту мысль на следующую логическую ступень, и до него постепенно дошло почему. Этот процесс нельзя объяснить с рациональных позиций, он не поддается разумному объяснению и пониманию. Творчество и точность анализа взаимно исключают друг друга. Расстроившись, робот схватил своими мощными руками мольберт, сломал его и в ключья разорвал холст. Все должно быть лучше, чем эта жалкая мазня, намного лучше. Эразм надел на свое зеркальное лицо стилизованную маску задумчивости и размышления. Он не приблизился ни на шаг к пониманию сути человека, несмотря на целое столетие интенсивных исследований и рассуждений.

Медленно шагая, Эразм направился в свое излюбленное место для уединения, в ботанический сад, где он обыкновенно слушал классическую музыку, которая извлекалась при прохождении воздуха по трубчатым структурам клеток растений. «Рапсодия в голубых тонах», произведение древнего земного композитора.

В саду размышлений робот сел, подставил щеку под лучи красноватого заходящего солнца и почувствовал, как теплеет его металлическая кожа. Это еще одна вещь, которой люди явно наслаждаются, хотя Эразм не понимал почему.

Он не мог понять этого даже с помощью своих чувствительных усилительных модулей, которые воспринимали это воздействие и сообщали его искусственному мозгу, что на кожу воздействует тепло, она *нагревается*.

Но перегретая машина неминуемо ломается.

*Ковер Вселенной огромен и сложен
бесконечным многообразием своего рисунка.
Нити трагедии образуют основу этого ковра,
но человечество, в своем несокрушимом
оптимизме, ухитряется вышивать на этой
мрачной основе картины счастья и любви.
Когитор Квина. Архивы Города Интроспекции*

После долгого пребывания в космическом путешествии Ксавьер не мог думать ни о чем другом, кроме возвращения домой и горячих объятий Серены Батлер.

Получив отпуск, он приехал в поместье Тантор, к своим приемным родителям и их восторженному сыну Вергилю. Танторы были доброжелательной пожилой парой, мягкими и интеллигентными людьми со смуглой кожей и волосами цвета темного дыма. Ксавьер казался вылепленным из того же материала и обладал такими же моральными устоями. Он вырос в этом теплом и большом замке, который до сих пор считал своим родным домом. Хотя по закону наследования он обладал правами на держания Харконненов – шахты и промышленные предприятия на трех планетах, – в замке Танторов для него всегда были готовы комнаты.

Войдя в большие, знакомые до боли апартаменты, Ксавьер сразу увидел ожидавших его двух серых собак волчьей породы, которые радостно завиляли хвостами, увидев хозяина. Он бросил на пол сумку и принялся возиться с собаками. Животные, каждое размером больше его младшего брата, были очень игривыми и обрадовались Ксавьеру.

В этот вечер семья пиновала. На обед подали листы шалфея, зажаренные в меду, толченые орехи и оливки из собственных рощ Танторов. К несчастью, после отравления газами Ксавьер не мог чувствовать всей тонкости ароматов и вкуса подаваемых блюд. Повар не на шутку встревожился, увидев, как Ксавьер посыпает тончайшие блюда солью и перцем – чтобы вообще чувствовать хоть какой-то вкус.

Еще одна ценность, которую отняли у него мыслящие машины.

После обеда Ксавьер с удовольствием сел в огромное дубовое кресло и расположился перед ревущим пламенем камина, потягивая красное вино из виноградников Тантора. Вино тоже казалось ему почти безвкусным. Но он наслаждался пребыванием в тепле родного дома, где не надо было соблюдать военных порядков и субординации. Ксавьер провел почти полгода на борту высокоэффективных, но лишенных практически всех бытовых удобств кораблях Армады, но сегодня наконец он будет спать на роскошной кровати в собственной, отдельной спальне.

Один из серых псов, урча, положил лохматую голову на

затянутые в носки ноги Ксавьера. Напротив своего приемного сына в таком же кресле расположился Эмиль Тантор с венцом пепельных волос вокруг лысины. Эмиль с любопытством задавал вопросы о стратегических замыслах Синхронизированного Мира и о военных возможностях Армады.

– Каковы шансы дальнейшей эскалации войны после нападения на Зимию? Нельзя ли сделать нечто большее, чем просто отогнать их?

Ксавьер допил вино, налил еще полстакана себе и полный – старику, потом снова сел в кресло, постаравшись не потревожить верного пса.

– Ситуация выглядит довольно мрачно, отец.

Практически забыв своих настоящих родителей, Ксавьер называл владельца имения Тантор отцом.

– Но положение всегда было таким, начиная с времен титанов. Возможно, мы жили чересчур комфортабельно во времена Старой Империи и забыли, что значит быть самими собой, как жить в согласии с нашими возможностями, и вот через тысячу лет к нам пришла расплата за наше легкомыслие. Мы стали легкой добычей – сначала для злых людей, а потом для бездушных машин.

Эмиль Тантор пригубил вина и принялся безмолвно смотреть на огонь.

– Но есть ли хоть малейшая надежда? Есть ли что-нибудь, за что мы можем держаться?

Губы Ксавьера сложились в мягкую улыбку.

– Мы люди, отец. Пока мы будем на этом стоять, надежду нельзя считать потерянной.

На следующий день Ксавьер послал письмо в поместье Батлеров, прося разрешения сопровождать дочь вице-короля на ежегодной охоте на щетинника. Охота должна была продлиться два дня. Серена уже знала, что Ксавьер прибыл из поездки. Прибытие его кораблей было встречено с фанфарами, и теперь Манион Батлер ожидал доклада.

Однако салусанское общество придерживалось строгого формального этикета и вообще было несколько экстравагантным. Для того чтобы получить право сопровождать красавицу дочь вице-короля на охоте, желающий должен был помучиться ожиданием.

Поздним утром гонец вице-короля постучал в дверь замка Тантор. Вергиль, стоя рядом со старшим братом, рассмеялся, увидев, каким стало выражение его лица после прочтения письма.

– Ну что? Можно, я поеду с тобой? Вице-король ответил согласием?

С усилием напустив на себя строгость, Ксавьер ответил:

– Как он может отказать человеку, который спас Салусу Секундус от кимеков? Помни об этом, Вергиль, если ты хочешь, когда придет время, завоевать благосклонность юной леди.

– Мне надо спасти планету, чтобы заполучить подруж-

ку? – В голосе мальчика прозвучал явный скепсис, а потом, когда до него дошел смысл сказанного Ксавьером, то и полное недоверие.

– Если речь идет о такой благородной даме, как Серена, то ты действительно должен сделать именно это. – Ксавьер зашагал к большому дому, чтобы рассказать Эмилю о своих планах.

Следующим утром на рассвете Ксавьер оделся в свой лучший костюм для верховой езды и выехал в путь навстречу первым лучам солнца, направившись к поместью Батлеров. У отца он одолжил каурого салусанского жеребца, на редкость благородное животное. У коня была заплетенная грива, узкая морда, а его аллюр обладал изяществом, которого лишены менее породистые кони. У скакуна были крупные уши и яркие живые глаза. На гряде холмов, видные издалика, стояли рядами красивые белые дома – главный дом, конюшни, дома слуг и склады, расставленные по периметру решетчатой изгороди. Поднимаясь вверх по склону, Ксавьер оглянулся и увидел поднимавшиеся к небу белые шпили Зимии.

К гребню холма вела дорога, покрытая мелким песчаником. Гравий скрипел под копытами породистого жеребца, Ксавьер с наслаждением вдыхал хрустящий прохладой воздух. Он чувствовал влажный холодок наступающей весны, видел свежую зелень на деревьях, ощущая головокружительную прелесть ранних полевых цветов. Но он не чувствовал аромата воздуха, который вдыхал.

Виноградники, словно выстроившаяся стража, окружали холм. Они были ухожены и подстрижены, их заботливо поливали, и каждый куст был аккуратно подвязан к стойке так, чтобы гроздья висели выше уровня земли и чтобы их было легко собирать. Главный дом был обсажен прихотливо изогнутыми оливковыми деревьями, их низко расположенные ветви были усеяны белыми цветками. Ежегодно первые отжимки винограда и оливок были поводом для праздника в каждом салусанском хозяйстве. Виноградари с завистью смотрели на соседские лозы, гадая, чей виноград в этом году даст лучшее вино.

Когда Ксавьер через главные ворота въехал во двор, там уже было множество всадников в охотничьих костюмах. Лающие псы бросились к нему, прыгая вокруг ног жеребца, но благородное животное не обращало на собак никакого внимания, словно это были дурно воспитанные мальчишки.

Нанятые егеря схватились за хлысты и призвали собак к порядку. Несколько приземистых охотничьих лошадей нетерпеливо били копытами землю, не уступая в своей непоседливости собакам. Двое охотников громко свистнули, к ним присоединились остальные, готовые начать благородную забаву.

Из конюшни выехал Манион Батлер и обратился к охотникам. В эту минуту он был похож на командующего, отдающего приказы своим боевым товарищам. Увидев молодого офицера, вице-король приветственно поднял руку.

Потом Ксавьер увидел и Серену, сидевшую в богато украшенном седле на серой кобыле великолепного экстерьера. На девушке были высокие сапоги, брюки для верховой езды и такого же цвета жакет. Когда Серена увидела Ксавьера, глаза ее сверкнули, как электрические искры.

Легким галопом она приблизилась к тому месту, где стоял Ксавьер, и едва заметно улыбнулась ему уголками губ. Молодой Харконнен забыл о лающих собаках, мечущихся лошадях, перестал слышать крики и шум, ему хотелось одного – поцеловать Серену. Это желание было таким сильным, что молодой человек едва сдержал себя. Серена, однако, оставалась официально холодной и лишь протянула ему для пожатия затянутую в перчатку руку. Ксавьер взял протянутую руку и задержал в своей ладони ее пальчики.

Как ему захотелось сейчас стать таким же телепатом, как россакские колдуны, чтобы послать ей заряд своего желания. Но, видя явный восторг, написанный на лице Серены, Ксавьер понял, что она знает его чувства и вполне разделяет их.

– Путешествие на другие планеты было столь долгим, – сказал он, – но я все время думал только о вас.

– Все время? Вы должны были сосредоточиться на своих прямых обязанностях. – Она одарила его скептической улыбкой. – Возможно, нам представится случай побыть наедине во время сегодняшней охоты и вы расскажете мне о своих грезх.

Игриво взглянув на Ксавьера, она тронула кобылу и отъехала к тому месту, где находился ее отец. Понимая, что на них устремлено множество взглядов, она и Ксавьер предпочли выдержать достаточную дистанцию. Он подъехал к Батлеру и пожал протянутую ему руку в черной перчатке.

– Я благодарю вас за разрешение принять участие в охоте, вице-король.

Цветущее лицо Маниона Батлера осветилось улыбкой.

– Я счастлив, что вы смогли присоединиться к нам, терсеро Харконнен. Я уверен, что в этом году нам удастся выследить и завалить вепря. Звери точно есть в этих лесах, и мне, если признаться честно, давно хочется ветчины и отбивных. На свете нет ничего более вкусного.

Серена взглянула на Ксавьера озорными глазами.

– Отец, возможно, если вы выпустите вперед остервенело лающих псов, беспородных лошадей и людей, которые поломают на своем пути весь лес, то эти застенчивые звери сами выйдут вам навстречу.

В ответ Манион улыбнулся дочери так, словно она до сих пор была милым шаловливым ребенком.

Он снова обратился к Ксавьеру:

– Я очень рад, что вы будете здесь и сможете ее защитить, молодой человек.

Вице-король поднял правую руку. Затрубили в рога, в конюшне ударили в медный гонг. Чистокровные псы с лаем бросились к дальнему концу загона, туда же поскакали еге-

ря на охотничьих лошадях. Впереди, мимо оливковых рощ, пролегла тропинка, ведущая в поросший кустами салусанский лес. Два мальчика с расширенными от усердия глазами распахнули ворота, предвкушая свое первое участие в охоте на вепря.

Охотники выехали за ворота, словно подгулявшая буйная компания. Впереди неслись с бешеным лаем собаки, за ними проскакали крупные охотничьи лошади с профессиональными егерями. С ними ехал и Манион Батлер, неистово дуя в старинный охотничий рог, хранившийся в их семье со времен Бовко Манрезы.

Следом за крупными лошадьми спешили всадники на низкорослых конях. Это были помощники, готовые раскинуть лагерь и освежевать любую дичь, которая попадется охотникам. Эти же люди будут готовить стол после того, как охотничья партия вернется домой с главной добычей.

Сами же охотники уже рассредоточились вдоль кромки леса и въехали в него. Ксавьер и Серена не спеша трусили на своих лошадях в темно-зеленую гущу леса. Один из ясноглазых юношей придержал коня, оглянулся через плечо и подмигнул Ксавьеру. Он понимал, что молодая парочка меньше всего интересуется охотой.

Ксавьер погнал своего жеребца вперед. Серена ехала рядом, деревья вскоре начали редеть и впереди показалось русло ручья, заполненное несущимся весенним потоком. Заго-ворщически улыбнувшись друг другу, они прислушались к

удаляющимся звукам охоты – лаю собак, ржанию лошадей и звукам рога, в который продолжал старательно дуть Манион Батлер.

Личный лес Батлеров покрывал сотни акров, пересеченных звериными тропами. Большая часть леса сохранялась как заказник. Там было множество лугов, ручейков, гнездящихся птиц и полян с красивыми цветами, которые начинали попеременно цвести, как только исчезал снежный наст.

Ксавьер был просто счастлив остаться наедине с Сереной. Они ехали бок о бок, намеренно касаясь друг друга руками и плечами. Он протягивал руки, чтобы убрать с ее пути свисающую ветку, а Серена показывала Ксавьеру мелких птиц и зверей, называя их.

Одетый в удобный охотничий костюм, Ксавьер был вооружен церемониальным кинжалом, плетью и чендлеровским пистолетом, стрелявшим кристаллической дробью. У Серены был маленький нож и такой же небольшой пистолет. Но никто из них не собирался убивать дичь. Они приехали сюда охотиться друг за другом, и оба прекрасно понимали это.

Серена выбирала направление безошибочно, словно все время, пока Ксавьер отсутствовал, она ездила по лесу верхом в поисках уединенного места, где они могли бы провести время вдвоем. Наконец она проехала сквозь темную сосновую рощу и выехала на поляну, поросшую высокой травой, похожими на звезды цветами и камышами толщиной с человеческую голову. Камыши обрамляли пруд, заполненный

талой водой. Летом этот мелкий водоем питали подземные ключи.

– В воде образуются пузырьки, они очень приятно покалывают кожу, – сказала Серена.

У Ксавьера пересохло в горле.

– Не значит ли это, что ты хочешь поплавать?

– Пожалуй, холодновато, но в воде бьют теплые ключи, так что я, пожалуй, рискну.

Улыбнувшись, Серена прыгнула с лошади и пустила ее попасть на траве. Со стороны пруда слышался всплеск, но густые камыши закрывали обзор.

– Кажется, здесь много рыбы, – сказал Ксавьер. Он соскользнул с жеребца и, похлопав его по мускулистой шее, отправил пастись на густой траве рядом с серой кобылой.

Серена разулась, стянула с ног чулки и, закатав брюки до колен, босиком направилась к пруду, раздвигая по пути полые стебли травы.

– Хочу попробовать воду, – сказала она.

Ксавьер на всякий случай проверил, затянуты ли подпруги у жеребца. Он открыл одну из седельных сумок и вытащил оттуда бутылку свежего лимонада. Вслед за Сереной он пошел к камышам, представляя, как они с Сереной, обнаженные, поплывут бок о бок в этом тихом заброшенном пруду, как он поцелует ее...

Внезапно из камышей выскочил страшный вепрь и бросился вперед, разбрызгивая грязь и воду. Серена громко за-

кричала, скорее чтобы поднять тревогу, нежели от страха, и упала на спину в грязь.

Вепрь неистово бил землю раздвоенными копытами. Длинные клыки торчали из квадратной пасти, предназначенные для того, чтобы вырывать куски плоти и внутренности из врагов. У зверя были широко посаженные большие черные глаза. Он громко хрюкал, словно сейчас из его нутра полыхнет огонь. В легендах о великом вепре рассказывали о погибших на охоте людях, конях и собаках. Но как же мало осталось на свете этих животных!

– Серена, быстро в воду!

Вепрь обернулся, словно понял сказанное. Серена сделала то, что велел ей Ксавьер. Она побежала от вепря, бросилась в воду и поплыла, зная, что на глубоком месте он не сможет причинить ей вреда.

Вепрь выскочил из зарослей. Лошади испуганно заржали и отпрянули к краю поляны.

– Берегись, Ксавьер!

Зайдя в воду по пояс, Серена достала нож, хотя и понимала, что ничем не может помочь Харконнену.

Ксавьер принял боевую стойку, крепко упершись ногами в землю. В одной руке он держал кинжал, в другой – чендеровский пистолет. Не дрогнув, он направил заряженный кристаллической дробью пистолет в морду вепря и трижды выстрелил. Острые дробины пронзили щеки зверя, застряли в его черепе, ударили его в лоб. Другой выстрел разбил один

из клыков, но зверь продолжал нестись на Ксавьера, для отступления у вепря не было иного выхода.

Ксавьер выстрелил еще дважды. Из ран искалеченного зверя хлестала кровь, он был смертельно ранен, но даже неминуемая смерть не могла остановить его порыва. Когда вепрь с громким топотом поравнялся с Ксавьером, тот отскочил в сторону и молниеносным ударом кинжала перерезал зверю яремную вену и сонную артерию. Вепрь повернулся и с силой выплюнул кровь на Ксавьера, хотя сердце животного уже практически перестало биться.

Упавший вепрь придавил Ксавьера, но он сумел отбросить содрогавшуюся в конвульсиях тушу, стараясь избежать судорожных ударов уцелевшего, острого как бритва клыка. Убив вепря, Ксавьер с трудом встал на ноги и, шатаясь, побрел прочь. Он дрожал от пережитого потрясения. Охотничий костюм был пропитан водой и кровью кабана.

Ксавьер подбежал к канавкам на берегу пруда.

– Серена!

– У меня все хорошо, – ответила она, с плеском направившись к берегу.

Он посмотрел на свое отражение в тихой воде пруда и увидел, что его рубашка и лицо покрыты запекшейся кровью. Оставалось надеяться, что это не его кровь. Он опустил руки в воду, набрал пригоршню и плеснул холодной водой себе в лицо, потом опустил в воду голову, чтобы смыть с волос вонючую свиную кровь. Прибрежным песком он дочиста вытер

себе руки.

Подошла Серена. Ее одежда промокла насквозь, мокрые волосы прилипли к голове. Уголком куртки она промокнула кровь на шее и на щеках Ксавьера. Потом расстегнула ворот и смыла кровь с его груди.

– На мне нет ни одной царапины, – сказал он, не уверенный, что это правда. Одна сторона шеи саднила и горела огнем, грудь болела после столкновения с тяжелой тушей несущегося во весь опор кабана. Он сжал руку Серены, притянул ее к себе. – Ты уверена, что не ранена? Ты ничего не сломала?

– Это ты спрашиваешь меня? – сказала она недоверчиво. – Здесь не я храбро сражалась с кабаном.

Серена поцеловала Ксавьера. Ее губы были холодны от воды, но он прижал ее к себе, их рты приоткрылись, и дыхание влюбленных прогнало холод. Поцелуй все длился и длился, они не могли оторваться друг от друга. Ксавьер взял девушку за руку и отвел ее от берега, на поляну, подальше от туши мертвого кабана.

Откинув мокрые волосы с глаз и ушей, юные возлюбленные вновь принялись целоваться. Близко пронесшаяся смерть заставила их с особой остротой почувствовать прелесть жизни. Тело Ксавьера пылало, сердце неистово колотилось, хотя опасность уже миновала. Теперь его охватило волнение совсем иного рода. Как ему хотелось ощутить нежный, соблазнительный аромат ее духов, но его и без того сво-

дила с ума жилка, бившаяся на ее шее.

Серена стала замерзать в мокрой одежде, Ксавьер заметил, что ее белые руки покрылись гусиной кожей. Все, что он смог придумать, – это предложить ей раздеться.

– Я согрею тебя.

Она помогла ему расстегнуть ездовой жакет и блузку, а потом принялась расстегивать его выпачканную кровью рубашку.

– Только для того, чтобы убедиться, что ты не ранен, – сказала Серена. – Я не знаю, что бы я стала делать, если бы ты погиб.

Слова ее были сбивчивыми и прерывались нескончаемыми поцелуями.

– Нужно нечто большее, чем дикий кабан, чтобы разлучить меня с тобой.

Она рывком спустила с его плеч рубашку и принялась расстегивать манжеты, чтобы он мог совершенно ее снять. Трава на поляне была мягкой и роскошной. Лошади мирно паслись у кромки леса, а Ксавьер и Серена любили друг друга, не сдерживая своей страсти, шепча и выкрикивая друг другу слова своей любви.

Остальная часть охотничьей партии была, видимо, очень далеко, а ведь Ксавьер убил кабана и должен будет рассказать за ужином настоящую охотничью историю. Конечно, некоторые детали придется опустить...

На какое-то время война с мыслящими машинами пе-

рестала существовать. В этот краткий головокружительный миг они были просто любящими друг друга людьми, кроме которых на этом свете просто никого нет.

*Относительно науки существует одно
распространенное заблуждение, вера в то, что
чем больше мы развиваем технику и чем больше
узнаем, тем лучше становится наша жизнь.
Тлалок. «Эпоха титанов»*

Все, что можно вообразить, можно воплотить и в действительность, если к этому добавить немного гениальности.

Тио Хольцман неустанно повторял эту фразу в сотне речей, произнесенных им в Совете лордов Поритрина. Высказанные ученым концепции и достигнутые им успехи воспламеняли надежды и внушали уверенность в способность человека противостоять мыслящим машинам с помощью технических средств.

Ту же истину, как мантру, повторяли патрон Хольцмана лорд Нико Бладд и все представители Лиги Благородных. На заре своей карьеры Тио Хольцман понял, что отнюдь не всегда высшие награды и щедрые фонды получают лучшие ученые. Награды и деньги достаются самым ловким шоуменам и самым красноречивым политикам.

Нет, коллега Хольцман был действительно вполне достойным ученым. Он обладал исключительной технической образованностью, а его изобретения и системы вооружений с

успехом применялись в войне с Омниусом. Однако он приложил больше усилий для создания благоприятного общественного мнения и привлечения внимания к своей персоне, нежели для воплощения самих изобретений. Своим ораторским мастерством и умением высветить нужные детали Хольцман создал себе пьедестал славы, на котором ныне прочно стоял. Хольцман сделал себя героем Поритрина в отличие от прочих, менее красноречивых изобретателей, чьи имена утонули в реке забвения. Его способности завораживать аудиторию, зажигать в ней ощущение чуда, как возможного, превосходили его научные способности.

Для того чтобы поддерживать этот миф о самом себе, Хольцману были постоянно нужны новые идеи, разработка которых требовала вдохновения и длительных периодов углубленных размышлений. Он любил смотреть, как перед его мысленным взором проносятся различные идеи, подобные мелким камешкам, катящимся с крутого горного склона. Иногда камешки останавливались, производя много шума, но не приводя к результатам, но бывало и так, что какой-либо голыш вызывал стремительный обвал, лавину идей и мыслей.

Все, что можно вообразить, можно воплотить и в действительность.

Но сначала любую идею надо представить своим мысленным взором, она должна явиться творцу в его видениях.

Вернувшись домой после поездки на пострадавшую от на-

падения кимеков Салусу Секундус, он заказал отдельную каюту на комфортабельном дирижабле, тихоходном цеппелине, который, поднявшись в воздух в дельте реки над столичным городом Старда, начал дрейфовать с теплыми воздушными потоками, витавшими над бескрайними равнинами Поритрина.

Стоя на открытой палубе дирижабля, Хольцман рассматривал переливающееся всеми оттенками зеленого и коричневого море травянистой равнины с вкраплениями голубых пятен озер. Внизу, словно косяки рыб, проносились стаи птиц. Отдавшись на волю воздушных потоков, дирижабль медленно парил над землей без руля и без ветрил.

Хольцман всмотрелся в расстилавшийся впереди бесконечный горизонт. Безграничные расстояния, бесчисленные возможности. Гипнотические, медитативные, вдохновенные. Такие места открывали разум, делали возможными самые сумасшедшие концепции. Ум бросался в погоню за этими идеями, словно хищник за своей жертвой. Дирижабль тем временем проплывал над геометрически правильными силуэтами полей, которые, как татуировка, покрывали землю. Там были расположены фермы интенсивного труда, на которых выращивали сахарный тростник. А вот здесь растут тучные злаки и растения, из которых ткут поритринские ткани. Армия рабов работала на этих фермах и ранчо, словно мириады трудолюбивых муравьев.

Исходя из буколического понимания новохристианства,

жители Поритрина уничтожили сельскохозяйственных роботов и восстановили древний скромный дух сельскохозяйственной общины. При отсутствии сложных машин землевладельцам потребовался экстенсивный ручной труд множества людей. Много лет назад Саджак Бладд стал первым аристократом Лиги, который официально узаконил рабство как средство поддержания жизнеспособного сельского хозяйства.

Этот поритринский лорд узаконил акт установления рабовладения, но для перевода в рабское состояние выбирали только тех, кто провинился перед человечеством, особенно же буддисламских трусов, которые бежали на дальние планеты вместо того, чтобы сражаться с мыслящими машинами. Если бы эти люди не побоялись выступить на защиту человечества, то представили бы собой дополнительную силу, которая могла в корне изменить ход войны. Обработка земли была малой платой, которую пришлось платить потомкам беглецов за трусость своих предков.

Хольцман принялся расхаживать по палубе дирижабля. Он заказал себе стакан сахарного сока и, размышляя, потягивал сладкую жидкость. Глядя на расстилавшееся внизу море травы, он отпустил на волю свой разум и воображение. Ничто не отвлекало его, но вдохновение по-прежнему не приходило. Великий ученый часто пускался в такие путешествия для того, чтобы сконцентрировать мысли и сосредоточить дух, просто глядя при этом в пространство. Это

была трудная работа, хотя стороннему наблюдателю могло показаться, что великий Тио Хольцман наслаждается заслуженным отдыхом.

Учитывая прежние заслуги Хольцмана, Нико Бладд позволил ему разрабатывать любые системы вооружения, какие только могли прийти в голову ученого. К несчастью, в течение последнего года, как вынужден был признаться самому себе Хольцман, в его голову не пришло ни одной стоящей идеи.

Гений – ничто без творческого импульса. Конечно, коллега Хольцман может некоторое время продержаться за счет своих прежних заслуг. Но тем не менее он должен регулярно что-то изобретать, иначе даже лорд Бладд усомнится в его возможностях.

Такого Хольцман допустить не мог. Это было вопросом гордости и делом чести.

Хольцман был глубоко уязвлен тем фактом, что кимеки так легко пробили брешь в его уничтожающем поле на Салусе Секундус. Как мог он – и все прочие инженеры и техники, работавшие над проектом – проигнорировать тот факт, что кимеки – это существа с человеческим мозгом, а не с гелевыми контурами типа А1? Это было существенное, приведшее к катастрофическим последствиям упущение и недосмотр.

Однако обрушившийся на него поток человеческой веры и надежды – не говоря о щедром финансировании – оказывал на него сильное, все возрастающее давление. Люди ни за

что не позволят ему сейчас уйти от дел. Он должен найти какое-то решение, чтобы спасти положение и выручить род человеческий.

Вернувшись в тишину своей лаборатории в Старде, он принялся за систематические поиски, читая диссертации и теоретические статьи, доставленные ему, и пытаясь использовать потенциально заложенные в них решения. Многие статьи носили эзотерический характер, они были вне его компетенции, но в какой-то момент ему в голову все же пришла полезная идея.

Хольцман взял с собой на дирижабль некоторые статьи и сообщения, чтобы проанализировать их во время полета над поритринскими равнинами. Одна из таких весьма амбициозных и интригующих статей была написана неизвестным теоретиком с Россака по имени Норма Ценва. Насколько можно было понять, у этой молодой женщины не было никаких рекомендаций и связей в научном мире, но ее концепции удивляли своей глубиной. Она сумела взглянуть на простейшие, общеизвестные вещи под совершенно неожиданным углом зрения. Он интуитивно заинтересовался ее работой, это был настоящий научный инстинкт. И она так мало известна...

Когда на поритринский небосклон высыпали звезды, Хольцман уединился в своей каюте, потягивая теплый фруктовый напиток. Он вчитывался в вычисления Нормы, по несколько раз анализируя их в уме, отыскивая в них ошибки и пытаясь понять суть работы. Этот молодой, никому не

известный математик, как представляется, лишен каких бы то ни было претензий. Эта девушка выудила новые идеи из туманного облака и теперь хочет разделить их с человеком, которого она считает интеллектуальным собратом. Задержав внимание на некоторых выводах Нормы, Хольцман вдруг понял, что сомневается не в постулатах Нормы, а в своем научном бессилии. Было ясно, что Норма Ценва работала, охваченная порывом неземного вдохновения.

Это было как раз то, что нужно.

Хольцман без устали размышлял всю ночь до утра, и только когда забрезжил рассвет, он потянулся и прилег, чтобы немного поспать. Решение было принято. Воздушный корабль, плавно покачиваясь, плыл по воле тихого ветра над мирными ландшафтами Поритрина. Ученый уснул с блаженной улыбкой на лице.

Скоро он лично встретится с Нормой. Возможно, кое-какие ее идеи удастся приложить к разработке приборов, которые Хольцман намеревался использовать в войне с мыслящими машинами.

В тот день ученый написал персональное приглашение Норме Ценва и отправил его на Россак с курьером Лиги. Молодая женщина, выросшая на уединенной планете среди джунглей, может оказаться его спасительницей, если, конечно, он правильно распорядится ситуацией.

Возможности – это весьма обманчивый

*урожай. Их крошечные цветки трудно
разглядеть и еще труднее сорвать.
Неизвестный автор*

Чувствуя себя незванным гостем, Норма Ценва стояла в кабинете матери, рассеянно глядя на шатер пурпурных древесных крон за окном. Снаружи моросил мелкий кислотный дождь. В каплях, падавших с высокого неба, содержались вредные ядовитые вещества, выброшенные в атмосферу вулканами, бушевавшими в дальних краях. На горизонте появились приближавшиеся тучи. Скоро разразится настоящий ливень.

Что хотел найти здесь Аврелий Венпорт, посылая ее сюда? Ее суровая мать поддерживала в своем кабинете аскетически строгий порядок. Стены чисто выбелены. Никаких украшений интерьера. В алькове хранились тонкие одежды колдуньи, которые были слишком велики для Нормы. Зуфа Ценва была пугающе красива, бьющая в глаза чистота делала ее столь же совершенной – и столь же неприступной, – как классическая статуя. Если бы она даже не обладала телепатическими способностями, Зуфа все равно притягивала бы мужчин, как пчел притягивает мед.

Но главная колдунья обладала лишь поверхностной привлекательностью и женственной красотой, в глубине ее существа таилась беспощадность, которую она никогда не показывала Норме. Дело не в том, что Зуфа не доверяла дочери, она просто считала девочку недостойной большого вни-

мания. Как и большинство ее коллег-телепаток, Зуфа обожала таинственность.

Однако Аврелий видел за всей этой завесой нечто совсем иное.

– Ты не пожалеешь, если откроешь эту изнанку, Норма, – сказал он девушке с хитрой улыбкой. – Думаю, со временем мама все тебе расскажет. Но, правда, я думаю, что такой рассказ не относится к ее главным приоритетам.

Я никогда не была ее главным приоритетом. Охваченная любопытством, дрожа от страха, что ее могут застигнуть на месте преступления, Норма продолжила поиски.

Взгляд ее задержался на лежавшей на рабочем столе записной книжке в фибровом переплете. На толстой книжке виднелась наклейка с непонятной надписью, столь же таинственной, как и математические формулы Нормы. Подслушивая однажды разговор колдуний, Норма узнала, что они называют свой тайный язык азхаром.

Вернувшись с Салусы Секундус, мать повела себя еще более скрытно и отчужденно, чем обычно. Казалось, что она пытается начать какое-то грандиозное предприятие, связанное с организацией отпора атакам кимеков. Когда дочь поинтересовалась у матери, какие военные приготовления проводятся, мать уклончиво ответила:

– Мы сами об этом позаботимся.

Большую часть времени главная колдунья проводила в каббалистическом обществе женщин, таинственно перешеп-

тывавшихся между собой. У Зуфы появилась новая страсть, новые идеи, которые она собиралась использовать против мыслящих машин. Если бы ее мать хотела хоть как-то приобщить свою карлицу-дочь к общему делу, то она нашла бы способ это сделать. Но Зуфа вычеркнула Норму из списка возможных помощников, не оставив ей ни малейшего шанса.

Самые одаренные женщины в количестве около трехсот основали для себя зону безопасности в грибовидных джунглях, перекрыв доступ туда для поисковых фармацевтических групп, нанятых Аврелием Венпортом. Когда эти разведчики пытались проникнуть в запретную зону, то всякий раз наталкивались на светившуюся странным светом баррикаду.

Вечно прислушивавшаяся к происходящему, Норма часто слышала необъяснимые взрывы и видела яркие вспышки в том месте, где отобранные Зуфой женщины проводили недели в напряженных тренировках. Мать стала редким гостем в своих скальных апартаментах...

Продолжая поиски, Норма обнаружила под коричневой записной книжкой два чистых листа; такой отбеленный пергамент использовали для передачи посланий курьеры Лиги. Наверное, это и было то, что хотел найти Аврелий.

Подтащив к столу скамеечку для ног, девушка взобралась на нее. Взглянув на заголовок, она поняла, что это официальный документ, присланный с Поритрина. Подталкиваемая любопытством и опасениями, что мать может неожидан-

но вернуться из джунглей, она взяла со стола документ и с удивлением прочла написанные аккуратным канцелярским почерком слова «Ученый Тио Хольцман».

По какой причине мог великий изобретатель написать письмо ее матери? Спустившись на пол, девушка прочла строку приветствия. «Дорогая Норма Ценва». С искаженным от напряжения лицом она прочла отправленное на ее имя послание, потом снова перечитала, испытывая восторг, смешанный с гневом. *Тио Хольцман хочет, чтобы я приехала к нему на Портрин, чтобы стать его ученицей. Он считает меня блестящим ученым. Я не могу в это поверить.*

И ее собственная, родная мать скрыла от нее послание или, во всяком случае, решила временно не отдавать его адресату. Зуфа ничего не сказала, возможно, из-за того, что не могла поверить в то, что великий савант Хольцман чего-то хочет от ее никуда не годной дочери. Какое счастье, что ей сказал об этом Аврелий.

Норма поспешила в деловой квартал скального поселения. Она нашла Венпорта в чайной лавке, где он назначил встречу с неважно выглядевшим торговцем. Когда этот темнокожий человек поднялся, чтобы уйти, Норма своей неуклюжей походкой подобралась к столу и влезла на его место.

Венпорт ласково улыбнулся девочке.

– Ты выглядишь очень взволнованной, Норма. Должно быть, ты нашла письмо саванта Хольцмана?

Она рывком протянула Венпорту пергамент.

– Мать попыталась скрыть от меня это послание с предложением работы и учебы.

– Зуфа – умопомрачительная женщина, я знаю, но ты должна постараться ее понять. Она искренне считает, что ни один из нас не способен делать что-либо сравнимое по ценности с тем, что умеет делать она. Зуфа ни во что не ставит наши способности. О, она вполне отдает себе отчет в том, что ты – талантливый математик, а я – удачливый и умный бизнесмен, но пойми, Норма, что наши умения, на ее взгляд, не могут быть даже поставлены рядом с ее талантами.

Норма заерзала на стуле; она не желала давать своей матери насладиться ее сомнениями.

– Но почему она спрятала письмо?

Венпорт рассмеялся.

– Возможно, ее очень смутило то внимание, какого ты удостоилась. – Он сжал ее руку. – Не волнуйся, я вмешаюсь, если твоя мать попытается не дать хода этому приглашению. Знаешь, поскольку она сейчас целиком поглощена своими занятиями с другими колдуньями, то я не думаю, что она станет сильно возражать против того, чтобы я заполнил соответствующие бумаги.

– Ты точно это сделаешь? Моя мать не сможет...

– Позволь, я сам позабочусь об этом. – Он горячо обнял девочку. – Я верю в твои силы и способности.

Действуя от имени Зуфы, Аврелий Венпорт сам послал официальный ответ знаменитому изобретателю, согласив-

шись прислать к нему Норму. Молодая женщина будет учиться на Поритрине и помогать Хольцману в его лаборатории. Для Нормы это был шанс, который выпадает один раз в жизни.

Мать, кажется, даже не заметила отъезда дочери.

*Дом человека везде, так как он – часть его
существа.*

Пословица народа дзенсунни

Даже здесь, посреди диких песков, слушая завывание ветра, Селим продолжал испытывать чувство небывалого счастья. Выживание само по себе превратилось в чудесную игру с пустыней.

Оставив за спиной мертвого червя, он попытался найти небольшую пещеру или расщелину в скалах, где можно было бы переждать стремительно надвигавшийся ураган. Испытывая отчаянную жажду, Селим озирался по сторонам, надеясь увидеть хоть какое-нибудь человеческое жилище, хотя он и сомневался в том, что кто-либо мог оставить след в этой жгучей глуши.

Определенно – никто из живущих.

После бесконечных переселений с одной планеты на другую дзенсунни наконец прибыли на Арракис и поселились здесь в разбросанных вдали друг от друга поселениях. В течение нескольких поколений этот народ-скиталец добывал в пустыне скудное пропитание, но только изредка удалялись люди от своих насиженных мест, опасаясь встречи с гигант-

ским червем.

Дикий песчаный червь унес Селима далеко от космопорта, далеко от жизненных источников, необходимых даже привыкшим к суровым условиям жизни дзенсунни. Перспективы выживания были на самом деле весьма слабыми.

И когда Селим наткнулся на упрятанную в скале древнюю испытательную ботаническую станцию, он едва поверил в свою добрую удачу. Несомненно, это было еще одно предзнаменование, ниспосланное ему Буддаллахом. Это было еще одно явленное ему чудо!

Он стоял перед куполообразным строением, возведенным здесь давно забытыми экологами, которые изучали когда-то Арракис и его нужды. Вероятно, здесь во время сезона бурь жили несколько ученых Старой Империи, которые записывали данные о погодных условиях и направлении господствующих ветров. Изношенное строение состояло из нескольких блоков, встроенных в скалу, наполовину засыпанных песком и потрепанных беспощадным временем.

Подгоняемый обжигающими ударами песчинок, поднятых усиливающимся ветром – предвестником бури, Селим поспешно обошел покинутую станцию. Он увидел покосившиеся флюгеры, изъеденные временем коллекторы воздуха и другие приспособления для регистрации данных, которые выглядели давно вышедшими из строя. Что еще более важно, он сумел найти входной люк.

Руки и плечи болели после жуткого путешествия на спи-

не песчаного червя. Но Селим, преодолевая боль, простучал всю стену в поисках входа. Он смел в сторону песок и пыль, надеясь найти какой-нибудь ручной механизм, так как батареи давно потеряли свой заряд и перестали функционировать. Надо было попасть в убежище раньше, чем на него со всей своей неистовой силой обрушится песчаный ураган.

Селим и раньше слышал о таких местах. В нескольких из них побывали разведчики и бродяги дзенсунни. Эти автономные станции были размещены на Арракисе в золотые дни человечества, до того, как власть была захвачена мыслящими машинами, до того, как буддисламские беженцы начали искать спасения на других планетах. Этим автоматическим станциям было около тысячи лет, а может быть, и еще больше. Но в пустыне, где изменения окружающей среды происходят медленно, в течение многих тысячелетий, у времени совершенно иной ритм, чем в других климатических условиях.

Селим наконец нашел механизм, с помощью которого можно было открыть люк. Как он и опасался, батареи давно сдохли, и в них хватило заряда только на то, чтобы люк едва приоткрылся.

Ветер уже завывал во всю силу своего пустынного неистовства. Взметнувшийся в воздух песок повис на горизонте, словно черная туча, закрыв солнце. Пыль забивалась в незащищенные глаза и уши, Селим знал, что скоро ветер начнет хлестать его, как смертоносный кнут.

Приходя в отчаяние, он вставил в щель клык песчаного червя и использовал его как поворотный клин. Отверстие немного расширилось, но этого было недостаточно. Из внутреннего помещения станции на Селима пахнуло застоявшимся холодным воздухом. Напрягая из последних сил свои мучительно болевшие мышцы, Селим глубже засунул клык в щель и уперся ногами в скальную породу, чтобы всем телом надавить на рычаг.

Издав последний скрежет, люк поддался и раскрылся. Селим рассмеялся от счастья и бросил клык в помещение, где зуб песчаного червя со звоном ударился о выложенный металлическими плитами пол. Юноша протиснулся внутрь, и как раз вовремя – над головой уже слышался приглушенный рев песчаной бури.

Взметенный ветром песок проникал всюду – в переход, в вентиляционную решетку. Селим изо всех сил потянул на себя край люка. Если он не закроет его в течение следующей секунды, то будет поздно. Надо поспешить. Он все же сумел закрыть люк и заблокировать его. Теперь он был отделен от бушующего за стенами ветра.

Он в безопасности, в фантастически надежной безопасности! Селим рассмеялся, не веря в свою удачу, потом произнес молитву. Никогда еще не молился он с такой искренностью. Как можно было теперь сомневаться в благословении божьем?

Пользуясь тонким лучом потускневшего солнечного све-

та, Селим осмотрелся. К счастью, в стенах заброшенной станции были плазовые окна. Хотя плаз был поцарапан и замутилен многочисленными бурями, сквозь него открывался вполне сносный обзор и проникало довольно много света.

Помещение показалось Селиму настоящей пещерой сокровищ. При тусклом свете, проникавшем в помещение сквозь пыльную завесу, мальчик нашел плавающие светильники, которые тотчас и включил. После этого он вскрыл шкафы и кладовые. Многое из того, что он обнаружил, не представляло для него никакой ценности. Здесь были данные, которые он не мог прочесть, давно вышедшие из строя компьютерные системы обработки и хранения информации, странные инструменты с выгравированными на них названиями давно не существующих промышленных корпораций. Однако ему удалось найти капсулы с великолепно сохранившейся едой, которая не испортилась за все то время, что станция оставалась покинутой людьми.

Он открыл капсулу и съел ее содержимое. Хотя у пищи был несколько странный запах, Селим нашел ее восхитительной. Он почувствовал, что по жилам разливается живительная энергия, проникая во все клетки его измученного тела. В других емкостях оказались соки, которые показались Селиму божественной амброзией. Но самое главное – в помещении оказалась дистиллированная вода. Ее было здесь несколько сотен литров. Несомненно, она накопилась здесь за сотни лет, извлеченная из атмосферы автоматическими

приспособлениями, оставленными здесь участниками древней экспедиции.

Это было его личное богатство, превосходившее своими размерами все, что мог представить себе Селим. Он мог теперь без труда тысячекратно возместить племени воду, в краже которой его так несправедливо обвинили. Он мог горько вернуться в селение дзенсунни. Наibu Дхартхе придется простить его. Но Селим ни за что не признается в преступлении, которого не совершал.

Насытившись едой и водой, Селим удобно расположился в маленьком уютном помещении. Он никогда не доставит наibu Дхартхе удовольствия своим покаянным возвращением. Эбрагим предал его и их дружбу, а плутоватый наиб ложно обвинил его, Селима. Народ изгнал его, не надеясь, что он выживет. Теперь же, когда Селим нашел способ жить самостоятельно, зачем ему возвращаться и сдаваться на милость проклятого наива и его приспешников?

Две ночи молодой человек беспробудно проспал. На рассвете второго дня он проснулся и открыл другие емкости и шкафы. Он нашел инструменты, веревки, прочную одежду, строительные материалы. Открывшиеся перед ним возможности окрылили Селима и преисполнили его радости. Он в голос рассмеялся под невысоким сводом заброшенной ботанической станции.

Я жив!

Пока он спал, буря улеглась, не сумев, несмотря на все

усилия, пробиться в надежное убежище, обретенное Селимом. Чудовищный ветер унес большую часть песка, и выход из станции был свободен. Через огромное плазовое окно Селим рассматривал бескрайнее песчаное море, которое он пересек на спине гигантского червя. Дюны были свежи и безукоризненны. Мертвое тело червя, не выдержав столкновения с песчаной бурей, исчезло. Остался в живых только он, одинокий юноша.

Селим провидел впереди долгое путешествие, ощущая в себе призвание свыше. Ибо зачем Буддаллах сделал так много для того, чтобы несчастный Селим выжил?

Что еще хочешь ты, чтобы я сделал?

Улыбаясь, изгнанник смотрел на пустыню, думая о том, сможет ли он еще раз пересечь такое бескрайнее пространство. Открывающийся из окна вид наполнял его чувством огромного, непомерного одиночества. В отдалении были видны несколько скал, изъеденных бесконечными ветрами. Здесь и там виднелись жесткие растения. В канавках снова-таки мелкие пустынные животные. Дюны переходили в дюны, один пустынный пейзаж – в другой.

Зачарованный своими воспоминаниями и бесшабашно ощущая собственную неуязвимость, Селим решил наконец, что он должен рано или поздно сделать. В первый раз это была счастливая случайность, но теперь юноша лучше знал, что надо делать.

Он должен еще раз оседлать песчаного червя. И теперь эта

поездка будет не случайной.

Один из вопросов, на который Батлерианский джихад дал насильственный ответ, заключался в том, является ли тело человека простой машиной, которую может скопировать машина, сделанная руками человека. Исход войны со всей очевидностью ответил на этот вопрос.

Доктор Раджид Сук. «Посттравматический анализ человека как вида»

Оснащенный новыми воинскими приспособлениями, сконструированными специально для того, чтобы вселять ужас в сердца людей, живших на Гьеди Первой, Агамемнон шагал на своих бронированных ногах, оставляя позади разрушенные предприятия и объятые пламенем дома города. У хреттиров не было ни малейшего шанса устоять.

Завоевание Гьеди Первой прошло без затруднений.

Вторгшиеся на планету орды машин рванулись вперед, нацеливаясь на жилые комплексы и предавая их огню, превращая цветущие парки в выжженные поля. В соответствии с приказом Агамемнона – данным во славу Омниуса – неокимеки и воины-роботы оставили в неприкосновенности промышленность Гьеди Первой.

Агамемнон поклялся, что разгром Гьеди Первой послужит расплатой за унижение, которое пережили кимеки на Салусе Секундус. Но даже теперь наблюдательные камеры всемирного разума витали в воздухе, следя за тем, насколько

эффективно два титана руководят военной операцией.

Сопровождаемый своим верным товарищем Барбароссой, Агамемнон сканировал топографию столицы до тех пор, пока не обнаружил величественную резиденцию магнуса. Это было самое подходящее место для учреждения нового центра, где разместится синхронизированное правительство. То будет символический жест господства и вызов побежденному населению.

Воинская форма генерала кимеков представляла собой самое чудовищное нагромождение исполинских ног, какое он когда-либо носил. Электрические разряды возбуждали искусственные мышцы, натягивавшие прочные волокнистые тросы, которые, в свою очередь, приводили в движение снабженные смертоносным оружием конечности. Сгибая когти их пластичного текучего металла, он крушил строительные конструкции, воображая, что это черепа его врагов. Следом за Агамемноном шагал не менее чудовищно экипированный Барбаросса, смеявшийся от вида кровавого представления.

Переставляя свои многочисленные конечности, кимеки с грохотом проламывали себе путь сквозь обломки, усеявшие изуродованные улицы. Ничто не могло устоять на пути этих бывших некогда людьми военных вождей. Это положение напомнило старым боевым товарищам события тысячелетней давности, когда двадцать титанов завоевали Старую Империю, пройдя по мертвым телам своих врагов.

Так должно быть всегда. Разрушения только разжигали

аппетит ненасытных убийц.

Перед нападением Агамемнон внимательно изучил систему обороны Гьеди Первой с помощью наблюдательных камер, которые машины запускали на ее поверхность под видом мелких метеоров. Проанализировав полученные данные, генерал кимеков сострепал блестящий тактический маневр, воспользовавшись несколькими слабыми звеньями планетарной обороны. Омниус был готов заплатить сколько потребуется для завоевания еще одной планеты Лиги Благодарных, тем более что при проведении атаки не погиб не только ни один титан, потерь не было даже среди малоценных неокимеков. Был сбит только один управляемый роботами крейсер. Это, по мнению, Агамемнона, были вполне приемлемые потери.

Люди располагали здесь такой же системой разрушающих машинный разум полей, что и на Салусе Секундус, при этом передающие генераторы были сосредоточены в столице. Полевой генератор охранялся истребителями «кинжалами», непробиваемыми, по мнению строителей, укреплениями и массивными бронированными наземными боевыми машинами. Дикий вид человека извлек уроки из нападения на Салусу. Но этого было недостаточно для того, чтобы уберечь поля от уничтожения.

Оборонительные силы Гьеди Первой, расположенные на внешних орбитах, были просто сметены превосходящими

силами гигантского машинного флота. Омниус заранее примирился с любыми потерями среди роботов. Когда Агамемнон повел за собой обреченных на уничтожение роботов, у защитников планеты уже не было ни малейшего шанса остановить их.

Для того чтобы осуществить первый натиск, огромный крейсер роботов расположился точно над Гьеди-Сити, на борту крейсера находилось невообразимое количество взрывчатки. Десятки других автоматических крейсеров-роботов, двигаясь с машинной грацией, выстроились по периметру будущей зоны атаки. Ведомое экипажем из роботов огромное судно взревело всеми своими двигателями и, набрав полную скорость, устремилось к своей цели.

– Спускаемый аппарат продолжает сближаться с планетой, – доложил робот, командовавший крейсером, передавая изображения поля предстоящего сражения ожидавшим своей очереди истребителям. Впереди крейсера летели еще тридцать судов, выполняя отвлекающий маневр, но при этом на всякий случай нацеленные на ракеты наземного базирования. План был основан на грубой силе и подавляющем превосходстве, а не на военном искусстве. Тем не менее именно такой план обещал стать наиболее эффективным.

С работающим на полную мощность двигателем корабль-камикадзе, раскалившись добела, влетел в атмосферу Гьеди Первой. Скорость судна-снаряда была столь высокой, что на него не смогла среагировать ни одна противоракетная

система планеты. Другие крейсеры тоже приблизились к губительному для них защитному полю. Стали видны серо-белые облака дыма в тех местах, где запущенные с крейсеров ракеты нашли свои цели. Число крейсеров уменьшалось, но сокращалось и расстояние, отделявшее их от поверхности планеты. Люди были не способны остановить весь флот вторжения.

Обреченный крейсер-робот отправил Омниусу последнее развернутое изображение Гьеди-Сити, чтобы всемирный разум имел полную картину завоевания планеты. Изображение передавалось до последней наносекунды, до того, как корабль вошел в зону действия поля, уничтожившего гелевые контуры машин типа А1. Изображение стало статичным, а потом и вовсе исчезло с экранов.

Однако судьбоносный джаггернаут продолжал нестись к мишени. Даже с нейтрализованным полем Хольцмана контурами исполинский крейсер, словно молот, падал в точно предназначенное для этого место.

«Кинжал» в смертельном таране атаковал крейсер, но неуправляемый корабль был настолько велик и прочен, что в результате атаки на нем осталось всего лишь несколько вмятин.

Гигантский мертвый крейсер рухнул на генераторы защитного поля в предместье Гьеди-Сити. В месте падения образовался кратер диаметром в полкилометра. Испарился генератор, погибли все оборонительные системы и выгорели

близлежащие жилые кварталы. Опустошение было полным и окончательным.

Ударная волна снесла здания, находившиеся на расстоянии многих километров от места взрыва, еще дальше были выбиты все стекла. Защитное, сокрушающее машинный разум поле Хольцмана было нейтрализовано в мгновение ока, гвардия обороны Гъеди была смята и уничтожена.

После этого началось наступление сил вторжения – на планету высадились роботы и неокимеки.

– Барбаросса, друг мой, надо ли нам устроить торжественное вступление в поверженную столицу? – спросил Агамемнон, когда они подошли к резиденции магнуса.

– Конечно, так же, как мы сделали это, когда вслед за Глазломком входили в ратуши столиц Старой Империи, – ответил старый боевой товарищ генерала титанов. – Сколько лет прошло с тех пор, как я был свидетелем столь славной победы.

Они легко провели восторженных неокимеков по содрогавшейся от взрывов столице. Ошеломленные люди потеряли всякую способность сражаться. За кимеками маршировали роботы, спешившие закрепить успех и захватить территорию.

Хотя часть населения могла бежать и укрыться в подземных бункерах и убежищах, гражданское общество было сломлено и с течением времени должно было окончательно прекратить свое существование. Возможно, потребуются го-

ды и годы, чтобы подавить последние очаги человеческого сопротивления. Несколько десятилетий машинам придется терпеть партизанские наскоки ополоумевших бывших солдат и командиров гвардии, которые будут воображать, что их комариные укусы смогут заставить оккупантов упаковать вещи и убраться восвояси. Организация групп сопротивления станет совершенно бесполезным делом, но такова уж глупая природа человека, и не приходится сомневаться, что местное население принесет ей дань. Агамемнон подумал, не доставить ли сюда Аякса, чтобы полностью завершить зачистку. Жестокий военный вождь кимеков в особенности любил охотиться за людьми, что он доказал во время восстания хретгиров на Валгисе. Как только они установят копию всемирного разума на пепелище Гьеди-Сити, он отправит свои соображения по этому поводу новому воплощению Омниуса.

Агамемнон и Барбаросса взломали ворота резиденции правителя, сделав пролом, через который смогли бы пройти их громадные тела. Тем временем в здание хлынули воины-роботы, гораздо меньшие по размерам, чем воители-кимеки. Через несколько секунд роботы выволокли из здания светловолосого магнуса Суми и поставили его перед великими титанами.

– Мы завоевали твою планету именем Омниуса, – объявил Барбаросса. – Отныне Гьеди Первая стала частью Синхронизированного Мира. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами

для консолидации победы.

Магнус Суми дрожал от страха, но нашел в себе мужество презрительно плюнуть на разбитые огромными ногами кимеков плиты парадного подъезда.

– Поклонись нам, – приказал Барбаросса.

Магнус рассмеялся.

– Вы сошли с ума. Я никогда...

Агамемнон отвел в сторону свою гладкую металлическую руку. Он еще не в полной мере свыкся со своим новым телом и не знал его возможностей. Он намеревался ударить правителя по лицу, чтобы выразить охвативший его гнев. Но вместо этого рука нанесла удар такой силы, что торс человека развалился на мелкие кусочки, которые отлетели к дальней стене и упали в мгновенно натекшую лужу крови.

– Вот так, – произнес Барбаросса. – Впрочем, мое требование было простой формальностью.

Агамемнон направил на второго титана свои стекловолоконные оптические датчики.

– Принимайся за дело, Барбаросса. Эти роботы тебе помогут.

Титан – гений программирования – принялся разбирать электронные системы дома и монтировать новые силовые установки и ставить новые приборы. Выполнив проводку и поставив крепления, он установил в гнездо прочную гелевую сферу, в которую загрузил новейшую версию разума Омниуса.

Все это дело заняло несколько часов, в течение которых роботы сил вторжения передвигались по городу, занимаясь тушением пожаров и восстанавливая разрушенные промышленные предприятия, которые Агамемнон считал важными для дальнейшего развития планеты.

Роботы тем не менее не стали тушить пожары в жилых кварталах столицы. Здания продолжали гореть. Пострадавшим людям было предоставлено самим выбираться из бедственного положения. Несчастье поможет им понять всю безнадежность их положения.

Пролетавшие над головой надоедливые наблюдательные камеры фиксировали все происходящее. Но это можно было и потерпеть, то, что они фиксировали на этот раз, было полной и окончательной победой. Агамемнон не проявлял никаких признаков нетерпения или недовольства, зная, что сопротивление компьютерному всемирному разуму бесплодно. *Пока.* Для удара надо будет выбрать подходящее время и нужное место.

Когда новое воплощение всемирного разума будет установлено и активировано, Омниус наверняка не выразит ни одобрения действий двух титанов, одержавших блестящую победу, ни упреков по поводу гибели своего машинного джаггернаута. Для Омниуса это будет всего лишь хорошо проведенная военная операция, в результате которой в короне всемирного разума, а следовательно, и в составе Синхронизированного Мира, появится еще одна, завоеванная силой

оружия, жемчужина человеческой цивилизации. Еще один психологический и стратегический успех.

Когда загрузка гигантского объема памяти Омниуса была наконец закончена, Агамемнон активировал новую копию распространенного и на эту планету всемирного разума. Система ожила, и всезнающий компьютер принялся исследовать свое новое владение.

– Добро пожаловать, лорд Омниус, – проговорил Агамемнон, обращаясь к настенным громкоговорителям. – Я предоставляю вам в дар еще одну планету.

Мы бываем на верху блаженства, когда планируем свое будущее, отбрасывая всякие ограничения с нашего оптимизма и силы воображения. К несчастью, Вселенная не всегда следует нашим планам.

Настоятельница Ливия Батлер. Запись из личного дневника

Хотя свадьба Серены и Ксавьера была решенным делом, жених и невеста счастливо пережили изысканный банкет, который вице-король Манион Батлер дал в своем поместье на вершине холма по случаю их помолвки.

Эмиль и Луцилла Тантор доставили на банкет корзины яблок и груш из своих садов, а также огромные кувшины приправленного ароматическими травами оливкового масла, в котором обычно подавали свежее испеченные праздничные рулеты. Манион Батлер поставил на столы жаркое из говядины, запеченную с пряностями птицу и фаршированную

рыбу. Серена расставила на столах доставленные из ее теплиц яркие цветы, за которыми она умело ухаживала с самого детства.

Известные салусанские артисты украсили пестрыми лентами кусты живой изгороди внутреннего двора и демонстрировали там народные танцы. Женщины с украшенными драгоценными камнями гребешками в темных волосах были одеты в белые одежды, покрытые затейливой вышивкой. Юбки развевались, как полотнища флагов, женщины кружились в танце, а щегольски одетые кавалеры расхаживали между ними с важным видом, как павлины во время брачных игр. Вечернюю прохладу оживляли звуки балисетов, на которых играли знаменитые музыканты.

Ксавьер и Серена были одеты изысканно и строго, как подобает гордому офицеру и талантливой дочери вице-короля Лиги. В начале вечера они обошли всех собравшихся гостей, обращаясь по имени к представителям всех родовитых семейств. Им пришлось попробовать все вина, которые привезли со своих виноградников отпрыски аристократов Лиги. Ксавьер не мог насладиться вкусом вин и следил только за тем, чтобы не опьянеть – у него и так кружилась голова в предвкушении свадьбы.

Больше всех была взволнована Окта, младшая сестра Серены. Широко открытыми глазами смотрела она на чарующее великолепие старшей сестры и наяву грезила о таком же молодом офицере, который в один прекрасный день станет

ее мужем.

Как это ни странно, но склонная к отшельничеству мать Серены, Ливия, приехала на праздник в имение Батлера. Супруга Маниона редко покидала Город Интроспекции, где она жила вдали от забот и ужасов суетного мира. Приют просвещенных философов существовал благодаря заботам Батлера. Первоначально этот город был основан как прибежище ученых, изучавших систему Дзен Хэ-киганышу с планеты Дельта III Павонис, таврахский и талмудический закур и даже ритуалы обеах. Однако под патронажем Батлера город расцвел. На протяжении тысячелетий никто не видел столь благополучного города углубленных в науку философов.

Ксавьер не часто видел мать Серены, особенно в последние годы. Загорелая, с тонкими чертами лица, стройная Ливия Батлер отличалась цветущей красотой. Она от души радовалась помолвке своей дочери и с удовольствием танцевала со своим жизнерадостным мужем или сидела рядом с ним за праздничным столом. Она была вовсе не похожа на женщину, покинувшую свет.

В течение многих лет крепкий брак Ливии и Маниона вызывал зависть всех благородных семейств Лиги. Серена была старшим ребенком, но через два года у супругов родились двойняшки – тихая и застенчивая Окта и умный живой мальчик Фредо. Серена пошла учиться в политическую школу, а младшие брат и сестра воспитывались вместе, вырастая близкими по духу единомышленниками, хотя ни у одного из

них не было таких честолюбивых амбиций, как у старшей сестры.

Фредо был очарован музыкальными инструментами, увлекался народной музыкой и музыкальными традициями величайших планет Старой Империи. Он упорно учился, чтобы стать музыкантом и поэтом. Окта же посвятила себя живописи и скульптуре. В салусанском обществе художники и творческие личности почитались не меньше, чем одаренные политики.

Однако в возрасте четырнадцати лет сладкоголосый Фредо умер от какого-то тяжелого заболевания. Кожа его покрылась пурпурными пятнами, в течение нескольких месяцев он худел, мышцы его становились все тоньше и слабее. Кровь перестала свертываться, а желудок перестал переносить даже самую жидкую похлебку. Салусанским врачам никогда не приходилось сталкиваться с такой болезнью. Вне себя от горя, Батлер обратился за помощью к Лиге.

Лекари Россака предложили целый ряд экспериментальных лекарств, изготовленных из грибов, растущих в джунглях, для лечения неизвестной болезни Фредо. Ливия настаивала на том, чтобы врачи испробовали все возможные средства. К несчастью, юноша плохо отреагировал на третье лекарство. У него развилась аллергия, горло так распухло, что у Фредо начались судороги, и он перестал дышать.

Окта тяжело переживала смерть брата и, кроме того, начала опасаться и за свою жизнь. Врачи признали болезнь Фре-

до наследственной, поэтому Окта и ее старшая сестра могли в любой момент заболеть ею сами. Окта внимательно следила за своим здоровьем и проводила каждый день в страхе. Ей казалось, что в любой момент ее жизнь может закончиться так же страшно и трагично, как жизнь ее брата.

Отличавшаяся жизнерадостностью и оптимизмом Серена как могла утешала и воодушевляла сестру, играя роль жилетки, в которую Окта могла всегда выплакать свой страх. Мечты Окты потеряли всю свою живость, энергия покинула девушку. Она перестала заниматься любимым искусством, стала тихой и задумчивой. Теперь Окта превратилась в хрупкую девочку-подростка, которая надеялась, что какое-нибудь чудо снова воспламенит ее, вернув ей радость и полноту жизни.

Ливия, несмотря на то что ее супруг сделал блестящую политическую карьеру и пользовался все возрастающим авторитетом, Ливия, которая всегда отличалась живым темпераментом, удалилась от общественной и светской жизни в прибежище города ученых, где она сосредоточилась на философских и религиозных вопросах. Она жертвовала большие суммы на укрепление этой духовной крепости, на строительство палат медитации, храмов и библиотек. После многих бессонных ночей, проведенных в дискуссиях с Мыслящей Женой, Ливия стала настоятельницей Города Интроспекции.

После личной трагедии Манион Батлер целиком посвятил

себя политике и делам Лиги, а Серена, ощутив на плечах груз ответственности, поставила перед собой более высокие и честолюбивые цели. Хотя она была не в состоянии вылечить своего брата, Серена решила бороться со страданиями других людей везде, где это было возможно. Она с головой окунулась в политику, начала бороться с рабством, которое все еще существовало на многих планетах Лиги, и принялась изыскивать способ свержения ненавистного ига мыслящих машин. Никто не мог упрекнуть Серену в недостатке предвидения и энергии...

Живя теперь порознь, Манион и Ливия Батлер оставались столпами салусанского общества. Супруги гордились достижениями друг друга. Они не были разведены, можно даже сказать, что духовно они стали ближе. Просто каждый шел по жизни своим путем. Ксавьер знал, что иногда мать Серены приезжает к Батлеру, проводит с ним ночи и наслаждается обществом дочери. Но каждый раз Ливия возвращалась в Город Интроспекции.

Помолвка Серены была событием достаточно важным для того, чтобы Ливия Батлер показалась в обществе. После того как Ксавьер четыре раза подряд протанцевал со своей будущей женой, настоятельница Ливия решила пригласить на танец своего будущего зятя.

Позже, когда салусанские менестрели заиграли бесконечную «Балладу долгого пути», Ксавьер и Серена покинули гостей и отправились в замок. Ливия рыдала, глядя на музы-

кантов и вспоминая своего Фредо, который так хотел стать исполнителем народных мелодий... Сидевший рядом Манион Батлер ласково гладил жену по волосам, стараясь смягчить ее безутешное горе.

Все время, пока продолжался вечер в их честь, Серене и Ксавьеру приходилось соблюдать приличия и занимать гостей, послушно пробуя вина и кушанья. Они смеялись любой остроте, какой бы плоской она ни оказалась, чтобы не обидеть представителей выдающихся семейств. Теперь они хотели только одного — хотя бы на несколько мгновений остаться наедине.

Они выскользнули из зала и торопливо пошли по коридорам замка мимо раскаленных кухонь и пахнущих пряностями кладовых к маленькой комнатке, расположенной рядом с павильоном Зимнего Солнца. Зимой косые лучи низкого солнца заливали помещение бронзовым радужным светом. Это было место, где семейство Батлеров имело обыкновение завтракать в холодное время года, наслаждаясь беседами и видом восходящего солнца. Это было, кроме того, место, с которым у Серены были связаны дорогие ее сердцу воспоминания.

Они вошли в уютный альков, стены которого были обшиты блестящими панелями. Несмотря на это украшение, в алькове царил полумрак. Серена притянула к себе Ксавьера и поцеловала его в губы. Он погладил ее по волосам и, исполненный жгучего желания, приник к ее губам в долгом

страстным поцелуе.

В холле послышались торопливые шаги, возлюбленные застыли, затаив дыхание, беззвучно смеясь над своим тайным свиданием. Но Окта легко обнаружила их убежище. Зардевшись от смущения, девушка отвела взгляд.

– Вы должны вернуться в банкетный зал. Отец уже распорядился подавать десерт. И самое главное, прибыл посланник с какой-то планеты.

– Посланник? – Тон Ксавьера внезапно стал по-военному четким и сухим. – Откуда?

– Он прибыл в Зимию и потребовал аудиенции в парламенте Лиги, но поскольку все аристократы здесь, то сейчас он направляется к нам.

Выставив локти, Ксавьер предложил обеим сестрам опереться на его руки.

– Пойдем в зал вместе и послушаем, что скажет нам посланник. – Стараясь говорить легкомысленным тоном, Ксавьер добавил: – В конце концов, я сегодня так и не поел. Пожалуй, мне стоит съесть миску жареной драчены и блюдо запеченных сладких яиц.

Окта хихикнула, но Серена притворно нахмурилась.

– Кажется, мне придется всю жизнь прожить с толстым мужем.

Они вошли в зал, где сидевшие за длинным столом гости раздавали должное роскошному десерту, который выглядел настолько красиво, что его жалко было есть. Манион и Ли-

вия Батлер, сидевшие во главе стола, встали, чтобы провозгласить тост за здоровье жениха и невесты.

Пригубив вино, Ксавьер вдруг ощутил нотки беспокойства в голосе вице-короля. Все гости делали вид, что их не очень волнуют вести, которые сейчас сообщит им посланник какой-то неизвестной планеты. Однако в тот миг, когда раздался стук в дверь, все перестали дышать. Манион Батлер сам открыл дубовые створки богато убранной двери и пригласил прибывшего войти в зал.

Перед собравшимися предстал не официальный курьер Лиги. У человека были беспокойные глаза, а его офицерский мундир был запылен и помят. Чувствовалось, что офицеру было сейчас не до официального протокола и соблюдения светских приличий. Ксавьер узнал знаки различия внутренней гвардии Гьеди Первой. Офицерская форма, как форма всех планет Лиги, была украшена золотым значком свободного человечества.

– Я привез тревожные вести, вице-король Батлер. Самый быстрый корабль доставил меня к вам.

– Что произошло, молодой человек? – В голосе Маниона прозвучал плохо скрытый страх.

– Гьеди Первая пала жертвой мыслящих машин.

Послышались крики недоверия, и офицеру пришлось повысить голос.

– Роботы и кимеки нашли уязвимое место в нашей обороне и вывели из строя генераторы защитного поля. Многие

наши люди убиты, а уцелевшие обращены в рабов. Новый всемирный разум Омниус уже активирован.

Люди в зале издали единодушный вопль ужаса, услышав новость об этом сокрушительном поражении. Ксавьер так сжал руку Серены, что испугался, не сделал ли он ей больно. Внутренне он окаменел, ощутив холодную тяжесть в желудке.

Он только недавно вернулся с Гьеди Первой, где инспектировал состояние ее систем обороны. Тогда Ксавьер горел желанием поскорее закончить осмотр, чтобы быстрее вернуться к Серене. Неужели он что-то пропустил? Он зажмурил глаза, и выкрики и вопросы, звучавшие в зале, слились для него в неразборчивый гул. Виноват ли он в произошедшем несчастье? Неужели небольшая ошибка, легкое нетерпение влюбленного молодого человека могли стать причиной падения целой планеты?

Чтобы сохранить равновесие, Манион Батлер уперся в стол обеими ладонями. Ливия, желая поддержать мужа в трудную минуту, положила руку на его плечо. Закрыв глаза, настоятельница беззвучно произносила молитву.

Вице-король заговорил:

– Еще одна свободная планета пала и стала частью Синхронизированного Мира. Я уже не говорю о том, что эта планета была нашим наследственным держанием. – Он выпрямился и судорожно перевел дух. – Мы должны немедленно собрать военный совет и вызвать сюда всех представителей

Лиги Благородных. — Многозначительно взглянув на Серену, он добавил: — Надо разослать приглашения также всем, кто выступает от имени несоюзных планет, но желает присоединиться к нам в нашей борьбе.

Всё во Вселенной содержит порок и изъяны, включая нас самих. Даже сам Бог не пытается добиться совершенства в творениях Своих. Только человечество упрямо и непрестанно совершает эту глупость в своей непомерной гордыне.

Мыслящая Жена. Архивы Города Интроспекции

Ее неистовые крики оглашали стоявший на скалах город, возвышавшийся над серебристо-пурпурными джунглями. Зуфа Ценва, обливаясь потом, корчилась на подушках в своих личных апартаментах. Она кричала от боли, сжав зубы и уставившись в потолок остекленевшими глазами.

Одна, совсем одна. Никто не осмелился приблизиться к впавшей в неистовство колдунье Россака.

Металлические занавески входной двери скрежетали от кинетической энергии дуновения телепатического потока. Стенные полки содрогались от психических всплесков Зуфы. Упавшие горшки и футляры валялись на полу в полном беспорядке.

Светлые волосы Ценва встали дыбом и шевелились, как клубок змей, движимые ее внутренней энергией. Белые руки, словно тиски, сжимали спинки лежанки. Если бы ка-

кая-нибудь женщина осмелилась в этот момент подойти к Ценва, чтобы успокоить ее, она бы расцарапала такой доброжелательнице лицо и силой телепатической энергии расплющила бы ее о чисто выбеленную стену.

Она снова закричала. Главная колдунья уже пережила несколько выкидышей, но ни один из них не был столь мучительным и разрушительным, как этот последний. Молча проклинала Зуфа Аврелия Венпорта.

Спина Зуфы сотрясалась, словно ее били электрическим током. Мелкие, красиво отделанные предметы взлетали в воздух, словно их дергали за невидимые упругие нити, а потом разлетались в разные стороны, падали и разбивались на мелкие осколки. Один цветочный горшок, окантованный металлом, с засушенными цветами, раскалился докрасна и с треском распался на дымящиеся куски.

Она судорожно вздохнула, когда по ее телу прошла еще одна мучительная судорога, сжавшая живот, словно тиска-ми. Казалось, что неродившийся ребенок хочет убить ее, замучить до смерти, прежде чем она сумеет вытолкнуть его из матки.

Еще одна неудача! А она так отчаянно хотела произвести на свет истинную свою дочь, наследницу, которая повела бы всех ее товарищей колдуний к новым высотам в постижении ментальной энергии. Ее снова подвел генетический индекс. Проклятый Венпорт и его ублюдок! Надо было давно его бросить.

Будучи вне себя от боли и отчаяния, Зуфа от всей души желала убить человека, зачавшего ребенка, хотя это именно она сама настояла на сохранении беременности. Господи, она же так тщательно подсчитала все генетические варианты, проследила все родословные! Спаривание с Венпортом должно было дать элитных отпрысков.

Ничего подобного у них не вышло.

Телепатические взрывы следовали один за другим, сотрясая здание и повергая в панический ужас женщин Россака. Потом Зуфа заметила Аврелия Венпорта, который собственной персоной стоял у порога комнаты, охваченный беспокойством и тревогой. Глаза его были исполнены заботы и сострадания.

Но Зуфа доподлинно знала, что он лжец и притворщик.

Не заботясь о собственной безопасности, Венпорт вошел в спальню, проявляя терпение, заботу и спокойствие. Ментальные всплески его возлюбленной бушевали в комнате, опрокидывая мебель. В яростной попытке уничтожить его она смела с полок несколько пустотелых скульптур, которые он дарил ей во время ухаживания и генетического тестирования.

Не обращая внимания на эти вспышки ярости, он шагнул вперед, словно его не касалась эта дикая злоба. В холле за его спиной раздались голоса, призывавшие к осторожности, но Венпорт не обратил на них ни малейшего внимания. Он подошел к ложу своей возлюбленной с улыбкой сострадания

и понимания.

Венпорт опустился на колени возле лежанки и погладил потную руку измученной Зуфы. Потом он наклонился к ее уху и зашептал какой-то сочувственный и утешительный вздор. Она не смогла разобрать ни одного слова и сдавила его руку, от всей души надеясь, что сейчас услышит треск его ломающихся пальцев. Но странное дело, он остался рядом с ней, ни в коей мере не уstraшенный ее ментальными всплесками и бешенством.

Зуфа начала выкрикивать ему в лицо обвинения в измене:
– Я чувствую твои мысли! Я знаю, что ты думаешь только о себе.

В своем воображении она уже видела сплетенный заговор, который она, в своем горячечном бреде, поспешно приписала злой воле Аврелия Венпорта. Если великая Зуфа Ценва перестанет опекать его, то кто возьмет его к себе как питомца, как бездомную собачонку? Кто станет заботиться о нем? Она очень сомневалась, что этот человек способен сам заботиться о себе.

Потом в ее душу закрался страх.

Вдруг он способен на это?

Венпорт послал Норму в далекое путешествие на Поритрин, устроив все за спиной Зуфы, потому что думал, что такой человек, как Тио Хольцман, действительно хочет работать с ее дочерью. Что он задумал? Она заскрежетала зубами, желая доказать ему, что ей понятны его намерения. Ее

угрозы перемежались судорожными вздохами.

– Ты... не можешь... дать мне умереть, ублюдок! Никто другой... не захочет иметь... тебя!

Но он в ответ посмотрел на нее спокойным, немного покровительственным взглядом.

– Ты много раз говорила мне, что я происхожу из хорошей генотипической линии, моя дорогая. Но я не хочу быть ни с кем из других колдуний и предпочитаю остаться с тобой.

Он понизил голос, глядя на нее с такой любовью, что она не смогла проникнуть в ее глубину.

– Я понимаю тебя лучше, чем ты сама понимаешь себя, Зуфа Ценва. Ты всегда давишь, всегда требуешь, чтобы человек дал больше, чем он может. Никто – даже ты сама – не может быть совершенством все время.

Испустив долгий мучительный вскрик, она вытолкнула наконец из своего чрева деформированный жесткий плод, уродливое и странное создание. Увидев кровь, Венпорт громко позвал помощниц, и две смелые акушерки бросились в спальню. Одна из них взяла полотенце и накрыла им извергнутый плод, а вторая обмыла промежность Зуфы и умастила ее болеутоляющими мазями. Венпорт прислал лучшие лекарства из своих личных запасов.

Наконец он сам взял извивающийся плод, с трудом удержав в руках кровавую куколку. У плода была темная кожа, покрытая странными пятнами. Казалось, что все лишнее рук и ног тело покрыто бесчисленными глазами. Плод дер-

нулся и перестал двигаться.

Венпорт завернул его в полотенце, стараясь не обращать внимания на подступившие к глазам слезы. Сохраняя на лице каменное выражение, Аврелий вручил изуродованный плод одной из акушерок, не произнеся при этом ни слова. Плод отнесен в джунгли, и никто больше не увидит его.

Измученная колдунья, содрогаясь всем телом, лежала на спине, только теперь приходя в себя и начиная понимать, где она находится и что с ней происходит. Ею вновь овладело отчаяние. Выкидыш нанес ей непоправимую травму, погрузил ее в печаль, сила которой намного превосходила горечь от провала так хорошо задуманной селекционной программы. Предметы в ее поле зрения вновь обрели привычную четкость, и она заметила, какие разрушения произвели в комнате ее психокинетические взрывы. Все вокруг говорило о слабости, о потере контроля над собой и ситуацией.

Это был уже третий выкидыш от ее связи с Венпортом. В душе Зуфы закипел гнев, ее охватило чувство глубокого разочарования.

– Я выбрала тебя за твою безупречную родословную, Аврелий, – процедила она сквозь сухие губы. – Что было сделано неправильно?

Он взглянул на нее без всякого выражения, словно его страсть смыло внезапно нахлынувшей волной.

– Генетика не принадлежит к числу точных наук.

Зуфа закрыла глаза.

– Неудача, снова неудача.

Она была самой могущественной колдуньей Россака, но и ей пришлось пережить так много разочарований. Вздыхнув от отвращения, Зуфа подумала о своей коротышке-дочери, не желая даже в мыслях допустить, что этот уродливый карлик – лучшее, чего она сумела добиться.

Венпорт покачал головой. Теперь, когда опасность миновала, его лицо приобрело суровое и нетерпеливое выражение.

– У тебя были успехи, Зуфа. Ты просто так и не научилась узнавать их.

Она заставила себя расслабиться, чтобы отдохнуть. Со временем она попробует еще раз, но уже с другим партнером.

*Слишком хорошо организованное исследование
ограничивает разум и с гарантией не приносит
ничего нового.*

Тео Хольцман. Письмо лорду Нико Бладду

Прибыв в конце своего первого дальнего космического путешествия на Поритрин, Норма почувствовала себя не в своей тарелке. Ее малорослость привлекала сочувственные взгляды, но все же формы ее тела были не настолько необычны, чтобы на нее оборачивались или показывали пальцами. На несоюзных планетах жили люди разных рас, и некоторые расы отличались малым ростом и короткими конечностями. Впрочем, все это не очень сильно занимало Норму. Ей хоте-

лось только одного – произвести благоприятное впечатление на Тию Хольцмана.

До отбытия Нормы на Поритрин ее высокомерная и отчужденная мать смотрела на дочь с примесью презрительной озадаченности. Зуфа пришла к выводу, что блистательный савант Хольцман либо ошибся в отношении ее дочери, либо слишком поспешно прочел одну из ее математических теорий. Зуфа надеялась, что дочь не задержится на Поритрине и скоро вернется домой.

Аврелий Венпорт уладил сам все формальности и даже из своих личных средств оплатил более уютную и удобную каюту, чем та, которую предложил Хольцман. Так как ее мать была занята подготовкой колдуний, Аврелий проводил Норму до пересадочной станции на орбите Россака. Перед тем как она ступила на борт судна, Аврелий Венпорт подарил ей на прощание красивый окаменевший цветок и сердечное объятие. Махнув рукой, он произнес с кривой усмешкой:

– Мы с тобой оба приносим лишь разочарование и должны держаться друг за друга.

Всю дорогу до Поритрина Норма вспоминала это теплое, но очень тревожное напутствие своего старшего друга.

Когда челнок приземлился в дельте города Старда, Норма аккуратно воткнула цветок Венпорта в свои редкие сероватые волосы. Это был островок красоты, выглядевший разительным контрастом на фоне ее некрасивого широкого лица, большой головы и шарообразного носа. На девочке были

надеты свободная блузка и удобные брюки из натурального волокна.

Норма затерялась в толкотне пассажиров, столпившихся у люка челнока. По счастью, у нее был с собой лишь небольшой чемоданчик. Выбравшись наконец в проем люка, Норма почувствовала необыкновенное стеснение. Ей захотелось скорее встретиться с ученым, которым она заочно восхищалась, с мыслителем, который воспринял ее всерьез. Она слышала множество рассказов о математическом даре Тио Хольцмана, и ей очень хотелось участвовать в развитии какой-либо отрасли, до которой у Хольцмана пока не дошли руки. Она от души надеялась, что не подведет ожидания прославленного саванта.

Осмотрев толпу встречающих, она сразу узнала именитого ученого. Гладко выбритый человек с длинными, до плеч, седыми волосами. Выглядел он пожилым, но еще совсем не старым человеком. Руки и ногти были тщательно ухожены, одежда безупречна и украшена многочисленными регалиями и значками. Он встретил Норму широкой улыбкой и раскрыл руки так, что широкие рукава скользнули к плечам, обнажив руки.

– Добро пожаловать на Поритрин, госпожа Ценва.

Хольцман в традиционном приветствии положил обе ладони на плечи девочки. Если он и испытал какое-то разочарование от физического облика Нормы, то не выказал этого ни единым жестом или словом.

– Я от всего сердца надеюсь, что вы привезли с собой ваше блестящее воображение. – Он протянул руку в направлении выхода. – Нам предстоит большая совместная работа.

Он провел ее сквозь толпу, заполнявшую космопорт, подалее от взглядов праздных зевак, потом, в стороне от здания космопорта, он усадил ее в роскошную летающую баржу, которая, взмыв в воздух, понеслась над городом Старда и живописной долиной реки Исана.

– Поритрин – мирная и безмятежная планета, где я могу позволить моему уму свободно блуждать и размышлять о вещах, которые помогут спасти и сохранить род людской. – Хольцман горделиво улыбнулся и посмотрел на девочку. – Я ожидаю от тебя того же.

– Я сделаю все, что смогу, савант Хольцман.

– О чем еще может мечтать человек?

Небеса Поритрина были покрыты легкими облаками, которые послеполуденное солнце окрасило в лимонно-желтый цвет. Баржа скользила над похожими на пальцы потоками воздуха, поднимавшимися от подвижных островов и песчаных дюн. Традиционные лодки плыли по течению широкой реки с зерном и грузами, направляясь в порты, из которых грузы отправляли в другие города и на иные планеты. В обмен на это с других планет Поритрин получал сырье, оборудование, промышленные товары и рабов для восполнения убыли в рабочей силе.

Некоторые из самых высоких зданий космопорта в дей-

ствительности представляли собой огромные лодки, то есть эти здания располагались на понтонах, стоявших на якорных стоянках посреди реки, прикованные к песчаниковым глыбам. Крыши этих зданий были сложены из слоев серебристо-голубого металла, выплавленного в далеких северных шахтах.

Хольцман широким жестом указал на утес, возвышавшийся над голубыми крышами Старды, застроенной по принципам классической навахристианской архитектуры.

– Мои лаборатории расположены на вершине этого утеса. Основные здания и вспомогательные постройки, жилье рабов и вычислителей, а также мой дом – все встроено в ту двойную спираль, вырубленную в скале.

Летающее судно по окружности приблизилось к двум каменным секциям, которые, подобно двум сплетенным пальцам, поднимались над берегом реки. Норма разглядела окна из листового плаза, крытые балконы и переходы, связывавшие купол одной спирали с конической башней с пристройками, венчавшей вторую спираль.

Хольцман не без удовольствия отметил изумление, отразившееся в глазах девушки.

– Норма, мы приготовили для тебя апартаменты, помимо твоей личной лаборатории с командой помощников, которые будут выполнять вычисления на основе твоих теорий. Надеюсь, что ты сумеешь загрузить их работой.

Норма озадаченно посмотрела на Хольцмана.

– Кто-то другой будет выполнять математические вычисления?

– Конечно!

Хольцман откинул со лба прядь серо-стальных волос и поправил на себе белую накидку.

– Ты – человек идеи точно так же, как и я. Мы хотим, чтобы ты развивала концепции, не заботясь об их конкретном приложении. Ты не должна терять свое драгоценное время на выполнение утомительных арифметических действий. Любой малограмотный человек сможет это сделать. Для этого и существуют рабы.

Когда летающее судно приземлилось на блестящие плиты посадочной палубы, подбежавшие слуги взяли багаж Нормы и предложили ей и Хольцману прохладительные напитки. Хольцман, которому, как мальчишке, хотелось не ударить лицом в грязь, повел Норму в свою лабораторию. Огромные помещения были заставлены водяными часами и магнитными скульптурами, в которых по магнитным дорожкам, без всяких проволок или подвесок, обращались замысловатые сферы. наброски и незаконченные чертежи покрывали электростатические столы. На листах, разбросанных вокруг столов, можно было видеть незаконченные длинные математические вычисления.

Оглядевшись, Норма поняла, что Хольцман оставил неоконченными больше концепций, чем она сумела отыскать за всю свою короткую жизнь. Даже если это и так, то

многие листы бумаги, испещренные формулами или геометрическими фигурами, успели пожелтеть от времени. Чернила выцвели, а края листов истрепались.

Взмахнув своим широким рукавом, Хольцман сбросил со столов эти интересные вещи.

– Это просто игрушки, забавные безделицы, которые я держу здесь для собственного удовольствия.

Он ткнул пальцем в подвешенный в электрическом поле серебристый шар, который, сместившись, заставил обращавшиеся вокруг него шары, имитировавшие небесные тела, закружиться по опасным орбитам.

– Иногда я забавляюсь ими, чтобы вдохновиться, но обычно они заставляют меня задуматься о других игрушках, а не оружии массового разрушения, которое мне приходится изобретать для спасения рода человеческого от тирании мыслящих машин. – Рассеянно нахмурившись, Хольцман продолжил: – Моя работа ограничена тем, что я не имею возможности пользоваться сложными компьютерами. Для того чтобы выполнять огромные вычисления, необходимые для проверки теорий, мне приходится полагаться на возможности человеческого разума и способность человека к вычислениям. Пойдем, я покажу тебе своих вычислителей.

Он повел девочку в ярко освещенное помещение с высокими окнами. Внутри помещения ровными рядами были расставлены одинаковые скамьи и письменные столы. За каждым рабочим местом, сгорбившись, сидели вычислители

с калькуляторами. По их бедной одежде и скучному выражению лиц Норма без труда поняла, что это некоторые из многочисленных поритринских рабов.

— Это единственный способ, каким мы можем имитировать способности мыслящих машин, — принялся объяснять Хольцман. — Компьютер может совершать миллиарды операций. Мы не можем этого делать, но, собрав достаточное количество людей, обученных производить вычисления и работающих согласованно друг с другом, мы также можем совершать миллиарды вычислений. Правда, на это у нас уходит несколько больше времени, чем у компьютера.

Он спустился в узкий проход между скамьями вычислителей, которые яростно выписывали на листы бумаги колонки цифр и математических символов, проверяли и перепроверяли результат и передавали его затем следующему вычислителю для последующей обработки.

— Даже самые сложные математические расчеты можно разбить на последовательность тривиальных шагов. Каждый из этих рабов обучен решать одно определенное уравнение, то есть они работают как на сборочном конвейере. Вместе этот коллективный человеческий разум способен творить подлинные чудеса.

Хольцман оглядел комнату, видимо, ожидая, что вычислители приободятся от его слов, но эти люди продолжали заниматься своей работой, глядя на цифры из-под полуопущенных, припухших от утомления век, не интересуясь ни ко-

нечными результатами своего труда, ни более общей картиной замысла теоретика.

Норма не испытывала к этим людям ничего, кроме истинного сочувствия, так как ее самую долгое время оскорбляли и игнорировали. Она знала, правда, чисто теоретически, что на многих планетах Лиги процветает самое настоящее рабство так же, как и на планетах, покоренных мыслящими машинами. Тем не менее Норме казалось, что эти люди счастливы заниматься интеллектуальным трудом вместо того, чтобы гнуть спину на сельскохозяйственных работах.

Сделав широкий жест, Хольцман обвел рукой помещение. – Любой из этих вычислителей окажется в твоём распоряжении, Норма, как только тебе потребуется верифицировать какую-либо теорию. Естественно, следующим шагом станет построение модели для дальнейшей проверки и развития. У нас множество лабораторий и испытательных стендов, но самая главная часть работы совершается вначале, – он постукал пальцем по своему лбу, – только здесь. – Хольцман заговорщически улыбнулся Норме и понизил голос: – Ошибки, конечно, возможны и на нашем уровне. Если даже это произойдет, будем надеяться, что у лорда Нико Бладда хватит терпения не уволить нас со службы.

*Только узколобые люди не видят,
что невозможное можно определить как
отсутствие воображения и побудительных*

Ксавьер Харконнен недовольно ерзал на зеленом парчовом диване, стоявшем в вестибюле замка Батлера. Офицерская форма не была предназначена для столь роскошной мебели. Стены были увешаны вставленными в золотые багеты портретами предков Маниона Батлера. Среди них был один карикатурного вида джентльмен с напыщенными усами и в живописной треугольной шляпе.

Бесконечно занятый по службе, Харконнен выкроил чашку и забежал сюда, чтобы сделать приятный сюрприз Серене, но слуги попросили его подождать. В вестибюль спустилась смущенная Окта и принесла Ксавьеру холодный сок. Хотя Ксавьер всегда смотрел на Окту только как на младшую сестру Серены, сейчас он вдруг заметил, что она превратилась в красивую молодую женщину. Учитывая, что Серена была уже помолвлена, Окта могла теперь рассчитывать на собственное замужество; если бы только она смогла преодолеть свою застенчивую влюбленность в него.

– Серена не ждала вас, но она скоро выйдет. – Окта отвела взгляд в сторону. – Она встречается сейчас с какими-то людьми очень официального вида – с мужчинами и женщинами, какие-то люди пронесли туда электронную аппаратуру, причем эти люди одеты в форму милиции. Наверное, это связано с ее парламентскими делами.

Ксавьер мимолетно улыбнулся.

– У нас обоих так много всяких проектов, но что делать, коли настали такие тяжелые времена.

Пока Окта занималась тем, что поправляла на полках книги и статуэтки, Ксавьер мысленно перенесся на заседание парламента, на котором он присутствовал два дня назад. Расстроенная трагическим падением Гьеди Первой, Серена попыталась сплотить представителей сильнейших планет Лиги, надеясь организовать спасательную операцию. Она всегда хотела что-то делать, созидать, и именно за это Ксавьер так ее любил. Хотя другие приняли поражение, смирились с ним и ежились от страха, думая, кто будет следующей жертвой Омниуса, Серена хотела вмешаться и спасти погибающий мир. Любой мир.

Одетая в длинное платье, она произнесла пылкую речь, выступая с трибуны временного Дома парламента.

– Мы не можем просто так сдать Гьеди Первую! Мыслящие машины преодолели уничтожающее поле, убили магнуса, поработили народ и с каждым днем все сильнее дают знать о своем существовании. Должно быть, в тылу машин остались уцелевшие бойцы внутренней гвардии, а мы знаем, что на Гьеди осталась недостроенная система защитных полей. Возможно, мы сумеем наладить ее работу! Мы должны сами начать сражение, пока мыслящие машины не успели основать свою инфраструктуру. Если мы будем ждать слишком долго, они станут неуязвимыми!

– Насколько мы знаем, они уже стали неуязвимыми, – про-

ворчал представитель промышленной колонии Вертри.

Следом за ним заговорил чиновник с Занбара.

– Отправить Армаду на Гьеди Первую – это чистой воды самоубийство. Там не осталось разрушающих полей, поэтому планета лишена обороны и машины просто перебьют нас в прямом столкновении.

Серена вытянула палец в сторону нервничающего зала.

– Это совершенно не обязательно. Если мы сможем проскользнуть на планету, закончить работу и прикрыть планету новым полем, то тогда, быть может, нам удастся перерезать...

Члены Лиги откровенно смеялись над таким предложением. Видя расстроенное лицо Серены, Ксавьер испытал жгучую жалость к девушке. Но она не понимала всех трудностей, связанных с ее наивными предложениями. Было решительно невозможно восстановить защитную систему Гьеди Первой под носом мыслящих машин. Во время своей инспекционной поездки Ксавьер убедился в том, что потребуется несколько недель работы техников и инженеров – и это в идеальных условиях – для того, чтобы сделать работоспособной систему новых защитных полей, разрушающих гелевые контуры мыслящих роботов.

Но Серена была не из тех людей, которые легко отказываются от своих идей. Она должна была попытаться что-то сделать. К действию ее побуждало воображение, она отчетливо представляла себе страдания многих миллионов ни в чем не

повинных людей.

Голосование закончилось сокрушительным поражением Серены Батлер.

– Мы не можем расходовать ресурсы, боеприпасы и жертвовать людьми в ненужной экспедиции на планету, которая уже потеряна для человечества. Теперь это крепость и оплот мыслящих машин.

Аристократы боялись за свои местные системы защиты.

Эта работа занимала почти все время Ксавьера. Как офицер Армады он проводил совещания с другими офицерами и парламентскими представителями, включая и вице-короля Батлера. Ксавьер твердо решил разобраться, что произошло с системой обороны Гьеди Первой, был ли он лично виноват в этом.

Специалисты по тактике Армады изучили отчеты об инспекционной поездке и уверили Ксавьера, что он не мог ничего сделать, чтобы предотвратить захват планеты. Все дело было в нехватке сил, для отражения нападения пришлось бы держать на орбитах всех планет весь боевой флот Лиги. Если бы Омниус решил пожертвовать частью своих мыслящих машин для преодоления защитного разрушающего поля, то ни одна планета не могла бы чувствовать себя в безопасности. Но эта информация не улучшила настроение Ксавьера.

На Поритрине Хольцман без усталости работал над созданием новой конструкции разрушающего защитного поля. Лорд Бладд был полон оптимизма и был уверен в своем саванте,

особенно с тех пор, как тот взял себе в помощники молодого одаренного математика – дочь колдуньи Зуфы Ценва. Ксавьер надеялся, что ученому удастся в самом ближайшем будущем создать что-то для того, чтобы переломить ситуацию.

В вестибюль торопливо вошла покрасневшая от быстрой ходьбы и оттого еще более красивая Серена и обняла Ксавьера.

– Я не думала, что ты сможешь прийти.

Окта незаметно выскользнула в боковую дверь.

Ксавьер посмотрел на украшенные орнаментом часы на камине.

– Хотел сделать тебе сюрприз, но сейчас мне надо уже идти. Служба. Сегодня мне предстоит долгое совещание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.